

**Власть истории –
История власти**

Том 10. Часть 1. (№51)

**The Power Of History
– The History Of Power**

Volume 10. Issue 1. (№51)

Свидетельство о регистрации средств массовой информации

ПИ № ФС77-61481

от 24 апреля 2015 г.

Эл № ФС77-61482

от 24 апреля 2015 г.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Власть истории – история власти» обязательна.

Рукописи рецензируются.

Журнал входит в Перечень ВАК (№ 694)

**Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым
и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад
в поддержку проекта.**

ISSN 2415-7015

8 номеров в год

E-mail: etnosocium@mail.ru

Сайт: <http://etnosocium.ru/vi>

Язык: русский, английский.

Зам. гл. ред. С.В. Рыбаков

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60x90/16. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 16

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «Этносоциум»

Отпечатано в типографии Международного издательского центра «Этносоциум»,

105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Москва 2024

Certificate of registration of mass media

ПИ № ФС77-61481

Founded in April 24, 2015

ЭЛ № ФС77-61482

Founded in April 24, 2015

The journal is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

“The Power Of History” aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

The journal is included in the list of HAC (№ 694)

**We express our gratitude
of the outstanding scientists and public figures, who made
a financial contribution to the project.**

ISSN 2415-7015

8 issues per year

E-mail: etnosocium@mail.ru

Website: <http://etnosocium.ru/english/The-Power-Of-History-vi-iv>

Languages: Russian, English

Deputy Chief Editor: Rybakov S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x90

Copies: 500

The original layout was prepared by the International Publishing Center «Ethnosocium»

Printed in the printing house of the International Publishing Center «Ethnosocium»

105066, Moscow, Spartakovskaya st., 19, building 3.

Moscow 2024

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Зам. Главного Редактора, руководитель проекта:

Рыбаков С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой национальных и федеративных отношений Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Долженко А.Н., доктор филологических наук. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков. Московская Академия Следственного комитета Российской Федерации.

Ненарокова М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ РУДН, ведущий научный сотрудник, отдел Классических литератур Запада и сравнительного литературоведения. Институт мировой литературы имени А.М. Горького (ИМЛИ) РАН. Переводчик.

Нагорнова Е.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Никашина Н.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Клименко Д.А., кандидат филологических наук, специалист по Италии.

Мурашко С.Ф., кандидат психологических наук, профессор кафедры русского и иностранных языков. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Ивакин Г.А., доктор исторических наук, профессор, эксперт. Заместитель директора ФГБНУ «Психологический институт РАО».

Наумова Г.Р., доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ).

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ковалева Н.А., доктор филологических наук, доцент. Профессор кафедры русского языка и литературы Института иностранных языков Нанкинского университета (КНР).

Летуновский П.В., кандидат исторических наук, доктор политических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Варсонофьев В.В., кандидат политических наук, военный эксперт.

Чапкин С.В., почетный академик, президент «Академии экологии и права».

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Игнатов И.С., кандидат политических наук, старший советник юстиции.

Вражнова М.Н., доктор педагогических наук, профессор, МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Курбонзода Хонали, доктор исторических наук, Ректор Республиканского института повышения квалификации и переподготовки работников сферы образования, Республика Таджикистан, г. Душанбе.

Платонова Н.М., доктор исторических наук. Доцент кафедры «Теория и история государства и права» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный государственный университет путей сообщения» (г. Хабаровск).

EDITORIAL BOARD

Deputy. Chief Editor and Project Manager:

Rybakov S.V., Doctor of historical sciences, professor of the history of Russian Ural Federal University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of National and Federal Relations of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Dolgenko A.N., Doctor of Philology. Head of the Department of Russian and Foreign Languages at the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Nenarokova M.R., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, RUDN University, Leading Researcher, Department of Classical Literature of the West and Comparative Literature. Institute of World Literature RAN. Interpreter/Translator.

Nagornova E.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages at the Institute of Foreign Languages of the Peoples' Friendship University of Russia.

Nikashina N.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Klimenko D.A., Candidate of Philology, specialist in Italy.

Murashko S.F., Candidate of Psychological Sciences, Professor of the Department of Russian and Foreign Languages. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Ivakin G.A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Expert. Deputy Director of the Federal State Budgetary Scientific

Institution “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”.

Naumova G.R., Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councillor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kovaleva N.A., Doctor of Philology, Associate Professor. Professor of the Department of Russian Language and Literature of the Institute of Foreign Languages of Nanjing University (PRC).

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the A.M. Vassilevsky Soviet Union.

Varsonofiev V.V., Candidate of Political Science, Military expert.

Chapkin S.V., Honorary Academician, President of the “Academy of Ecology and Law”.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor.

Ignatov I.S., Candidate of Political Sciences, senior advisor of justice.

Vrajnova M.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Road Construction University (MADI).

Honali Kurbonzoda, Doctor of Historical Sciences, Rector of the «National Institute of professional development and training of educators».

Platonova N.M., Doctor of Historical Sciences. Associate Professor of the Department “Theory and History of State and Law” of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Far Eastern State University of Communications” (Khabarovsk).

Содержание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ЛИНГВИСТИКА

<i>Резепова Н.В.</i> Индикации тактильного поведения коммуникантов в англоязычном лингвокультурном ареале: функциональный и лексический аспекты.....	12
<i>Лукина М.Н.</i> О некоторых вопросах национальной специфики языка в восприятии картины мира.....	20
<i>Сон Ён Иль</i> Морфолого-синтаксические свойства союза что... что.....	27
<i>Иванова М.Е., Чубарова Ю.Е.</i> Соборность как социальное основание державности, гражданственности и патриотизма.....	34
<i>Хуан Сянюань</i> К вопросу о диалектных словарях.....	44
<i>Кропота О.А., Шагина Ю.В.</i> Цифровые технологии в преподавании дисциплин гуманитарного цикла.....	51
<i>Кирюхин Д.В., Полозова В.П., Старкова Е.А., Егорова Л.В., Гаврилова Ю.В.</i> Возможности диалога в медийном пространстве на примере авторского проекта «chronica magistri».....	59
<i>Губкина В.С.</i> Из истории исследования семантических типов предикатов.....	68
<i>Кобзева О.В., Федорова Е.Л., Чистякова Н.А.</i> Семантические универсалии и специфические национальные особенности фразеологических единиц с компонентом «душа» и «сердце» во французском, английском и русском языках.....	79
<i>Расул Фряд Исмаил Расул</i> Реакция на референдум Иракского Курдистана в российских СМИ.....	88

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

<i>Даренская И.В.</i> «Диалог с властью»/ «диалог с народом» в контексте мобилизационных механизмов в промышленных городах Урала в период «великого перелома».....	95
<i>Арутюнян М.Н., Дармилова Э.Н., Урчукова С.Р.</i> Проблемы становления и развития российской общественной мысли на рубеже XVIII-XIX столетий.....	103
<i>Нарцисс М.С.</i> Частная жизнь сельского (белого) духовенства Вологодской епархии в XVII веке.....	111

Горохов В.М. К вопросу об искажении текста приговора Международного военного трибунала в сборниках материалов «Нюрнбергский процесс».....	119
Алиших Алаа, Ворожейкина Т.М. Очерк истории сельскохозяйственного учета.....	130
Бедретдинова Л.Н. Зарубежная поездка Соловьева в 1842-1844 гг.....	138
Патракеев А.В. Деятельность фабричных инспекторов в России в начале XX века.....	147
Феклистова И.В., Богданов С.В. Мотивация активных коллаборационистов на оккупированной немецкими захватчиками советской территории (на материалах уголовных дел УКГБ СССР по Белгородской области).....	156
Эшматова Г.Б. Депутаты от Республики Алтай в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации.....	165

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Крыжановский А.В. США и ЕС: испытание бананами (из истории американо-европейских торговых конфликтов).....	176
Тап Н.Д., Дуву Ф.М. Причины неэффективности международных организаций в разрешении кризисов в Африке: на примере ЭКОВАС.....	191
Нгойе С.Т. Эволюция политики России в отношении стран Центральной Африки.....	203
Чжу Вэньцин Актуальные вопросы международной политики в контексте глобализационных процессов.....	216
Крестовников В.А. Древнегерманская религиозная трансформация.....	224
Аннотации	235
Авторы	252

Content

PHILOLOGICAL SCIENCES, LINGUISTICS

<i>Rezepova N.V.</i> Indications of tactile behavior of communicants in the English-speaking linguistic and cultural area: functional and lexical aspects.....	12
<i>Lukina M.N.</i> On some issues of the national specificity of language in the perception of the worldview.....	20
<i>Song Yong II</i> Morphological and syntactic properties of the conjunction that...that.....	27
<i>Ivanova M.E., Chubarova Yu.E.</i> Conciliarity as the social foundation for sovereignty, citizenship and patriotism.....	34
<i>Huang Xiangyuan</i> On the issue of dialectal dictionaries.....	44
<i>Kropta O.A., Shagina Y.V.</i> Digital technologies in teaching humanities disciplines.....	51
<i>Kiryukhin D.V., Polozova V.P., Starkova E.A., Egorova L.V., Gavrilova Y.V.</i> Possibilities of dialogue in the media space on the example of the author's project "chronica magistri".....	59
<i>Gubkina V.S.</i> From the history of research of semantic types of predicate.....	68
<i>Kobzeva O.V., Fedorova E.L., Chistyakova N.A.</i> Semantic universals and specific national features of phraseological units with the component "soul" and "heart" in French, English and Russian.....	79
<i>Rasul Fryad Ismail Rasul</i> Reaction to the Iraqi Kurdistan referendum in the Russian media.....	88

ACTUAL QUESTIONS OF HISTORICAL SCIENCES

<i>Darenskaia I.V.</i> "Dialogue with the people" in the context of mobilization mechanisms in the industrial cities of the Urals during the period of the "great turning point"	95
<i>Harutyunyan M.N., Darmilova E.N., Urchukova S.R.</i> Problems of formation and development of Russian public thought at the turn of the XVIII-XIX centuries.....	103

Narcissus M.S. The private life of the rural (white) clergy of the Vologda Diocese in the XVII century.....	111
Gorokhov V.M. On the issue of distorting the text of the Verdict of the International Military Tribunal in the Collections of Materials «Nuremberg Trials».....	119
Alaa Alshikh, Vorozheykina T.M. Essay on the history of agricultural accounting.....	130
Bedretdinova L.N. Solovyov's foreign trip in 1842-1844.....	138
Patrakeev A.V. The activity of factory inspectors in Russia at the beginning of the XX-th century.....	147
Feklistova I.V., Bogdanov S.V. Motivation of active collaborators in the soviet territory occupied by the German invaders (based on the materials of the criminal cases of the USSR KGB in the Belgorod Region).....	156
Eshmatova G.B. Deputies from the Altai Republic in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation.....	165

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND GENERAL HISTORY

Kryzhanovskiy A.V. The USA and EU: ordeal by bananas (glimpses of the history of American-European trade conflicts).....	176
Tape G.D., Duvu P.M. Reasons for the ineffectiveness of international organisations in resolving crises in Africa: the case of ECOWAS.....	191
Ngoye S.T. Evolution of Russia's policy towards Central African.....	203
Zhu Wenqing Actual issues of international policy in the context of globalization processes.....	216
Krestovnikov V.A. Ancient German religious transformation.....	224
Abstracts	244
Authors	254

Филологические науки, лингвистика

Philological sciences, linguistics

Резепова Н.В.

Доцент кафедры иностранных языков №2 ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», доцент кафедры русского и иностранного языков. ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет кинематографии имени С.А. Герасимова (ВГИК)».

**Индикации тактильного поведения
коммуникантов в англоязычном
лингвокультурном ареале: функциональный
и лексический аспекты***

Аннотация. Данная статья ставит своей целью исследование гаптических индикаций, вербализирующих тактильное поведение персонажей в коммуникативных актах в англоязычном прозаическом тексте. Анализируется функциональный потенциал языковых средств, номинирующих ситуации тактильного поведения, ослабляющих или усиливающих процесс коммуникативной связи. Проводится морфосинтагматический анализ гаптических индикаций с целью установления частотности типов синтагм в структуре предложения. Особое внимание уделяется обзору языкового спектра коммуникативно-тактильных маркеров.

Ключевые слова: невербальная семиотика, гаптические индикации, коммуникативно-тактильные маркеры, функциональный потенциал, литературная коммуникация, языковой спектр, морфосинтагматический анализ.

Rezepova N. V.

Associate Professor of Chair of Foreign Languages № 2. The Plekhanov Russian University of Economics, Associate Professor of Chair of Russian and Foreign Languages. Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov.

Indications of tactile behavior of communicants in the English-speaking linguistic and cultural area: functional and lexical aspects

Abstract. This article aims to study haptic indications that verbalize the tactile behavior of characters in communicative acts in English prose text. The functional potential of linguistic means that nominate situations of tactile behavior, weakening or strengthening the process of communicative communication is analyzed. A morphosyntagmatic analysis of haptic indications is carried out in order to establish the frequency of types of syntagmas in the structure of the sentence. Particular attention is paid to the review of the linguistic spectrum of communicative-tactile markers.

Key words: nonverbal semiotics, haptic indications, communicative-tactile markers, functional potential, literary communication, language spectrum, morphosyntagmatic analysis.

Введение

Как известно, вербальное и невербальное поведение являются ключевыми составляющими коммуникативного процесса. Данные явления неразрывно сосуществуют в симбиозе, что в некоторой степени затрудняет понимание того, где заканчивается вербальная коммуникация и начинается коммуникация, основанная на бессловесной интраакции. Невербальная коммуникация занимает значимое место в процессе общения в социуме, по причине того, что без адекватной её интерпретации невозможно оценить истинное содержание вербального поведения коммуникантов, их интенций, стремлений и поступков. Если словами человек научился искусно манипулировать, вуалировать правду, затуманивать смыслы, используя те или иные лексико-стилистические средства (эвфемизмы, иносказания, перифразирование), то невербальное поведение сложнее контролируется сознанием и поддается намеренному конструированию.

Таким образом, любые вербальные знаки и сигналы необходимо рассматривать в непосредственном единстве с невербальными сообщениями, которые их сопровождают и дают более полную картину происходящего, что, несомненно, свидетельствует о значительной роли невербальной коммуникации.

Как известно, невербальная семиотика – это комплексная наука, состоящая из ряда частных наук, исследующих феномен невербальной коммуникации с разных сторон и предлагающие разные подходы к изучению ее

природы. Так, например, прагматическая направленность невербальных знаков рассматривается в современной лингвистической науке не только в контексте передачи информации посредством сенсорных каналов, но и в контексте изучения графической текстовой информации, которая также нацелена на передачу определенной информации и воздействие на сознание реципиента [1].

Цель настоящей статьи заключается в изучении тактильной коммуникации или языка касаний, формирующие предмет изучения гаптики. Тактильная коммуникация, будучи кинетической формой поведения опирается на существенный культурный пласт, берущим свое начало в глубоком прошлом. Появление и становление тактильной коммуникации, ее разновидности, прагматический фактор, имплицитный и эксплицитный факторы, а также высокая частотность функционирования в коммуникативных актах делают тактильную коммуникацию привлекательным объектом изучения, что и послужило стимулом для проведения настоящего исследования.

Переходя непосредственно к изложению результатов исследования, полагаем уместным прояснить терминологический вопрос. Под *гаптическими индикациями* или коммуникативно-тактильными маркерами в данной статье мы подразумеваем языковые единицы, вербализирующие тактильные коммуникативные ситуации в литературной коммуникации в англоязычном лингвокультурном ареале.

Материалом исследования послужил англоязычный текст романа «Delirium», жанр произведения – любовный роман. «Delirium» – это первый роман трилогии об «апокалипсисе нашего времени» американской писательницы Лорен Оливер, написанный в 2011 году.

Основная часть

Результаты проведенного анализа логичнее изложить в виде классификации функциональной направленности гаптических индикаций в изучаемом тексте:

1. *Гаптические индикации, выражающие дружбу, соучастие или заботу по отношению к реципиенту жеста-касания:*

reaches a hand out to me and helps me up;

brush her hair away from her face and pull the sweat-soaked sheets away from her shoulders;

places a hand on either side of my face, wipes the tears away with his thumbs [5].

2. *Гаптические индикации, устанавливающие контакт между коммуникантами и направленные на привлечение внимания:*

puts a hand on each of my elbows and guides me around to face him;

tilts my chin upward, forcing me to look at him [5].

3. *Гаптические индикации, отражающие доминирующее положение*

продуцента в силу возраста или социального статуса:

(a) puts a hand on my arm and spins me in her direction;

(b) nudges me sharply in the back with the barrel of his gun [там же].

Данные текстовые иллюстрации описывают тактильную коммуникацию между (а) тётей и племянницей и (b) конвоиром, осуществляющим надзор за задержанным.

4. Конвенциональные гаптические индикации:

К этой группе относятся коммуникативно-тактильные маркеры, условно принятые за стандарт в определенной ситуации.

...reaches down and squeezes my hand, two quick pumps and then two long ones;

...pumps my hand three times. That's our signal to move [там же].

5. Гаптические индикации, актуализирующие эмоциональное состояние персонажей:

(a) Her nails are digging into my shoulders, and at that moment I'm terrified of her;

(b) all my classmates are crushing together in a huge hug, jumping up and down and screaming;

(c) his palms are damp with sweat, and he barely squeezes my hand... I surreptitiously wipe my hands against my pants [там же].

Текстовые фрагменты гаптических индикаций вербализируют (а) негативные эмоции агрессии, раздраженности, что заставляет продуцента жеста-касания впиться ногтями в плечо собеседницы, (b) яркие положительные эмоции радости, счастья, восторга, которые испытывают студенты, успешно сдавшие экзамены и получившие дипломы и (c) негативные эмоции брезгливости, не желая идти на контакт.

Не вызывает сомнения тот факт, что, находясь в состоянии повышенной тревожности или волнения, люди нуждаются в соучастии и поддержке, реализуемой посредством тактильного общения:

He's squeezing me so tightly it hurts a little, but I don't mind. It feels good, like if I wanted to I could lift my feet off the ground and stop trying at all and he'd still be holding me up;

step forward and wrap her in a hug, she relaxes and presses her face into my shoulder and lets herself cry [5].

6. Гаптические индикации, актуализирующие интимное, романтическое общение персонажей:

(a) His fingers lace my hair, cup my neck and the back of my head, skim over my shoulders, and without thinking about it or meaning to, my hands find his chest, move over the heat of his skin, the bones of his shoulder blades like wing tips, the curve of his jaw, just stubbled with hair—all of it strange and unfamiliar and gloriously, deliciously new;

(b) stretches out to tickle my stomach, grabs out and wrestles me back onto the blanket, laughing [там же].

Небезынтересно отметить сложную ложную, многокомпонентную синтаксическую структуру текстовой иллюстрации (а), которая представляет собой сложносочиненное предложение открытого типа. Такого рода предложения типичны для прозаического художественного текста, в котором содержатся пространственные дескрипции, лирические отступления, авторские размышления и другие текстовые блоки подобного рода [2].

7. *Гаптические индикации, вербализирующие взаимоотношения главной героини Лины со своей матерью.* Мы выделили отдельную группу таких индикаций, поскольку образ матери чрезвычайно важен для главной героини, и она постоянно обращается к детским воспоминаниям об общении с матерью:

kissed my bruises when I fell, she lifted me to my feet after I fell off my bike and began to rock me in her arms;

the softness of her hands as she spun me down the long polished wood floors; the hot pressure of her fingers on my face in the nighttime [5].

8. *Гибридные гаптические индикации, образованные посредством сращивания коммуникативно-тактильных маркеров разных типов:*

(a) Shaking hands makes me feel awkward;

(b) ... after a second I reach out and shake. The moment we touch, a tiny electrical shock buzzes through me [там же].

Гибридность приведенных текстовых иллюстраций заключается в том, что, пример (а) представлен конвенциональной тактильной индикацией (пожатие рук при встрече) и тактильной индикацией, вербализирующей эмоциональное состояние персонажа (неловкость, конфуз). Пример (б) представлен конвенциональной тактильной индикацией (пожатие рук при встрече) и тактильной индикацией, вербализирующей эмоциональное состояние персонажа (шок, неловкость).

9. *Фантазийные гаптические индикации:*

I can feel his eyes on me like the hot pressure of touch;

but images of Alex flicker through my mind—kissing me, stroking my hair, dancing his fingers over my skin;

I want to grab him, pull him toward me, kiss him right there [там же].

К данной группе классификации мы отнесли гаптические индикации, продуцируемые в воображении и фантазиях персонажей. Как правило, это вызвано желанием телесного контакта с близкими людьми (матерью, возлюбленным), поскольку тактильная коммуникация представляет возможность выразить любовь, привязанность, нежность, ласку по отношению к близкому кругу людей, с которыми комфортно и приятно взаимодействовать.

Поскольку любой художественный текст создается по законам литературной коммуникации и содержит текстопостроительные модели, типичные

для определенного литературного жанра, то уместным является констатировать наличие лексико-стилистических средств выразительности в тексте романа. В этой связи, мы выделили отдельную группу гаптических индикаций:

10. Гаптические индикации действий, продуцируемых объектами или явлениями природы:

the weight of the velvety darkness around us;
the sun catches his hair, turns it momentarily white;
the moonlight just touches his shoulder blades;
the wind lifts the hair on my arms, makes goose bumps prick up on my legs;
a wave lifts and breaks against my back;
like an eclipse blotting the moon dark [5].

Приведенные текстовые фрагменты иллюстрируют примеры наделения темноты, солнца, лунного света, ветра, морской волны, лунного затмения способностью коммуницировать тактильно подобно живому организму.

Пейзажные дескрипции играют существенную роль в художественном тексте, являясь своего рода самостоятельным действующим лицом, участвующим в развитии сюжетных линий, раскрывающий образ героев, позволяющий более глубоко осознать эксплицитные авторские смыслы [3].

Далее перейдем к рассмотрению языкового репертуара гаптических индикаций. В целом же, лингвист, изучающий художественный текст, включает в орбиту своего профессионального внимания анализ лингвокультурологического аспекта авторского идиостиля, арсенала лексико-стилистических средств, поскольку эти составляющие компоненты влияют на текстопостроительные модели, преобладающие в данном конкретном тексте [4].

Частиречный анализ языковых средств позволяет утверждать, что глагол является облигаторным компонентом гаптических индикаций в тексте романа. Это объясняется тем фактом, что гаптическая коммуникация направлена на реализацию действия по отношению к другому человеку. Языковой репертуар коммуникативно-тактильных маркеров представлен следующими глаголами и глагольными сочетаниями: **reach a hand, skim, pull, graze, slap, clap, squeeze, kiss, lift, rock, spin, pump, wrap, rub, press, pull, nudge, shake hands, pat, touch, elbow, pass a finger, put a hand, crush together, grab, rest a hand, dig nails into, pinch, hug, brush with fingers, stroke hair, wipe tears, dance fingers over skin, pump a hand, tilt a chin, help me up, guide me to face, jab with an elbow, fingers lace, cup the neck, his fingers skate, wrap his arm around, bury my face in his chest, bend close to me.**

Интересно заметить, что в тексте романа выявлены спорадические гаптические индикации, в которых наблюдается отсутствие глагола, а акт касания актуализируется посредством существительного: **the softness of her hands, the hot pressure of the fingers.** Это факт объясняется тем, что поскольку данные коммуникативно-тактильные маркеры вербализируют

невербальную ситуацию общения любящей матери и ребенка, то автор предпочел уместным использовать дескрипцию касаний посредством существительных с положительной коннотацией, иными словами для автора важнее не просто обозначить факт невербальной коммуникации, а характер тактильной интеракции.

Морфосинтагматический анализ коммуникативно-тактильных маркеров позволил нам сделать вывод о том, что предикативная, атрибутивная, объектная и адвербиальная синтагмы обладают низкой частотностью в своем чистом виде в тексте романа. Преимущественно, наблюдается сращивание или гибритизация этих видов синтагм в структуре распространенного предложения:

Alex puts a hand on each of my elbows (предикативная синтагма **Alex puts** + объектная синтагма **puts a hand** + адвербиальная синтагма **puts on each of my elbows**);

My uncle pats me on the shoulder awkwardly (предикативная синтагма **My uncle pats** + объектная синтагма **pats me** + адвербиальная синтагма **pats on the shoulder awkwardly**);

pull the sweat-soaked sheets away from her shoulders (объектно-атрибутивная синтагма **pull the sweat-soaked sheets** + адвербиальная синтагма **pull away from her shoulders**);

nudges me sharply in the back (объектная синтагма **nudges me** + адвербиальная синтагма **nudges sharply in the back**).

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что гаптические индикации, функционирующие в художественном тексте, являются мощным коммуникативным инструментом, позволяющим лучше понять индивидуальные особенности персонажей, их психоэмоциональное и физиологическое состояние в акте коммуникации. Коммуникативно-гаптические маркеры, как составляющий аспект невербального поведения персонажей, формируют в сознании читателя комплексное представление о личности героев, их внутреннем мире, переживаниях, интенциях. Реципиент литературного произведения интерпретируя дескрипции прикосновений, их интенсивность, частотность, направленность, лучше декодирует глубину и многообразие литературной коммуникации.

Широкий спектр гаптических индикаций в англоязычном тексте романа «Delirium» позволяет сделать вывод о важности учета тактильной коммуникации, которая дает возможность автору лучше прописать сюжетные линии и персонажную интеракцию. Проведенный обзор функционального потенциала гаптических маркеров позволил изложить результаты в виде классификации, состоящей из десяти групп. Наиболее частотными явля-

ется группы гаптических индикаций, вербализирующих эмоциональное состояние персонажей и гибридных коммуникативно-тактильных маркеров, как правило, представленных конвенциональными гаптическими индикациями и индикациями, указывающими на эмоциональное состояние героев. Данный факт можно объяснить тем, что тактильное поведение персонажей сопровождая вербальную коммуникацию, дифференцирует эмоциональный фон общения, который является непременным атрибутом коммуникативной ситуации.

Что касается частичечного анализа гаптических индикаций, то в подавляющем большинстве коммуникативно-тактильные маркеры представлены обширным спектром глаголов, выражающих акт прикосновения. Глаголы этой семантической группы реализуют как нейтральное значение (**puts a hand on my arm, rests one hand on my elbow, to maintain physical contact, lifted me to my feet**), так и положительное (**kiss, pat, fondle, caress, stroke**) и отрицательное (**jab, pinch, nails are digging into my shoulders, thrust, kick, beat, bite**) коннотативное значение. Морфосинтагматический состав тактильных индикаций представлен в подавляющем большинстве гибридными синтагмами, функционирующими в составе распространенных предложений.

Библиографический список:

1. Орлова Т.А. Графическая информативность недиалоговой части драматического текста (на материале пьес американских авторов XX века) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2007. № 1. С. 127-134.
2. Журтова О.А. Художественный текст как авторская картина мира / О.А. Журтова, Ю.Е. Чубарова // Гуманитарные исследования: традиции и инновации: Межвузовский сборник научных трудов. Том Выпуск 3. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2009. С. 26-30.
3. Орлова Т.А. Описание пейзажа в структуре дотекстовой информации драматического текста (на примере пьес американских авторов XX века) / Т.А. Орлова // Интеграция региональных систем образования: Материалы V международной конференции, Саранск, 02–03 октября 2006 года. Том Выпуск 5, часть 2. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2006. С. 157-163.
4. Орлова Т.А. Лингвокультурологический анализ сложных слов в художественном тексте (на материале английского языка) // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2011. № 13. С. 167-170.
5. Oliver Lauren Delirium // URL: <https://avalonlibrary.net/ebooks/Lauren%20Oliver%20-%20Delirium.pdf> (Дата обращения: 21.09.2023).

Reference

1. Orlova T.A. Graphic information content of the non-dialogue part of a dramatic text (based on plays by American authors of the twentieth century) // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics. 2007. № 1. P. 127-134.
2. Zhurtova O.A. Literary text as the author's picture of the world / O.A. Zhurtova, Yu.E. Chubarova // Humanitarian research: traditions and innovations: Interuniversity collection of scientific works. Volume Issue 3. Saransk: Mordovian University Publishing House, 2009. P. 26-30.
3. Orlova T.A. Description of landscape in the structure of pre-textual information of a dramatic text (using the example of plays by American authors of the 20th century) / T.A. Orlova // Integration of regional education systems: Proceedings of the V international conference, Saransk, October 02–03, 2006. Volume Issue 5, part 2. Saransk: Mordovian University Publishing House, 2006. P. 157-163.
4. Orlova T.A. Linguistic and cultural analysis of complex words in a literary text (based on the material of the English language) // Foreign languages: linguistic and methodological aspects. 2011. № 13. P. 167-170.
5. Oliver Lauren Delirium // URL: <https://avalonlibrary.net/ebooks/Lauren%20Oliver%20-%20Delirium.pdf> (09.21.2023).

Лукина М.Н.

Старший преподаватель. ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», Институт зарубежной филологии и регионоведения, г. Якутск.

О некоторых вопросах национальной специфики языка в восприятии картины мира*

Аннотация. В статье структурно и содержательно рассмотрено формирование коммуникативной компетенции на основе изучения средств языка и влияния грамматики на формирование личности и национального характера. Язык раскрывает определенные черты личности. Он не только подтверждает само существование национального характера как явления, но и высвечивает его малозаметные аспекты и грани.

Ключевые слова: разнообразие языковых средств, национальный характер, система средств выражения, восприятие картины мира, диалог двух культур, родной язык, языковая личность.

Lukina M.N.

Senior Teacher, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Institute of Foreign Philology and Regional Studies, Yakutsk.

On some issues of the national specificity of language in the perception of the worldview

Аннотация. The article is devoted to the problem of mutual understanding between peoples, the difficulties of clashing belief between cultures, the influence of grammar on the formation of personality and national character.

Key words: variety of linguistic means, national character, system of means expression, perception of the worldview, dialog between two cultures, native language, linguistic personality.

В современном мире проблема взаимопонимания между народами становится все более острой, поэтому очень важно, чтобы не возникали трудности из-за столкновения разных культур, обусловленных различным историческим, политическим и социокультурным развитием. В настоящее время установление и развитие международных и межкультурных контактов и связей - одна из острейших социальных проблем во всех сферах общественной жизни мирового сообщества. Изучение иностранных языков и их использование как средства международного общения невозможно без глубокого и разностороннего знания культуры носителей этих языков, их менталитета, национального характера, образа жизни, видения мира, обычаев, традиций. Только сочетание этих двух знаний – языка и культуры наших партнеров по мировому сообществу может обеспечить эффективное общение.

При обучении иностранному языку контекст культуры должен включать два основных компонента: опыт культуры народа, носителя данного языка, и учет родного языка и родной культуры. Первое составляет предмет лингвострановедения, а родной язык является той основой, на которой строится обучение другим языкам, и особенности которой учитываются при составлении национально-ориентированных учебников. В контексте социокультурной парадигмы обучение иностранному языку выступает как диалог двух культур. Однако, в этом случае вряд ли можно говорить о диалоге культур, поскольку последний предполагает некоторое взаимодействие активных субъектов. Напомним, что носитель национальной культуры - это не обладатель определенной массы социокультурных знаний, а человек, чьи качества сознания сформировались в результате присвоения социокультурного потенциала родной культуры. Под этими качествами понимаются образы сознания (значения), ассоциированные со словами, «которые используются коммуникантами для построения мыслей при кодировании и декодировании речевых сообщений». Поэтому реальный диалог культур может происходить только «в сознании носителя конкретной культуры, которому удалось постигнуть образы сознания другой (чужой) культуры, диалог культур - не столько общение разных сознаний, сколько общение образов разных культур в рамках одного сознания». Очень важно подчеркнуть, что освоение инокультурных ценностей приводит к более глубокому осмыслению и переосмыслению культуры собственной.

Ю.Н. Караулов выделяет три вида психоглоссы: грамматические, когнитивные и мотивационные, соответствующие трем уровням организации языковой личности. Первые, связаны со знанием языка, вторые совпадают с типичными категориями образа мира, третьи отражают национальный характер.

Способ познания чужой культуры состоит в поиске различия и со-

поставляемых образах чужой и своих культур и в рефлексии над этими различиями: предмет чужой культуры при знакомстве с ним не должен терять чуждости, образ своей культуры не должен заслонять образ чужой культуры.

Для речемыслительной деятельности, которая проявляется как говорение, слушание, чтение и письмо, характерно оперирование, как ментальными конструкциями, так и средствами языка.

По мнению С.Г. Тер-Минасовой невозможно разделить пассивную, «отражательную», и активную, формирующую функции языка, что это лишь условный прием, необходимый для исследования.

Осознавая эту условность, воспользуемся этим приемом и на материале русского, якутского и французского языков рассмотрим, каким образом язык формирует личность. При этом, как правило, человек не осознает той активной роли, которую язык играет в формировании его характера, поведения, отношения к жизни, отношения к людям. Приведем наиболее очевидные и показательные примеры того, как грамматика влияет на формирование личности и национального характера. Хорошо известный грамматический факт: в русском языке, как и во французском, в качестве обращения используются два личных местоимения *ты* и *вы*, а в якутском языке *эн*. В монографии Н.И. Даниловой «Местоимения в якутском языке» так называемая «сфера говорящего» обозначается личным местоимением *мин*, «сфера собеседника» - *эн*. Местоимения 1-го и 2-го лица употребляются для обращения к человеку как к определенному лицу и не могут заменять названия предметов. Мнение Н.И. Даниловой разделяют К.Е. Майтинская и Л.Н. Харитонов. Вот суждения Л.Н. Харитонова о личных местоимениях: «Местоимения *я* и *ты*, по-видимому, обозначают понятия строго персональные, единичные и неповторимые. В языковом сознании мыслимо только одно *я* и только одно *ты*. Казалось бы, чистая грамматика, значения эквивалентны, просто *эн* - это и *ты*, и *вы*. Возможность выбора в русском и во французском языках, когда *вы* может употребляться и для единственного числа (обычно с большой буквы, что подчеркивает уважительность этой формы обращения), и для множественного, не может не влиять на отношения между людьми и на их характеры. Русское *ты* может оскорбить: «Вы мне не тыкайте!». Однако *ты* может и осчастливить. Так например у А.С. Пушкина: «Пустое *Вы* сердечным *ты* она, обмолвись, заменила». Всему этому эмоциональному обыгрыванию *ты* и *вы* якутский язык противопоставляет безальтернативное употребление *эн*, навязывая своему носителю формально-официальное отношение. И учитель ученику, и ученик учителю - все друг другу говорят *эн*. Никого нельзя оскорбить тыканьем, но никакого нельзя и «обмолвись», как будто по ошибке, осчастливить. Так якуты оказываются более

вежливыми, но менее эмоциональными, чем русскоговорящие и французы. Однако надо заметить, в последние годы по российскому телевидению, особенно в молодежных передачах, отношения между людьми разных возрастов стали гораздо менее формальными и *ты* постепенно вытесняет *Вы*. Еще один пример из области грамматики- морфологии. Известно, что в русском языке имеется очень большое количество уменьшительных и ласкательных суффиксов: *-очк-* (*-ечк-*), *-оньк-* (*-еньк-*), *-ушк-* (*-юшк-*), *-ик-* и многих других. Носитель французского языка, практически не имеющего таких суффиксов, не может вообразить себе все то огромное суффиксальное богатство русского языка, которое предоставляет его носителям возможность выразить огромное богатство тончайших нюансов души. Родной язык русского человека отражает его потребность в передаче оттенков хорошего отношения к миру (язык - зеркало культуры) и формирует из него любящую личность, предоставляя в его распоряжение большое разнообразие языковых средств для выражения этого самого хорошего отношения к миру. Причем именно к миру, а не только к людям, потому что уменьшительно-ласкательные суффиксы присоединяются русскими людьми и к одушевленным, и к неодушевленным предметам. Разумеется, это создает большие трудности при переводе. Представьте себе, что русское слово старушка в есенинском «Ты жива еще, моя старушка?» требует в переводе четырех французских слов: «*Tu vis toujours, ma chere petite grande-mere?*».

По- русски можно сказать о людях: *Машенька, Машечка, Машунечка* и т. д.; *девушка, девочка, девчушка, девчоночка*; о животных: *кот, котик, котикшечка*; *собака, собачка, собаченька*; а также о любом предмете неживого мира: *домик, домишечка, домичек*; *ложечка, вилочка, кастрюлька, сковородочка* и т. д. Всему этому богатству французский язык может употребить только слово *petit* или *gentil*. Представить себе носителей французского языка, говорящих *ma petite fourchette* или *mon petit chien*, невозможно - и не просто потому, что во французском языке нет такого количества и разнообразия уменьшительно-ласкательных суффиксов, а главным образом потому, что у них этого нет и в менталитете. А в менталитете нет, потому что нет в языке, они не приучены языком к таким «нежностям».

Эмоциональность в якутском языке специально не изучалась. Впервые наличие слов, указывающих на отношение говорящего к высказыванию, было подмечено Л.Н. Харитоновым в работе «Современный якутский язык» в разделе «Частица», в котором охарактеризованы модальные частицы.

Е.И. Убрятова в якутском языке выделяет целую систему средств выражения эмоциональной окраски: 1. междометия (*татай, пахай, паа, окси* и т.л.); 2. многочисленные труднопереводимые особые слова (*бараксан, обургу, базайы, багас* и др.) 3.синтетические и аналитические приемы выра-

жения уменьшительно-ласкательных значений как в именных, так и в глагольных формах (*догоччук от догор*, и *йэккэ от ийэ*, *уолчаан от уол*, *огом сыьһа*). Та же тенденция к повышенной эмоциональности у носителей русского языка, к так называемой переоценке, проявляется, и в пунктуации, в первую очередь в употреблении восклицательного знака. В русском языке восклицательный знак употребляется гораздо чаще, чем во французском, что свидетельствует, возможно, о большей эмоциональности и, очевидно, о более открытом проявлении эмоций. В русском языке как и в якутском восклицательный знак ставится после обращения в письменной форме - в любом жанре переписки: в деловой, частной, официальной и т. д. Во французском языке во всех этих жанрах ставится запятая, что часто вызывает конфликт культур. Носители французского языка недоумевают по поводу восклицательного знака в письмах, написанными русскоязычными людьми: *Cher Pierre! Chere Alice! Madame!* Русскоязычные же обижаются на запятую после имени: не уважают нас, восклицательного знака пожалели, что это за *Chere Svetlana?!* Отметим, что по-русски два восклицательных знака не ставятся никогда - или один, или три. В русском и французском языках существует категория рода, наделяющая все существительные, а значит все предметы окружающего мира, свойствами мужскими, женскими или нейтральными, что свидетельствует об эмоциональном отношении к природе, к миру, об олицетворении этого мира. Если убрать категорию рода из русской литературы, особенно из поэзии, уйдет часть души, она померкнет, поблекнет - всего лишь из-за утраты грамматической категории. В синтаксисе наиболее заметная разница - порядок слов в предложении.

Французский язык известен своим жестким фиксированным порядком слов. Поскольку у него не развита система падежей, как в русском и в якутском языках, и, соответственно, у него нет окончаний, оказывающих отношения между существительными, то порядок слов выполняет важнейшую функцию указателя этих отношений. В русском и якутском языках, при относительно свободном порядке слов, падежные окончания сразу покажут, кто кого уважает - *Петя Колю*, *Петя Коляны* или *Коля Петю*, *Коля Петяны* независимо от места в предложениях. Во французском языке, имеющем форму *Петя уважает Колю* (*Pierre estime Nicolas*), кто первый - тот подлежащее, тот и уважает. На лицо предмет, производящий действие, указывает только порядок слов, а не сами слова и их формы. Из этого не будем делать поспешный вывод, что строгий порядок слов приучает людей, говорящих по-французски, быть ограниченными, но дисциплинированными и любить порядок, а вольности порядка слов в русском и якутском языках делает людей недисциплинированными, беспорядочными, но творческими и многогранными. Возможно, в этом и есть доля правды, но поскольку научно это никак не доказано, то значит и не существует. По мнению С.Г. Тер-

Минасовой так это социокультурная значимость порядка слов в устойчивых выражениях, фразеологизмах и ее влияние на формирование личности носителя языка. Например, в обоих языках обращение к аудитории имеет строго фиксированный порядок слов: *Mesdames et messieurs*, Дамы и господа! Подчеркнутое первенство дам и *Mesdames* зафиксировано на социально завышенном уровне речи: это словосочетание употребляется по отношению к достаточно высоким слоям общества. На более низких ступенях социальной лестницы представителей разных полов называют мужчины и женщины, *les hommes et les femmes*. Значит, в том социокультурном слое, где лица мужского пола мужчины, они идут первыми, до женщин, поднявшись по социальной лестнице на ступеньку выше и став господами и *messieurs*, они уступают дорогу дамам и *mesdames*. Мальчики и девочки, как и *jeunes gens et demoiselles*, также свидетельствует о патриархате и главенстве мужского пола. Таким образом ребенок, овладевающий родным французским или русским языком, узнает, кто важнее, чья роль в обществе ценится выше. При этом переставить слова и сказать женщины и мужчины, также невозможно, как сказать господа и дамы. Но в последнее время женщины - руководители все больше занимают главенствующие позиции, и кто знает, может появиться новое устойчивое выражение, характеризующее доминирующую позицию женщин в современном обществе.

Итак, уже на уровне грамматики язык свидетельствует о повышенной эмоциональности русской души, русского национального характера, чем французского, или якутского языков. Уменьшительно-ласкательные суффиксы русского языка не только отражают повышенную способность русскоязычного человека к выражению любви, эмоциональность, но и несомненно способствуют формированию этих качеств. Наличие выбора между *ты* и *вы* также дает больше возможностей для передачи оттенков чувств и, следовательно, формирует более высокую эмоциональность у русскоязычных и французов, чем у народа саха, не имеющих этой возможности выбора. Восклицательный знак тоже определяет более эмоциональное отношение и к людям, и к окружающему миру. Таким образом, в формировании личности носителя языка участвуют все средства языка, в том числе грамматические. Это исследование подтвердило вывод о национальной специфике восприятия картины мира. Разумеется, это краткое исследование не исчерпывает всех языковых явлений в свете рассматриваемой проблемы.

Язык - это зеркало, показывающее не мир вообще, а мир в восприятии человека.

Мир в данном случае - это окружающая человека реальность, у каждого народа свое видение мира. Язык раскрывает определенные черты личности. Он не только подтверждает само существование национального ха-

рактера как явления, но и высвечивает его малозаметные аспекты и грани. Современный человек, проживая в весьма динамичном мире, постоянно совершенствует многие свои навыки, и языковая культура должна выступать первостепенной основой развития любой личности.

Библиографический список:

1. Боголюбова Л.И. Ситуация общения и язык // Французский язык в свете теории речевого общения. – СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992. 201 с.
2. Борисенко М.К. Некоторые аспекты преподавания элементов лингвострановедения на французском языке в старших классах // Иностранные языки в школе. 1997. № 3. С. 41-44.
3. Брагина А.А. Лексика и культура страны: Изучение лексики в страноведческом аспекте. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1986. 152 с.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1990. 246 с.
5. Кулаковский А.Г. Научные труды. – Я: Якутское книжное изд-во, 1979. 132 с.
6. Новиков А.Г. О менталитете саха. – Я. Изд-во Аналитического центра При Президенте РС (Я). 1995.
7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. 146 с.
8. Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. – Я. ЯкГиз., 1998. 313 с.
9. Артамонов В.П., Гаврильев Н.Н. Краткий французско-якутский словарь. – М.-Я. 1997. 544 с.
10. Larousse. Petit dictionnaire francais. Paris, 1993. 767 с.
11. Robert P. Dictionnaire du francais d'orthographe et de difficultes du francais, Paris, Le Robert, с. 2011. IX. 1167 p.

Reference

1. Bogolyubova L.I. The situation of communication and language // French language in the light of the theory of speech communication. – St. Petersburg: St. Petersburg Publishing House. Univ., 1992. 201 p.
2. Borisenko M.K. Some aspects of teaching elements of linguistic and regional studies in French in high school // Foreign languages at school. 1997. № 3. P. 41-44.
3. Bragina A.A. Vocabulary and culture of the country: Studying vocabulary in a regional aspect. 2nd ed., revised. And. add. – M.: Russian language, 1986. 152 p.
4. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Language and culture: Linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language. 4th ed., revised. and additional – M.: Russian language, 1990. 246 p.
5. Kulakovskiy A.G. Scientific works. – I: Yakut book publishing house, 1979. 132 p.
6. Novikov A.G. About the Sakha mentality. – Ya. Publishing house of the Analytical Center under the President of the Republic of Sakha (Yakutia). 1995.
7. Ter-Minasova S.G. Language and intercultural communication. – M.: Slovo, 2000. 146 p.
8. Kharitonov L.N. Modern Yakut language. – Ya. YakGiz., 1998. 313 p.
9. Artamonov V.P., Gavrilyev N.N. Concise French-Yakut dictionary. – M.-Ya. 1997. 544 p.
10. Larousse. Petit dictionnaire francais. Paris, 1993. 767 pp.
11. Robert P. Dictionnaire du francais d'orthographe et de difficultes du francais, Paris, Le Robert, p. 2011. IX. 1167 p.

Сон Ён Иль

Соискатель. Тихоокеанский государственный университет, Инчхон, Республика Корея.

Морфолого-синтаксические свойства союза что...что*

Аннотация. В современных реалиях возрастает интерес к русскому языку как иностранному в силу укрепления России на международной арене, возвышения ее статуса в сфере политики, экономики, науки и технологий. Иностранцы слушатели желают учиться в России, мировой бизнес имеет тенденцию к сближению с российскими предприятиями, соответственно, русский язык постепенно приобретает международный статус.

Стоит отметить, что русский язык является многогранным, интересным, красивым, но одним из самых сложных языков в мире. Его флективный характер, а также разветвленная система падежей, синонимико-антонимических парадигм и тропов делает его максимально сложным для восприятия иностранным слушателем. Кроме того, многообразие союзов также является непростым материалом для иностранцев, желающих освоить русский язык на высоком профессиональном уровне.

Актуальность данной статьи заключается в настоятельной необходимости изучения морфолого-синтаксических характеристик союзов для более качественного восприятия русскоязычного материала иностранными обучающимися.

Предметом исследования является союз *что...что* в русском языке.

Объектом работы являются морфологические и синтаксические характеристики союза *что...что*.

Научная новизна исследования заключается в качественном описании вышеуказанных характеристик союза *что...что* для более качественного восприятия материала иностранными слушателями.

Практическая значимость работы представлена возможностью использования материалов работы в академическом процессе обучения иностранцев русскому языку.

Ключевые слова: союзы, морфолого-синтаксические характеристики, речь, иностранные слушатели, восприятие, усвоение, парадигма, развитие.

Song Yong Il

Pacific national university. Incheon, Republic of Korea.

Morphological and syntactic properties of the conjunction that...that

Abstract. In modern realities, interest in Russian as a foreign language is growing due to the strengthening of Russia in the international arena, the elevation of its status in the sphere of politics, economics, science and technology. Foreign students want to study in Russia, global business tends to move closer to Russian enterprises, and accordingly, the Russian language is gradually acquiring international status.

It is worth noting that the Russian language is multifaceted, interesting, beautiful, but one of the most difficult languages in the world. Its inflectional nature, as well as an extensive system of cases, synonymous-antonymic paradigms and tropes makes it extremely difficult for a foreign listener to understand. In addition, the variety of unions is also difficult material for foreigners who want to master the Russian language at a high professional level.

The relevance of this article lies in the urgent need to study the morphological and syntactic characteristics of conjunctions for a better perception of Russian-language material by foreign students.

The subject of the study is the conjunction that...that in the Russian language.

The object of the work is the morphological and syntactic characteristics of the conjunction that...that.

The scientific novelty of the study lies in the qualitative description of the above characteristics of the union that...that for a better perception of the material by foreign listeners.

The practical significance of the work is represented by the possibility of using the work materials in the academic process of teaching foreigners the Russian language.

Key words: conjunctions, morphological-syntactic characteristics, speech, foreign listeners, perception, assimilation, paradigm, development.

Союз представляет собой служебную часть речи, которая соединяет однородные члены предложения или простые предложения в составе сложного. Союзы могут быть сочинительными, а также подчинительными. В

данной статье рассматривается союз *что...что*, который является сочинительным.

Ученые полагают, что данный союз представляется относительно новым в русском языке, и пришел он в основное использование из разговорной речи. Анализ структур показывает, что он является и разделительным, и соединительным средством синтаксической связи [1].

В качестве разделительного он соединяет однородные члены предложения, повторяясь при каждом из них, он указывает на то, что предметы и явления являются равноправными, практически одинаковыми. В данном контексте он соответствует союзам *ли...ли, хоть...хоть*.

В качестве соединительного средства он употребляется при сопоставлении повторяющихся членов предложения или предложений в начале каждого из них. Сопоставим с союзом *хоть*.

Союз *что...что* учеными характеризуется по-разному. Например, его называют соединительно-разделительным с разделительно-пояснительной семантикой, по мнению Н.Д. Пятницкого. При этом В.З. Санников включает данный союз в особую группу разделительных союзов, которые характеризуются равноценностью и обратимостью компонентов. И.Н. Кручинина доказывает, что он имеет ярко выраженное разделительное значение, но при этом она не считает его союзом, а относит данную единицу к относительным местоимениям [2].

В «Русской корпусной грамматике» союз *что...что* считается разделительным, при этом он указывает не просто на равноценность соединяемых компонентов, а на равноценность таких компонентов, которые при обычных обстоятельствах не являются равноценными. Они однозначны только при высокой эмоциональной окраске речи. При этом говорящий абсолютно безразличен к данным однородным единицам. Синонимичным данному союзу является союз *хоть...хоть*, который еще более эмоционально окрашен, нежели *что...что*.

Союз *что...что* связывает открытые синтаксические структуры, которые характеризуются пропорциональной семантикой альтернативности по отношению друг к другу и по указанной причине воспринимаются как равнозначные в общем контексте. Например, *Что лошадь, что собака, что человек – все было едино для него*. Эти слова все разные, ничего общего между ними нет, однако, по мнению говорящего и его презентации, они для него и слушающих едины.

Если союз *что...что* связывает две альтернативы, они могут быть противопоставлены, например, *Что большой город, что деревня – все едино*. Отрицание или антонимия могут выражаться посредством частицы *не*, словом *нет*, а также предлогом *без*, например, *Что врач, что не врач – не разберешь в суматохе. Что с ним, что без него – им все равно. Что читал*

произведение, что нет – результат нулевой, к сожалению.

Отметим, что, если альтернатив более двух, формируются синонимические конструкции [3], например, *Что в лоб, что по лбу, что горох об стену – воздействие не принимается.*

Возможно сочетание антонимичных и синонимичных конструкций в данном контексте, например, *Что дневной бой, что ночной, что в лесу, что в поле – знай руби врага.*

Союз *что...что* используется в большей степени в языке художественной литературы, а также в публицистике и разговорной речи. Он не свойственен для официально-делового и научного стилей языка.

От данного союза важно отличать омонимичные явления, например, союзное слово, вопросительное местоимение, подчинительный союз *что*, а также фразеологические сочетания. Например, *Он пользовался всем, что предоставляли ему друзья, всем, что давали родители, всем, что обеспечивала работа – он был в чистом виде потребителем. Он сказал, что работает, что учится, что развивается, что растет. А что тебе нужно? Что ты хочешь? Что оставишь после себя?*

Морфолого-синтаксические свойства союза *что...что* определяются минимализмом его конструкции, которая включает словоформы, взаимодействующие с данным союзом в контексте синтаксической связи [4].

Данный союз образует конструкции с соподчиненными параллельными членами, которые относятся к общему члену, представленному неглагольными словоформами, коррелирующими со словоформами ряда через предикативную связь, включая нулевую. В основном это именные, прономинативные и наречные ряды, а также инфинитивные и атрибутивные глагольные словосочетания. Например, *Перед законом что рабочий, что крестьянин равны. Все меняется в мире, а они – особые, что в девятнадцать, что в пятьдесят решений не меняют. Казак что справа налево, что слева направо – все казак. Что заработанный рубль, что украденный – все возможно было в лихие времена. Что стоя, что сидя – все одно.*

Отметим, что конструкции с глаголами в данном контексте встречаются не часто, словоформа дублируется при отрицании [5]. Например, *Ему что говори, что не говори – не верит никому. Пропал Иван – что учился, что нет.*

Подчеркнем, что факты не дублирования глагольной формы, не часты. Например, *Что Сталина верни, что Николая поставь, все вызовет диссонанс.*

Конструкции, в которых членами ряда являются личные глагольные словоформы, имеют одно подлежащее, как правило. Например, *Ему что зима, что лето – все одно без дела.*

В отношении синтаксических свойств союза *что...что* отметим, что они связаны с различными коммуникативно-прагматическими средства-

ми, которые обеспечиваются его действием [6]. Это могут быть частицы, модальные слова, актуальное членение предложения, ритмомелодика, обобщающие элементы предложения, а также связи и отношения внутри текста. Каждая синтаксическая структура, вводимая союзом *что...что*, является ремой, т.е. новым материалом. Сочиненные словоформы и их синтаксические группы могут занимать положения любых членов предложения. Их порядок свободен, а выбор определяется коммуникативными задачами говорящего [7]. Например, *Ему что холодно, что тепло – все едино, привык и закален. Привык и закален – ему что тепло, что холодно – все едино.*

Анализ показывает, что конструкции с данным союзом взаимодействуют со словами с уступительным значением либо обобщением, а также используются в качестве пояснения, вставки, парцелляции, присоединения, что соответствующим образом обозначается на письме посредством тире, двоеточий, запятых, скобок [8]. Например, *Она не может выносить этот город, что новый отстроенный, что старый, полуразрушенный – она стала чужой. Какая разница – что первый, что десятый – свобода нравов и морали: нехорошо это. Что много денег, что мало – все одно, безразличен он к ним, вот и весь сказ.*

Отметим, что союз *что...что* является типичным разделительным союзом и имеет стандартные синтаксические характеристики, как и прочие союзы его плана.

Рассмотрим этимологические характеристики данного союза для того, чтобы понять в некоторой степени его сочетаемость и употребление словоформ в его контексте.

Отметим, что данный союз изначально восходил к вопросительному слову *что*, которое использовалось в риторических вопросах с восклицанием [9]. Например, *Что мне он? Что мне все они?* В данных предложениях совмещена вопросительная и восклицательная интонация, что является базовым признаком риторичности вопроса. Например, *Что мне снег, что мне зной, что мне дождик проливной?* Ученые полагают, что именно такие интонации определяют риторическую природу высказывания, а также такой вопрос соответствует определенной категоричности высказывания с восклицанием.

В некоторых случаях риторичность уступает место определенной семантике сетования. В таком случае вопросительный и восклицательный компоненты уходят на второй план. Например, *Что мне до вас, что мне до них, ушел интерес и вкус жизни.* В таких предложениях сложно разграничить риторический и повествовательный аспекты, они сливаются воедино, образуя общность, лингвистическую совокупность [10]. При этом смещается интонационный центр на словоформы, в силу чего перечисление становится определяющим фактором, происходит уже повествование

и постепенно мы получаем союз *что...что* со всеми его значениями перечисления и разделения. Например, *Ему что река что море – все по колено. Что десять, что сто лет живи – учишься постоянно.*

Рассмотрим данный союз в сравнении с его синонимом – союзом *хоть...хоть*. Отметим, что единицы являются синонимичными, если характеризуются сходной дистрибуцией и контекстами, т.е. они должны иметь одинаковую сочетаемость и характеризоваться взаимозаменяемостью. Но отдельно следует все же упомянуть и контекст, который может накладывать некоторые ограничения на указанные действия.

Конструкции с союзом *что...что* имеют непредикативный характер и восходят исторически к риторическим вопросам с восклицательным оттенком. При этом союз *хоть...хоть*, как показывает анализ текстов, по большей части используется с предикативными формами, так как этимологически указанный союз связан со словом *хотеть* и имеет оттенок желательности. Таким образом, их отличия заключаются в предикативности – непредикативности. Например, *Пишите хоть в газету, хоть в журнал* невозможно заменить на *Пишите что в газету, что в журнал* – смысл теряется. *Хоть гадайте, хоть на гитаре играйте* невозможно уподобить *Что гадайте, что на гитаре играйте*. При этом отметим, что союз *что...что* легче заменяется на *хоть...хоть*, так как его сочетаемость в данном контексте шире. Например, *Что на немецком говорит, что на английском, что на французском – мне все одно, не понимаю ничего*. Легко данное предложение заменяется на *Хоть на немецком говорит, хоть на английском, хоть на французском – мне все одно, не понимаю ничего*. Отметим, что союз *что...что* более уподобляет предметы, нивелирует семантико-синтаксические различия в отличие от *хоть...хоть*, который их, наоборот, противопоставляет и подчеркивает.

Также отметим, что данные союзы отличаются по вводимым ими альтернативам, которые сходны с союзами *или* и *либо* соответственно. Например, *А его или так, или этак – все равно не было*. Сравним, *А его что так, что этак – все равно не было*. *А его либо так, либо этак – все равно не было*. *А его хоть так, хоть этак – все равно не было*. Подчеркнем, что в контексте *что...что* показана альтернатива, в контексте *хоть...хоть* – более узко указано противопоставление.

Таким образом, мы проанализировали морфологические и синтаксические аспекты союза *что...что* и пришли к выводам, что данный союз относительно новый в русском языке он является сочинительным разделительным союзом и восходит изначально своей историей к вопросительному слову, а затем к местоимению, постепенно приобретая повествовательный оттенок и приобретая характеристики перечисления и альтернативы [11]. Союз интересен с позиции синонимических связей с союзом *хоть...хоть*,

который предусматривает в большей степени противопоставление, нежели простую альтернативу. В синтаксическом ключе *что...что* определяет рему предложения, может использоваться в любом месте в силу свободного порядка слов в русском языке. Подчеркнем, что данный союз несет непредикативные характеристики, употребляется в антонимических конструкциях со словами *нет*, предлогом *без*, а также антонимами.

Отметим, что указанные характеристики следует учитывать при обучении русскому языку как иностранному, очень сложному и непростому с позиции освоения языка. Именно обращение к этимологии данного союза, его конструктивным характеристикам и базовым конструкциям поможет облегчить академический процесс и улучшит восприятие сложного русскоязычного материала иностранными слушателями, верно формируя иноязычную коммуникативную компетенцию обучаемых.

Библиографический список:

1. Лихачева О.Н. Особенности подготовки обучающего материала по деловому иностранному языку. В сборнике: Шаг в науку. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции с участием студентов. Махачкала. 2020. С. 465-469.
2. Завьялов В.Н., Сон Ен Иль. Конструктивные свойства союза что...что и его семантика. Научный диалог. 2023. Т. 12. № 3. С. 65-81.
3. Алимов В.В. Теория перевода. Пособие для лингвистов-переводчиков. – М.: Ленанд, 2015. 240 с.
4. Лихачева О.Н. Сущность гуманитарного компонента в рамках неязыкового вуза на примере английского языка. Булатовские чтения. 2018. Т. 7. С.113-114.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. Учебное пособие. – М.: Слово. 2014. 144 с.
6. Голуб И.Б. Русский язык и культура речи. – М.: Логос, 2020. 200 с.
7. Бобылева Б.Г. Русский язык и культура речи. Орел, 2014. 401 с.
8. Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика современного русского языка. – М.: Юрайт, 2013. 415 с.
9. Лихачева О.Н. Некоторые рекомендации по обучению чтению студентов технических вузов с использованием профильного компонента на занятиях по иностранному языку. Булатовские чтения. Т. 17. С. 216-218.
10. Зиновьева Е.С., Юрков Е.Е. Лингвокультурология – теория и практика. – СПб: МИРС, 2009. 292 с.
11. Кулинич М.А. Введение в лингвокультурологию. Учебное пособие по спецкурсу. Самара, 2011. 90 с.

Reference

1. Likhacheva O.N. Peculiarities of preparing training material in a foreign business language. In the collection: Step into science. Collection of materials from the III International Scientific and Practical Conference with the participation of students. Makhachkala. 2020. P. 465-469.
2. Zavyalov V.N., Son Yong Il. Constructive properties of the conjunction that...that and its semantics. Scientific dialogue. 2023. Vol. 12. № 3. P. 65-81.
3. Alimov V.V. Translation theory. A manual for linguists and translators. – M.: Lenand, 2015. 240 p.
4. Likhacheva O.N. The essence of the humanitarian component within a non-linguistic university using the example of the English language. Bulatov readings. 2018. Vol. 7. P. 113-114.
5. Ter-Minasova S.G. Language and intercultural communication. Tutorial. – M.: Word. 2014. 144 p.
6. Golub I.B. Russian language and culture of speech. – M.: Logos, 2020. 200 p.
7. Bobyleva B.G. Russian language and culture of speech. Orel, 2014. 401 p.
8. Kupina N.A., Matveeva T.V. Stylistics of the modern Russian language. – M.: Yurayt, 2013. 415 p.
9. Likhacheva O.N. Some recommendations for teaching reading to students of technical universities using a specialized component in foreign language classes. Bulatov readings. Vol. 17. P. 216-218.
10. Zinovieva E.S., Yurkov E.E. Linguoculturology – theory and practice. – St. Petersburg: MIRS, 2009. 292 p.
11. Kulich M.A. Introduction to cultural linguistics. Textbook for a special course. Samara, 2011. 90 p.

Иванова М.Е.

Старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Чубарова Ю.Е.

Доцент кафедры теории речи и перевода, ФГБОУ ВО Московский государственный университет имени Н.П. Огарёва, Саранск.

**Соборность как социальное основание державности,
гражданственности и патриотизма***

Аннотация. Соборность – одна из ключевых ценностей русской традиционной культуры, для которой не существует аналогов в западном гуманитарном мышлении. Цель статьи – проанализировать становление и развитие содержания этого термина. Показано, что суть соборности – в объединении её носителей вокруг общего социального идеала. Подобным образом понимаемая соборность может трактоваться в качестве социального основания гражданственности и патриотизма. В первую очередь это касается таких видов соборности, как державность и гражданственность. Выявлено соотносительное содержание соборности, державности, гражданственности, патриотизма. Охарактеризованы ведущие подходы отечественных исследователей к структуре и содержанию соборности и державности.

Ключевые слова: патриотизм, соборность, социальный идеал, державность, гражданственность.

Ivanova M.E.

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages № 2. Plekhanov Russian Economic University.

Chubarova Yu.E.

Associate Professor, Department of Speech Theory and Translation, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Moscow State University named after N.P. Ogareva, Saransk.

Conciliarity as the social foundation for sovereignty, citizenship and patriotism

Abstract. Conciliarity is one of the key features of the traditional culture of Russia. It is unprecedented in the western cultures. The article aims at analyzing the origins and development of the scope of the notion. The article argues the purpose of conciliarity is to unite people by introducing common social ideal. The conciliarity understood as such underlies the formation of citizenship and patriotism. First of all, it includes such notions as sovereignty and patriotism. The article reveals the scope of the relative notions of conciliarity, sovereignty, citizenship, and patriotism. The article analyzes the approaches of the leading domestic researchers to conciliarity and sovereignty.

Key words: patriotism, conciliarity, social ideal, sovereignty, citizenship.

Введение.

Рушится однополярный мир. В этих условиях растет понимание роли русских традиционных национальных ценностей. В Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. традиционные российские духовно-нравственные ценности охарактеризованы как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны» [23].

В предыдущих статьях авторов проанализирована ценность «служения Отечеству и ответственность за его судьбу»: рассмотрена сущность понятий «служение», «служение Отечеству», выявлено развитие представлений об Отечестве и патриотизме в русской национальной культуре [9]. В настоящей статье выявляется взаимосвязь патриотизма и соборности.

Российская философская мысль достаточно давно выявила тесную связь патриотизма и гражданской идентичности [1; 4; 10; 13] с глубинной сущностью одного из центральных проявлений христианской духовной жизни – соборности [12; 20]. Исследователями отмечается уникальность этого термина, потому что в иных языках, кроме русского, такого понятия не существует [15, с. 2; 20, с. 44]. Это понятие вобрало в себя традиции, присущие общинной жизни русского народа, и включило в себя содержание, присущее древнерусскому термину «лад».

Именно поэтому исследование взаимосвязи соборности и патриотизма выступает не только теоретической, но и практической задачей, связанной

с укреплением державности и государственного суверенитета РФ.

Цель исследования – охарактеризовать развитие представлений о соборности и державности в российской социально-философской, религиозной и политической мысли, а также выявить современное значение этих понятий для развития Российского государства и укрепления его суверенитета.

Методика. В качестве ведущего метода выступает контент-анализ источников и литературы. Анализируются источники, раскрывающие существенные характеристики соборности, патриотизма, державности. Сравнительному анализу подвергаются труды классиков отечественной философской и религиозно-философской мысли, а также публикации современных исследователей.

Результаты исследования. На рубеже XIX–XX вв. русская философская (в том числе религиозно-философская) мысль активно исследовала круг проблем, связанных с национальной культурной самоидентификацией. Внимание исследователей было связано с анализом соборности, как ценности, присущей не только православной религиозной жизни, но распространяющей свое влияние далеко за пределы Церкви. Выделяя широкий смысл соборности, исследователи отмечают, что «понятие «соборности» имеет фундаментальный онтологический характер и только в его подлинном понимании возможен адекватный философский анализ общемировых социальных, культурных и политических изменений» [19, с. 55]. Н.Ю. Мочалова подчеркивает: «Имманентной особенностью русской культуры было тяготение к соборности, общинности, превалировании идеалов общественного над личным. Сила и значимость индивидуального определялась не его личностными, особенными характеристиками, а степенью принадлежности к общественному, мерой внутренней ассимиляции социально-идеологического» [16, с. 51]. Н.П. Мони́на характеризует соборность как аксиологическую доминанту русской культуры [15, с. 7].

В самом деле, теоретическая разработка этого понятия активизировалась во многом благодаря спору западников и славянофилов. И.В. Киреевский акцентирует внимание на таком аспекте соборности, как цельность, и подчеркивает, что общество может стать цельным лишь при их свободном творчестве, основанном на любви к Церкви, «к своему народу, к своему государству и т. п.» [цит. по: 12, с. 24]. На цельность, но уже применительно к церкви, указывает Г. Флоровский, характеризуя соборность как внутреннее определение Церкви, ибо «единство это является высшей цельностью и полнотой» [24, с. 529]. В том же направлении размышляет и В.С. Соловьёв, используя термин «полнота». Он расширил содержание «соборности» до понятия «всеединства»: «истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как полнота бытия» [21, с. 552]. Именно

«полнота» связывает соборность и всеединство.

Н.А. Бердяев, подводя своеобразные итоги исследованиям отечественных философов, подчеркивал: «У нас совсем не было индивидуализма, характерного для европейской истории и европейского гуманизма... Хомяков и славянофилы, Вл. Соловьев, Достоевский, народные социалисты, религиозно-общественные течения XX века, Н. Федоров, В. Розанов, В. Иванов, А. Белый, П. Флоренский – все против индивидуалистической культуры, все ищут культуры коллективной, органической, «соборной», хотя и по-разному понимаемой» [2, с. 84]. Таким образом, в понятии «соборность» важны, как минимум, два аспекта.

Во-первых, аспект, вытекающий из этимологии понятия, выявляющийся в сравнении с близкими терминами: «собор», «собрание», «сбор», «собрание» и др. Этот аспект понятия характеризует социальное единство индивидов, взятое в его цельности и полноте.

Во-вторых, имеется в виду системообразующий центр такого единства – это система ценностей, причем ценностей, принимаемых «соборно», т.е. воспринятых индивидами, вовлеченными в такое единство. Система таких ценностей может быть охарактеризована как социальный идеал соборности. Таким образом, чувство соборности и включение в соборность формирует такую общую связь индивидов, устремленных к одному социальному идеалу, которая обеспечивает прочность существования соборного социума.

В свою очередь, как отмечают исследователи, принципы всеединства и соборности в русской религиозной философии рассматривались как те основания, на которых базируется стремление выполнять свою гражданскую роль: «Освоение нормативного содержания роли, отражающей отношение человека к государству», выступает как гражданственность; а гражданская идентичность оказывается неотделимой «от моральных ценностей конкретного общества, которые транслируются государством и его основными институтами» [5, с. 40]. Ведущей моральной ценностью, определяющей само содержание гражданственности, выступает патриотизм, уважение к обычаям и традициям народа. По мнению исследователей, понимание моральных измерений гражданственности было сходным и в либеральном, и в консервативном отечественном дискурсе [см.: 5, с. 40].

Многие исследователи отмечают сложность выявления содержания гражданской идентичности, поскольку она выступает в разных ипостасях: «это и осознание принадлежности, и тождественность, и процесс, и феномен надиндивидуального сознания» [11, с. 6]. Более того, А.Б. Гофман подчеркивает, что нередко гражданская идентичность подменяется подданнической идентичностью, когда понятие «гражданин» трактуется

как «подданный государства» [7, с. 253]. Вольно или невольно, А.Б. Гофман сужает реальное содержание термина «гражданин», которое является двуединым. С одной стороны, гражданин как гражданин конкретного государства действительно является подданным, ибо обязан выполнять законы и следовать правовым нормам, принятым в этом государстве. Однако вторая сторона понятия «гражданин» характеризует человека как члена гражданского общества. Именно это двуединство понятия «гражданин» предполагает, что подлинная гражданская идентичность связана с такими характеристиками гражданской личности, как ответственность индивида, его сознательность, благородство, человеческое и гражданское достоинство.

В современной России системообразующее ядро гражданской идентичности составляет доверие к государственной власти, политическая лояльность гражданина. Актуализируемая в сознании россиянина ценность «служение Отечеству и ответственность за его судьбу» служит последовательному развитию гражданской идентичности [см.: 24]. Именно эта ценность в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» поставлена в непосредственное сопряжение с ценностями патриотизма и гражданственности [23]. Еще одна ценность, формирующая содержание гражданской идентичности, – державность. Этого термина также не существует ни в одном языке, кроме русского [20, с. 45], ибо державность – специфически российская политико-идеологическая константа. Недаром в свое время лорд Д. Керзон был вынужден отметить: «Россия бесспорно обладает замечательным даром добиваться верности и даже дружбы тех, кого она подчинила силой... Русский... совершенно свободен от того преднамеренного вида превосходства и мрачного высокомерия, который в большей степени воспламеняет злобу, чем сама жестокость...» [Цит. по: 16].

Показательно, что в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» ценность «служение Отечеству» представлена в непосредственном сопряжении с ценностями патриотизма и гражданственности [23]. Тесная связь соборности и державности анализируется М. Легеевым, который отмечает, что для православной соборности жизнь народа имеет «значение настолько, насколько тот или иной народ составлял реальную органическую, «социальную» общность, особенно если она была выражена в государственном устройстве или, по крайней мере, имела стремление к такому выражению, как государственность» [11, с. 67-68]. Такая модель соборности особую роль отводила месту и роли православного монарха. М. Легеев отмечает, в частности, что учреждение Петром I Святейшего Синода и прекращение патриаршества стало «своего рода символом тор-

жества воцерковленного социума» [11, с. 68]. Компонентом российской модели соборности традиционно выступает патернализм: «именно отсюда проистекает необходимость веры в сильную государственную власть» [20, с. 45]. Очевидно, правы те авторы, которые утверждают, «традиционная идея державности, выразителем которой... был верховный правитель, является объединяющим началом, которое примиряет все вошедшие в единый состав государства различные народы и этносы» [20, с. 45]. Благодаря державности формируется соборность политического сообщества, составляющего основание целостности и единства державы.

Обсуждение. Исследователи подчеркивают, что концепция державности в ее современном понимании формируется в России, начиная с XVIII столетия. Однако предпосылки основ державности имеют глубокую историческую традицию. Уже в домонгольский период «единство Русской земли остается центральной политико-правовой идеей отечественного летописания» [22, с. 221], а в одном из важнейших исторических памятников к. XIV - нач. XV вв. – «Задонщине» - неоднократно встречается формула «за Русскую землю». По мнению А.А. Горского, «под «землей Русской» в «Задонщине» имеются в виду, скорее всего, все русские земли» [6, с. 12].

История государства Российского показывает, что идея державности, индивидуальное и общественное чувство державности – основа для формирования гражданской нации. Державное сознание – это «преданность своему государству (державе) и стремление служить его интересам... державное сознание «намертво спаяно» с государством» [1, с. 11].

Основные социальные формы соборности, понимаемой в широком смысле и выходящей далеко за рамки религиозных сообществ, – это прежде всего *гражданственность и державность*. Поскольку соборность – это единство вокруг соборно принимаемых ценностей, то для гражданственности и державности характерны конкретные аксиологические основания. Так, державность ориентирует гражданина РФ на укрепление экономической, социальной мощи и суверенитета державы, а гражданственность мотивирует индивида на его активную роль в системе гражданского общества, выступает важнейшим фактором его гражданской идентичности. Таким образом, державность и гражданская идентичность оказываются тесно связанными друг с другом благодаря общим социальным и нравственным ценностям, имеющим длительную историю. В то же время они выступают важнейшими социальными формами соборности.

При таком понимании яснее становится взаимосвязь соборности и патриотизма. Однако следует отметить, что такие понятия, как «патриотическая культура», «патриотизм» «не получили однозначной трактовки» [3, с. 97], поэтому необходимо «преодолеть идеологическую нагруженность патриотизма», ибо такая нагруженность блокирует «перспективы его ста-

новления как научного концепта» [3, с. 99].

Русские писатели-классики также обращали внимание на сложность понимания патриотизма: «Как все высокие слова, как любовь, добродетель, слава, истина, слово «патриотизм» иногда употребляется во зло непонимающими его людьми для обозначения вещей, не имеющих ничего общего с истинным патриотизмом» [26, с. 575]. Правота Н.Г. Чернышевского подтверждается и тем, что для ряда современных отечественных исследователей характерно сугубо негативное отношение к патриотизму.

Некоторые исследователи справедливо считают, что подлинное понимание сущности и содержания патриотизма определяется рамками той терминосистемы, в рамках которой такие сущность и содержание рассматриваются. «Во взаимодействии с понятиями «любовь», «природа» патриотизм сопоставляется с Родиной, прежде всего, с малой родиной - местом, где человек родился. Во взаимодействии с понятиями Отечество, «защита Отечества» патриотизм сопоставляется со страной, с государством, с «большой» Родиной» [17, с. 186].

На деятельный аспект патриотизма в его отношении к Родине - России обращает внимание Н.А. Добролюбов: «В человеке порядочном патриотизм есть не что иное, как желание трудиться на пользу своей страны, и происходит не от чего другого, как от желания делать добро, – сколько возможно больше и сколько возможно лучше» [8]. Следует согласиться с современной исследовательницей Н.Ю. Мочаловой: «Одно дело, когда в индивидуальном сознании содержание «патриотизма» только известно, другое – когда оно действительно... патриотизм – это реализованная внутренняя ответственность, соотнесенность с результатами поступков» [16, с. 53].

Таким образом, ведущим компонентом патриотизма выступает его активно-деятельная сторона; при этом существенное значение приобретает мотивационный аспект патриотической деятельности. Поскольку любая мотивация связана с ориентацией на конкретную ценность, то первостепенное значение приобретает аксиологическая структура патриотической личности – та система ценностей, которая детерминирует ее поведение. В этой ситуации проявляется мотивационная функция гражданственности и державности как ведущих социальных форм соборности.

Гражданственность находит свое проявление в конкретных формах гражданской идентичности. В свою очередь, индивиды, идентифицирующие себя с конкретным социальным идеалом, и образуют «социальный собор» – соборность. Соборный характер гражданской идентичности отмечается разными авторами, указывающими, что гражданская идентичность – это солидарность личностей – членов общества, «чувствующих себя связанными коллективными обязательствами с другими индивидами» [14, с. 72]. Эта

идентичность основана на приобщении «к общим для данного социума социальным ценностям и целям» [цит. по: 10, с. 6].

Обстоятельный анализ гражданской идентичности осуществлен Л.Ю. Максимовой и И.В. Рябовой, которые характеризуют ее как «совокупность стойких личностных свойств индивидов, осознающих, переживающих принадлежность к сообществу граждан своего государства» [13, с. 150]. При этом выявляется двуединое социальное назначение гражданской идентичности: личность удовлетворяет потребность в принадлежности к сообществу граждан; гражданское общество с помощью такой идентичности реализует потребность в развитии коллективной гражданской субъектности. И эти авторы фактически характеризуют гражданственность (реализуемую через гражданскую идентичность) как конкретный тип соборности.

Заключение. Аксиологической доминантой русской культуры выступает соборность. В содержании соборности отражается целостность и единство и конкретных социальных сфер, конкретных типов общественных отношений.

Сами эти конкретные типы могут быть охарактеризованы в качестве специфического типа соборности с присущим ему социальным идеалом как системообразующим центром соборности: гражданственный тип соборности выступает как гражданственность, проявляемая через гражданскую идентичность, державный тип – как державность, характеризующаяся деятельным отношением к своей державе.

Мотивационная функция гражданственности и державности как ведущих социальных форм соборности реализуется в активно-деятельностном аспекте патриотизма.

Библиографический список:

1. Артамонов В.А. Патриотизм и державное сознание в России: становление и эволюция IX—XX вв. // Патриотизм – составляющая государственной национальной политики России: теория, практика. – М.: Голден-Би, 2010. С. 10-42.
2. Бердяев Н.А. Самопознание. – М.: АСТ, 2007. 447 с.
3. Божок Н.С. Культура патриотизма российского городского сообщества: дискурс культурно-исторической реконструкции // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18. № 6. С. 97-106.
4. Водолажская Т.В. Идентичность гражданская // Образовательная политика. 2010. № 5-6 (43-44).
5. Горбачева Е.И. Нравственные нормативы в контексте определения и развития гражданской идентичности // Личность в пространстве и времени. 2022. № 11. С. 39-46.
6. Горский А.А. «Всего еси исполнена земля русская». Личности и ментальность русского средневековья. – М.: Языки славянской культуры, 2001. 176 с.
7. Гофман А.Б.В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории: науч. альманах. 2010. Т. IV. С. 253-254.
8. Добролюбов Н.А. Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым. Статья первая /// URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/3089435/60172890/&art=3089435&user=18129105&uilang=ru&catalit2&track_reading (Дата обращения: 15.10.2023).
9. Иванова М.Е., Резепова Н.В. Служение отечеству и ответственность за его судьбу - традиционная ценность многонационального народа России // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 2 (176). С. 40-48.

10. Кравченко Н.Ю. Гражданская идентичность современной России // Известия Саратовского ун-та. Серия: Социология. Политология. 2016. Т. 16. № 1. С. 5-8.
11. Легев М.В. Формирование католической проблематики в истории церкви: от колливадов к свхаристической эклизиологии // Христианское чтение. 2019. № 1. С. 63-76.
12. Лосский Н.О. История русской философии. – М.: Сов. писатель, 1991. 559 с.
13. Максимова Л.Ю., Рябова И.В. Концептуализация феноменов гражданской идентичности, патриотизма, гражданственности и гражданской компетентности как компонентов гражданской направленности личности // Мир образования – образование в мире. 2020. № 2 (78). С. 146-162.
14. Масловская Е.В. Эволюция западных концепций в социологии права и гражданской сфере // Социологическое исследование. 2010. № 12. С. 70-79.
15. Моница Н.П. Аксиология соборности русской цивилизации // Научный диалог: вопросы философии, социологии, истории, политологии. Сб. науч. трудов по мат-лам III международ. науч. конф. – СПб.: ЦНК МНИФ «Общественная наука», 2016. С. 6-8.
16. Мочалова Н.Ю. Патриотизм как альтернатива современной культуры: за и против человека // Вопросы русской литературы. 2016. № 2. С. 50-54. С. 51.
17. Оржеховский Игорь. Особенности национального вопроса в дореволюционной России // Западная Русь. // URL: <https://zapadru.su/rusmir/pubru/334> (Дата обращения: 15.10.2023).
18. Огюцкий Г.П. Культура патриотизма как научное понятие и социальный феномен // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 5А-6А. С. 185-194.
19. Паутов Г.В. Кафолическая парадигма прот. Георгия Флоровского в контексте русской религиозно-философской мысли XIX–XX вв. // Вopr. богословия. 2021. № 1 (5). С. 45-56.
20. Седаев П.В., Устинкин С.В., Кочуров А.С. Традиционные ценности соборности и державности как одна из основ формирования российской государственности // Власть. 2022. Т. 30. № 4. С. 43-46.
21. Слинин Я.А. Россия и общество будущего // Я (А. Слинин) и МЫ: к 70-летию профессора Ярослава Анатольевича Слинина. Серия «Мыслители». Вып. 10. – СПб.: Санкт-Петербургское философ. о-во. 2023. // Anthropology.ru // URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/slinin/russia.html> (Дата обращения: 15.10.2023).
22. Сосенков Ф.С. К вопросу об идеях государственного единства в древнерусском летописании домонгольского периода // Вестник Новгородского гос. ун-та. 2014. № 3 (2). С. 218-220.
23. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». // URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1584202/> (Дата обращения: 02.12.2023)
24. Фан И.Б. Концепт гражданина в западноевропейской истории и культуре // Дискурс ПИ: научно-практический альманах. 2017. № 1 (26). С. 154-159.
25. Флоровский Г. Вера и культура: Избр. тр. по богословию и философии. – СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2002. 862 с.
26. Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Избранные философские сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1950. С. 408-852.

Reference

1. Artamonov V.A. Patriotism and sovereign consciousness in Russia: formation and evolution of the 9th—20th centuries. // Patriotism is a component of the state national policy of Russia: theory, practice. – М.: Golden-Bi, 2010. P. 10-42.
2. Berdyayev N.A. Self-knowledge. – М.: AST, 2007. 447 p.
3. Bozhok N.S. Culture of patriotism of the Russian urban community: discourse of cultural and historical reconstruction // Bulletin of the Volga Region Institute of Management. 2018. Vol. 18. № 6. P. 97-106.
4. Vodolazhskaya T.V. Civil identity // Educational policy. 2010. № 5-6 (43-44).
5. Gorbacheva E.I. Moral standards in the context of determining and developing civil identity // Personality in space and time. 2022. № 11. P. 39-46.
6. Gorsky A.A. “Thou art full of all things, the Russian land.” Personalities and mentality of the Russian Middle Ages. – М.: Languages of Slavic Culture, 2001. 176 p.
7. Goffman A.B. In search of lost identity: traditions, traditionalism and national identity // Questions of social theory: scientific. almanac. 2010. Vol. IV. P. 253-254.
8. Dobrolyubov N.A. Russian civilization, composed by Mr. Zhrebtsov. Article one // // URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/3089435/60172890/&art=3089435&user=18129105&uilang=ru&catalit2&track_reading (10.15.2023).
9. Ivanova M.E., Rezepova N.V. Service to the fatherland and responsibility for its fate are the traditional values of the multinational people of Russia // Ethnosocium and interethnic culture. 2023. № 2 (176). P. 40-48.
10. Kravchenko N.Yu. Civil identity of modern Russia // News of Saratov University. Series: Sociology. Political science. 2016. Vol. 16. № 1. P. 5-8.

11. Legeev M.V. Formation of catholic issues in the history of the church: from collivades to eucharistic ecclesiology // *Christian Reading*. 2019. № 1. P. 63-76.
12. Lossky N.O. History of Russian philosophy. – M.: Sov. writer, 1991. 559 p.
13. Maksimova L.Yu., Ryabova I.V. Conceptualization of the phenomena of civic identity, patriotism, citizenship and civic competence as components of the civic orientation of the individual // *World of Education - Education in the World*. 2020. № 2 (78). P. 146-162.
14. Maslovskaya E.V. The evolution of Western concepts in the sociology of law and the civil sphere // *Sociological research*. 2010. № 12. P. 70-79.
15. Monina N.P. Axiology of conciliarity of Russian civilization // *Scientific dialogue: questions of philosophy, sociology, history, political science. Sat. scientific works on materials of the III international. scientific conf. – St. Petersburg: Central Scientific Research Institute of Moscow Scientific Research Fund "Social Science"*, 2016. P. 6-8.
16. Mochalova N.Yu. Patriotism as an alternative to modern culture: pros and cons of man // *Questions of Russian literature*. 2016. № 2. P. 50-54. P. 51.
17. Orzhekhovskiy Igor. Features of the national question in pre-revolutionary Russia // *Western Rus'*. // URL: <https://zapadrus.su/rusmir/pubru/334> (10.15.2023).
18. Otyutsky G.P. Culture of patriotism as a scientific concept and social phenomenon // *Context and reflection: philosophy about the world and man*. 2023. Volume 12. № 5A-6A. P. 185-194.
19. Pautov G.V. Catholic paradigm arch. Georgy Florovsky in the context of Russian religious and philosophical thought of the 19th-20th centuries. // *Question theology*. 2021. № 1 (5). P. 45-56.
20. Sedaev P.V., Ustinkin S.V., Kochkurov A.S. Traditional values of conciliarity and sovereignty as one of the foundations for the formation of Russian statehood // *Power*. 2022. Vol. 30. № 4. P. 43-46.
21. Slinin Y.A. Russia and the society of the future // I (A. Slinin) and WE: on the 70th anniversary of Professor Yaroslav Anatolyevich Slinin. "Thinkers" series. Vol. 10. – St. Petersburg: St. Petersburg Philosopher. o-vo, 2002. // *Anthropology.ru* // URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/slinin/russia.html> (10.15.2023).
22. Sosonkov F.S. On the question of the ideas of state unity in the ancient Russian chronicles of the pre-Mongol period // *Bulletin of the Novgorod State. un-ta*. 2014. № 3 (2). P. 218-220.
23. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 "On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values." // URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1584202/> (12.02.2023)
24. Fan I.B. The concept of a citizen in Western European history and culture // *Discourse PI: scientific and practical almanac*. 2017. № 1 (26). P. 154-159.
25. Florovsky G. Faith and culture: Selected works. tr. in theology and philosophy. – St. Petersburg: Publishing house Rus. Christian. humanitarian Institute, 2002. 862 p.
26. Chernyshevsky N. G. Essays on the Gogol period of Russian literature // *Selected philosophical works: in 2 volumes. Vol. 1. M.: Gospolitizdat*, 1950. P. 408-852.

Хуан Сянюань

Магистр. Хэйлуницзянский университет.

К вопросу о диалектных словарях*

Аннотация. В современном мире изучение языка является одной из важнейших задач. Однако, при освоении языкового материала мы сталкиваемся с проблемой понимания его смысла и контекста. Возникает потребность в создании инструментов, которые помогут нам более глубоко понять язык и его диалектные особенности. В данном ключе нам помогают диалектные словари. Они представляют собой особый вид лексикографических справочников, которые включают в себя лексические единицы и определения, связанные с диалектологией, предусматривающей лингвистические особенности в зависимости от региона функционирования того или иного языка. Вопрос о диалектных словарях является актуальным и интересным, поскольку они представляют собой инструмент для понимания и анализа сложных и противоречивых явлений в различных областях лингвистического знания, таким образом, являясь решением для более глубокого изучения и познания языка. Именно указанные вопросы рассматриваются в данной работе.

Актуальность исследования заключается в возрастающем интересе к языкам и их диалектам, особенностям их функционирования в контексте языковых систем, а также к описанию всех языковых особенностей в диалектных словарях.

Предметом исследования представлены диалектные словари, их особенности и назначение.

Новизна работы заключается в описании становления подобных словарей в сопоставительном плане, их исторического развития и назначения в современных реалиях.

Практическая значимость исследования представлена возможностью использования материала и рекомендаций, указанных в работе, в учебном процессе и исследовательских лингвистических практиках.

Ключевые слова: диалектный словарь, диалектология, сопоставление, история, лингвистические категории, развитие.

Huang Xiangyuan

Master. Heilongjiang University.

On the issue of dialectal dictionaries

Abstract. In the modern world, learning a language is one of the most important tasks. However, when studying linguistic material, we are faced with the problem of understanding its meaning and context. There is a need to create tools that will help us more deeply understand language and its dialectal features.

Dialectal dictionaries are a special type of lexicographic reference books that include terms and definitions related to dialectology, which provides linguistic features depending on the region of operation of a particular language. The issue of dialectal dictionaries is relevant and interesting, since they represent a tool for understanding and analyzing complex and contradictory phenomena in various areas of linguistic knowledge, thus being a solution for a deeper study of language. In this paper we will consider the issue of dialectal dictionaries and their role in language learning.

The relevance of the study lies in the growing interest to languages and their dialects, the peculiarities of their functioning in the context of language systems, as well as in the description of all linguistic features in dialectal dictionaries.

The subject of the study is dialectal dictionaries, their features and purpose.

The novelty of the work lies in the description of the formation of such dictionaries in a comparative manner, their historical development, and purpose in modern realities.

The practical significance of the study is represented by the possibility of using the material and recommendations specified in the work in the educational process and research practices.

Key words: dialectal dictionary, dialectology, comparison, history, linguistic categories, development.

Диалектные словари представляют собой лингвистические инструменты, которые отображают особенности языка, связанные с его диалектами. В отличие от обычных словарей, диалектный словарь содержит информацию о лексике, грамматике и фонетике диалектов, позволяя исследователям и студентам более глубоко погрузиться в изучение языка [1].

Диалектные словари имеют долгую и интересную историю, связанную с

развитием лингвистических исследований и изучением различных диалектов, что началось в 19 веке в связи с появлением систематического изучения языка и интересом к региональным особенностям. Ученые и лингвисты стали осознавать, что изучение различных диалектов позволяет лучше понять язык в целом и его изменчивость [2].

В конце 19 и начале 20 века появились первые работы, посвященные изучению диалектов и созданию диалектных словарей. Одним из ранних исследователей был Якоб Гримм, который внес значительный вклад в изучение германских диалектов и создал их словарь. Эта работа стала отправной точкой для дальнейших исследований и создания диалектных словарей в других языках.

В 20 веке лингвистические исследования стали более систематическими и широкими. Ученые из разных стран исследовали диалекты своих регионов и создавали диалектные словари. Важным этапом стало использование новых методов исследования, таких как запись и анализ речи носителей диалектов, что позволило более точно описывать и классифицировать диалекты.

В настоящее время множество языков имеют свои диалектные словари, которые отражают информацию о лексике, грамматике, фонетике и других особенностях диалектов. Они являются ценным ресурсом для лингвистических исследований, изучения языка и сохранения культурного наследия регионов.

В 1856 году вышел первый том Русского диалектного словаря под редакцией академика Александра Филлиповича Хилькова. Данный словарь был первой попыткой систематизировать и описать различные диалекты, присутствующие на территории России. Он включал в себя более 10 000 слов и выражений, отражающих особенности различных региональных вариантов функционирования русского языка [3]. Однако, следует отметить, что первый русский диалектный словарь был далек от идеального. В нем были пропущены многие диалектные формы, а также не было учтено разнообразие языковых вариантов, существующих в разных социальных группах и профессиональных средах.

Одним из наиболее известных диалектных словарей является Лингвистический атлас Франции. Этот проект был запущен в начале 20 века и включал сбор и систематизацию лексических и фонетических данных по диалектам, которые существовали на территории Франции. Результатом работы стал огромный атлас, включающий карты с распределением диалектных слов и выражений по всей стране.

Еще одним примером является Словарь американских региональных различий в языке. Этот словарь был создан в середине 20 века и включает лексические единицы, которые употребляются только в определенных

регионах Соединенных Штатов. Он представляет собой ценный источник информации о разнообразии американского английского языка.

Диалектные словари играют важную роль в изучении языка. Они помогают обучающимся понять и освоить особенности языка, включая его грамматику, лексику и стилистику [4].

В отличие от обычных словарей диалектные словари предоставляют более глубокое понимание языка, его контекста и культуры. Они содержат различные значения слов, выражений и идиом, а также объяснения их употребления в конкретных контекстах. Это помогает обучающимся не только выучить новые слова, но и научиться использовать их правильно.

Диалектные словари также помогают студентам развивать навыки чтения и понимания сложных текстов. Они предоставляют различные примеры использования слов и выражений, что помогает понять их значения и контекст.

Кроме того, диалектные словари могут помочь обучающимся развить навыки письма и разговорной речи [5]. Они предоставляют различные фразы и выражения, которые можно использовать для составления текстов или общения на языке. Таким образом диалектные словари являются полезным инструментом для изучения языка, помогая студентам и прочим обучающимся развить глубокое понимание языка и его использование в различных контекстах.

Диалектные словари отличаются от обычных словарей тем, что они фокусируются на изучении и документировании диалектов и локальных вариантов языка. Они предоставляют информацию о лексике, фонетике, грамматике и других особенностях конкретного диалекта. По сравнению с общими словарями, диалектные словари обычно более подробны и содержат больше контекстуальной информации, связанной с использованием слова в конкретной диалектной среде [6].

При сравнении диалектных словарей в разных языках становится ясно, что существуют значительные межъязыковые различия. Эти различия могут быть связаны с фонетическими особенностями, лексическими вариантами, грамматическими отличиями и культурными нюансами. Например, одно и то же слово в разных диалектах или языках может иметь различные значения или использоваться в разных контекстах. Это отражает богатство и разнообразие языкового наследия и культурных традиций.

В английском языке существует множество диалектов, таких как шотландский, ирландский, американский и другие. Диалектные словари английского языка отражают различия в произношении, грамматике и лексике. Например, в шотландском диалекте слово *wee* означает *маленький*, в то время как в стандартном английском оно обычно используется как синоним слова *маленький*. Также в шотландском диалекте слово *braw* означает

хороший или прекрасный. Например, фраза *It's a brow day today* переводится как *Сегодня прекрасный день*.

Итальянский язык также известен своими диалектами, которые отличаются по регионам. Диалектные словари итальянского языка содержат множество слов и выражений, которые присущи только определенным географическим областям. Например, в неаполитанском диалекте слово *scignizzo* означает *мальчик* или *парень*, в то время как в стандартном итальянском оно не используется. Также в неаполитанском диалекте выражение *Chiagnere 'e cciollo* означает *плакать*. Например, фраза *Nun chiagnere 'e cciollo* переводится как *Не плачь*.

Русский язык также обладает разнообразием диалектов, особенно в сельской местности. Диалектные словари русского языка содержат множество слов и выражений, которые могут быть непонятны носителям стандартного русского языка. Например, в сибирском диалекте слово *понедельник* может быть заменено на *панядельник* или *понядельник*. Также в сибирском диалекте слово *париться* означает *беспокоиться* или *тревожиться*. Например, фраза *Не парься, все будет хорошо* переводится как *Не беспокойся, все будет хорошо*.

Назначение диалектных словарей следующее.

Во-первых, они способствуют расширению лексического запаса, предоставляя информацию о лексике, которая может быть уникальной для определенного диалекта. Это позволяет исследователям и обучающимся расширить свой лексический запас и понять различные синонимы и выражения, используемые в разных диалектах.

Во-вторых, они включают в себя информацию о грамматических особенностях диалектов, таких как специфические формы глаголов или синтаксические конструкции. Словари способствуют пониманию различий в грамматике и использовании языка в разных регионах.

В-третьих, диалектические словари также могут содержать информацию о фонетических особенностях диалектов, таких как произношение или ударение. Это позволяет студентам различать и понимать особенности в произношении слов в разных диалектах.

Будущее диалектических словарей представляет собой новые возможности и вызовы на фоне развития IT сферы. Рассмотрим будущие изменения диалектных словарей.

С развитием интернета и мобильных технологий, диалектные словари могут стать более интерактивными и доступными для пользователей. Это позволит людям изучать различные диалекты и варианты языка в интерактивном режиме, слушать произношение слов, диалектные образцы и даже общаться с носителями диалектов через специальные платформы.

Технологии искусственного интеллекта могут значительно улучшить

работу диалектных словарей. Алгоритмы машинного обучения могут обрабатывать большие объемы данных, анализировать диалектные особенности и предлагать пользователю наиболее подходящие варианты. Это поможет сделать словари более точными и полезными для изучения диалектов.

Диалектные словари играют важную роль в сохранении уникальных языковых особенностей, которые могут быть утрачены из-за глобализации и стандартизации языка. С помощью диалектных словарей можно документировать и изучать различные диалекты, сохраняя их для будущих поколений. Таким образом, диалектные словари становятся не только инструментом изучения, но и средством сохранения культурного наследия.

Сравнение диалектных словарей в разных языках может столкнуться с вызовами перевода и локализации. Переводчики должны учитывать не только лексические различия, но и культурные и социальные аспекты, связанные с диалектами. Это требует глубокого понимания языка и культуры, а также специализированных знаний в области диалектологии.

С развитием интернета и мобильных приложений, интерактивные диалектные словари становятся все более популярными. Они предлагают пользователю более удобный и интерактивный способ изучения языка. Например, такие словари могут предлагать звуковое произношение слов, аудио-примеры использования, а также возможность задавать вопросы и получать ответы от экспертов.

С развитием технологий мультимедиа, будущее диалектных словарей, может быть связано с использованием видео, аудио и графики. Например, в таких словарях можно представлять слова и их значения в виде коротких видеороликов или анимации, что помогает лучше понять контекст и использование слова [7].

С развитием искусственного интеллекта, диалектные словари могут стать еще более эффективными и удобными. ИИ может предлагать персонализированные рекомендации и подсказки, основываясь на предпочтениях и стиле изучения каждого пользователя. Также, с помощью ИИ можно создавать дополнительные функции, такие как автоматический перевод, синтез речи и многое другое.

Примеры программ, с помощью которых возможно освоение различных диалектов.

Приложение *Dialectic Dict*. Это мобильное приложение, которое объединяет все вышеупомянутые технологии. Оно предлагает интерактивные и мультимедийные возможности, а также использует искусственный интеллект для персонализированного обучения. Пользователь может прослушивать произношение слов, просматривать видео-примеры использования и получать рекомендации для более эффективного изучения языка.

Проект *Dialectic AI*. Этот проект посвящен разработке диалектного сло-

варя с использованием искусственного интеллекта. Он предлагает автоматический перевод, синтез речи и другие инновационные функции. Проект также предлагает возможность добавления новых языков и диалектов, чтобы обеспечить более широкий охват пользователей.

Подчеркнем, что диалектные словари играют важную роль в изучении языка, так как они позволяют исследователям и обучающимся более глубоко погрузиться в изучение диалектов и их особенностей. Они способствуют расширению лексического запаса, пониманию грамматических особенностей и изучению фонетических особенностей языка. Использование диалектных словарей является важным шагом в изучении языка и понимании его разнообразия, а сравнительный анализ данных словарей в разных языках позволяет нам увидеть различия и сходства между ними. Также диалектный словарь является инструментом, который на протяжении двух столетий способствует движению прогресса и развитию межтерриториального взаимодействия и межгосударственных отношений.

Библиографический список:

1. Барлас Л.Г. Русский язык. Введение в науку о языке. Лексикология. Учебник для вузов. – М.: Слово, 2020. 234 с.
2. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразования. Языковая номинация. Виды наименования. – М.: 2021. 146 с.
3. Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика современного русского языка. – М.: Юрайт, 2013. 415 с.
4. Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика современного русского языка. – М.: Юрайт, 2013. 415 с.
5. Воробьев В.В. Лингвокультурология. Монография. – М.: РУДН, 2008. 336 с.
6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. Учебное пособие. – М.: Слово. 2014. 144 с.
7. Бобылева Б.Г. Русский язык и культура речи. Орел, 2014. 401 с.

Reference

1. Barlas L.G. Russian language. Introduction to the science of language. Lexicology. Textbook for universities. – М.: Slovo, 2020. 234 p.
2. Kubryakova E.S. Theory of nomination and word formation. Language nomination. Types of names. – М.: 2021. 146 p.
3. Kupina N.A., Matveeva T.V. Stylistics of the modern Russian language. – М.: Yurayt, 2013. 415 p.
4. Kupina N.A., Matveeva T.V. Stylistics of the modern Russian language. – М.: Yurayt, 2013. 415 p.
5. Vorobiev V.V. Linguoculturology. Monograph. – М.: RUDN, 2008. 336 p.
6. Ter-Minasova S.G. Language and intercultural communication. Tutorial. – М.: Word. 2014. 144 p.
7. Bobyleva B.G. Russian language and culture of speech. Orel, 2014. 401 p.

Кропта О.А.

*Доцент кафедры «Педагогика и методика профессионального обучения».
ФГБОУ ВО Волгоградский государственный аграрный университет, Волгоград.*

Шагина Ю.В.

*Доцент кафедры «Педагогика и методика профессионального обучения».
ФГБОУ ВО Волгоградский государственный аграрный университет, Волгоград.*

Цифровые технологии в преподавании дисциплин гуманитарного цикла*

Аннотация. В статье рассматривается термин «цифровые технологии». Авторы приходят к выводу, что информационные технологии в современном образовании можно считать «основополагающим моментом в преподавании социально-гуманитарных дисциплин, поскольку они повышают качество обучения, а также сокращают время изучения данных дисциплин». Авторы убеждены, что преподавание дисциплин гуманитарного цикла - важная часть тех процессов, которые приводят к образованию структуры культурного в социальный потенциал как образовательного учреждения, так и региона, нации, целого общества. Авторы пришли к выводу, что современные IT-технологии способствуют появлению в гуманитарном образовании новых направлений. Обозначенный процесс отвечает требованиям современного образования, где каждый должен не только владеть знаниями, но и приобретать их самостоятельно. Процесс информатизации – главный механизм, позволяющий реализовать новую образовательную модель в гуманитарном образов. можем прийти к выводу о том, что IT-технологии в современном гуманитарном образовании занимают значительное место, что проявляется в появлении программных продуктов, получении обучающимися современных инструментари-ев, способствующих повышению качества исследований в области гуманитарных наук.

Ключевые слова: IT-технологии, гуманитарные науки, цифровизация, информатизация, модернизация образования, цифровизация, методы, механизмы.

Kropta O.A.

Associate Professor of the Department of Pedagogy and Methods of Vocational Training. Volgograd State Agrarian University, Volgograd.

Shagina Y.V.

Associate Professor of the Department of Pedagogy and Methods of Vocational Training. Volgograd State Agrarian University, Volgograd.

Digital technologies in teaching humanities disciplines

Аннотация. The article discusses the term “digital technologies”. The authors conclude that information technologies in modern education can be considered “a fundamental moment in the teaching of social and humanitarian disciplines, since they improve the quality of education, as well as reduce the time spent studying these disciplines.” The authors are convinced that teaching disciplines of the humanities cycle is an important part of those processes that lead to the formation of a cultural structure in the social potential as an educational institution.

The authors came to the conclusion that modern IT technologies contribute to the emergence of new directions in humanitarian education. This process meets the requirements of modern education, where everyone must not only possess knowledge, but also acquire it independently. The process of informatization is the main mechanism that allows us to implement a new educational model in humanitarian education. We can conclude that IT technologies occupy a significant place in modern humanitarian education, which is manifested in the appearance of software products, the acquisition by students of modern tools that contribute to improving the quality of research in the field of humanities.

Key words: IT technologies, humanities, digitalization, informatization, modernization of education, digitalization, methods, mechanisms.

В современной жизни цифровые и информационные технологии прочно вошли в нашу жизнь и стали её частью. Профессиональное образование определяет движение относительно направления цифровизации, а также информатизации образования. В 2016 году был принят Приоритетный проект «Современная цифровая образовательная среда», предполагающий «модернизировать систему образования и профессиональной подготовки, привести образовательные программы в соответствие с нуждами цифро-

вой экономики, широко внедрить цифровые инструменты учебной деятельности и целостно включить их в информационную среду, обеспечить возможность обучения граждан по индивидуальному учебному плану в течение всей жизни – в любое время и в любом месте» [1].

Применение цифровых технологий в образовательном процессе способствует подготовке грамотных специалистов.

Обращаясь к теоретическим основам рассматриваемого вопроса в профессиональном образовании рассматривали многие исследователи такие, как Е.М. Егорова, А.А. Вербицкая, Н.В. Шамова, А.Ю. Уварова, Н.П. Гончарук, Е.М. Хромова, Г.А. Кручина и другие.

Научная литература рассматривает термин «цифровые технологии» достаточно узко. Обратимся к словарю терминов, где данное понятие определяется «технологии, которые используют компьютеры или другую современную технику для записи кодовых импульсов и сигналов в определенной последовательности и с определенной частотой».

В научной литературе понятие «цифровые технологии» рассматривается авторами достаточно узко. Так, в словаре – справочнике терминов нормативно-технической документации понятие «цифровые технологии» трактуется как [2, С. 194–196].

Большая часть исследователей трактует цифровые технологии в образовании как способ организации современной образовательной среды, который имеет в своей основе цифровые и информационные технологии. Возьмём это определение за основу.

Система образования претерпевает изменения ввиду того, что цифровые технологии прочли вошли в нашу жизнь. Цифровая образовательная среда, обеспечивающая доступность процесса образования, способствует проведению качественных занятий высшего образования. Цифровая среда в образовательной организации осуществляется всеми участниками процесса, активно внедряющими цифровые технологии и методические рекомендации.

Говоря о процессе интеграции цифровых технологий, мы наблюдаем его в любой из сфер современного общества. При этом внедрение цифровизации происходит крайне быстро. Рассматривая вопросы, которые связаны с цифровыми технологиями, мы будем опираться на модель цифрового сообщества, которая была предложена д.эконом.н. Грибановым Ю.И., которая предполагает процесс развития цифровой экономики, начиная от уровня цифровых данных к взаимодействию всех цифровых технологий. Грибанов Ю.И. убеждён, что цифровая трансформация – этап, ожидающий нас в ближайшем будущем: «...процесс коренного преобразования концепции и формата функционирования социально-экономических систем всех уровней, посредством оцифровки – перевода

всех ресурсов в цифровой формат (...) с целью революционного изменения (роста объемов и повышения разнообразия и качества) потребительской ценности и доступности продуктов и услуг» [3, С. 12–13].

Информационные технологии в современном образовании можно считать «...основополагающим моментом в преподавании социально-гуманитарных дисциплин, поскольку они повышают качество обучения, а также сокращают время изучения данных дисциплин» [4, С. 29–34]. Цифровые технологии являются «... необходимой потребностью современной системы высшего образования» [5, С. 66]. Мы можем определить три уровня цифровизации в современном социуме:

1. Цифровая инфраструктура,
2. Цифровая компетентность,
3. Цифровая коммуникация.

Говоря о цифровой инфраструктуре, мы можем полагать, что это уровень, характеризующийся популяризацией интернета и соответствующих технологий. ООН признает, что «...(цифровые) технологии также могут угрожать конфиденциальности, подрывать безопасность и подпитывать неравенство» [6, С. 130].

Следующий уровень – цифровая коммуникация – сфера, связанная с цифровой реализацией повседневных задач. Безусловно, на этом этапе также отмечаются проблемы цифровизации: «...информационное противостояние бедного большинства и богатого меньшинства на планете и в отдельных странах, создает критические степени социально-политических напряжений, которые в условиях кризиса могут привести к самоуничтожению как государства, так и общества» [7, С. 39].

Информационные технологии способствуют систематическому воздействию «на функционирование социальноэкономических объектов, выступающих в качестве информационно открытых систем» [8, С. 26].

Третий уровень – уровень цифровых компетенций – ретранслирует опыт предшествующих поколений с учётом инноваций. При этом отметим, что образовательные системы находятся в категории риска. К ним мы отнесём следующие особенности: открытость и доступность информации всех отраслей научно-технической деятельности; возможность копирования, существующая за счёт наличия цифровых технологий; способность распространять информацию посредством цифровых технологий; увеличение внутреннего знания.

Посредством процессов «...формирования цифровой ментальности (...), при условии сохранения и адаптации фундаментальных традиционных образовательных форм и внедрения новейших образовательных методов и инструментов», происходит закрепление существующих позитивных практик повседневности [5, С. 116–117].

Какие особенности использования цифровых технологий на уровне вуза мы можем отметить: цифровые технологии, связанные с окружающей средой, непосредственно образовательный процесс, административно-методическое обеспечение, логическое разъединение способствует выделению того процесса, который контролируется непосредственно преподавателем.

Гуманитарное образование «...определяется степенью цифровизации в новых условиях» и выступает как «...объективный культурный феномен социальной реальности, определяющий возможности интенсификации мировых культурных и коммуникативных явлений» [7, С. 100–109].

Мы убеждены, что преподавание дисциплин гуманитарного цикла - важная часть тех процессов, которые приводят к образованию структуры культурного в социальный потенциал как образовательного учреждения, так и региона, нации, целого общества.

ООН в 2019 г был рассмотрен концептуальный документ о том, каково влияние цифровых процессов на все сферы, об этом свидетельствует доклад рабочей группы «The age of digital interdependence», в котором отмечается следующее: «...цифровые технологии способствуют достижению целей устойчивого развития и устраняют риски социально-негативных процессов» [10, С. 5].

Стоит отметить, что преподаватели гуманитарных дисциплин на занятиях должны уметь применять информационно-коммуникативные технологий. К числу основных отнесём следующие:

- 1) Уметь модифицировать, а также применять в образовательном процессе педагогические практики, которые отвечают государственной политике, международным документам;
- 2) Уметь интегрировать цифровые технологии обучения и системы оценивания, создавая благоприятную образовательную среду для освоения учебного материала;
- 3) Создание интегрированной цифровой среды для развития мышления и решения поставленных задач;
- 4) Применение подхода, упрощающего процесс обучения и его организации;
- 5) Использование технологии, способствующей взаимодействию профессионального сообщества с целью профессионального развития.

Важная роль при усвоении актуальной научной информации отводится цифровизации процессов преподавания. Цифровые технологии обращены к 5 уровням оптимизации: «...снижение затрат на поиск, снижение затрат на копирование, снижение транспортных расходов, снижение затрат на сотрудничество, снижение затрат на проверку (перевод автора)» [8, С. 2].

Цифровые технологии в течение продолжительного времени не исполь-

зовались в преподавании дисциплин гуманитарного цикла. Преподаватели данных наук не воспринимали компьютер как объективный и надёжный инструмент для собственных исследований. Только тогда, когда техника приобрела широкое распространение, IT-технологии стали проникать в гуманитарные дисциплины. В качестве примера обратимся к использованию машинной обработки текста, его перевода. Мы отметим стремительное развитие информационных технологий и, как следствие, увеличение количества источников, которые возможно задействовать в гуманитарных исследованиях. Роль информационных технологий в гуманитарных дисциплинах становится значимой, что связано с информатизацией общества в целом. В связи с этим стоит отметить изменения, связанные с пониманием ориентиров, определения практической эффективности, теоретической значимости.

Одна из тенденций развития гуманитарного образования в условиях информатизации - интеграция с естественными науками. Таким образом, отмечается повышение строгости в методологической и инструментальной составляющих и, как следствие, создание объективности.

Современные IT-технологии способствуют появлению в гуманитарном образовании новых направлений. Обозначенный процесс отвечает требованиям современного образования, где каждый должен не только владеть знаниями, но и приобретать их самостоятельно. Процесс информатизации – главный механизм, позволяющий реализовать новую образовательную модель в гуманитарном образовании, гарант объективности и реализованности в обществе.

Высшая школа использует IT-технологии, которые представляют собой комплекс образовательных технологий (например, телекоммуникационные, педагогические технологии, связанные с инновационной деятельностью). Они позволяют использовать методы, позволяющие улучшить процесс обучения, организовать контроль знаний, умений и навыков. Представленные позиции можно обозначить так: «технологии – совокупность методов, производственных процессов и программно-технических средств, объединённых в технологическую цепочку, обеспечивающую сбор, хранение, обработку, распространение информации, а также отображение и использование информации в различных сферах жизнедеятельности» [1].

Цифровые технологии – технологии научных исследований, обучения, которые основаны на применении информационных носителей или иного программного обеспечения. Данные технологии имеют ориентацию на технические средства.

В настоящее время отмечаем, что все технологии в процессе внедрения в практику вуза подвергаются изменениям, так, те или иные условия делают их технологичными. Зачастую преподаватель использует элементы из

различных программ, создавая конкретную технологию преподавания. Тем не менее использование данных технологий выявляет перечень проблем, связанных с этим. Преподавателю дисциплин гуманитарного цикла в техническом вузе удобнее пользоваться именно комплексной технологией.

Комплексная образовательная технология включает элементы:

- 1) Лекционное обучение,
- 2) Обучение, основанное на использовании аудиовизуальных средств;
- 3) Обучение, имеющее большую долю
- 4) Обучение посредством компьютера и др.

Безусловно, в реальности высшая школа использует все представленные выше технологии. В качестве основного достоинства интеграции технологий отметим возможность предоставления студентам и преподавателям той информации, которая требуется в определённый период, в самые краткие сроки; использование мультимедийного оборудования повышает наглядность и доступность образования; использование в процессе обучения электронных учебных материалов.

Отметим преимущества дистанционного образования:

1. Гибкость, тот есть возможность регулировать место, время и продолжительность процесса обучения.
2. Модульность предполагает выстраивание процесса обучения в соответствии с вероятностью выбора соответствующих дисциплин;
3. Доступность, позволяющая учиться, не привязывая образовательный процесс ко времени и месту;
4. Рентабельность, дающая возможность экономить материальные средства посредством отказа от использования учебных площадей, учебных материалов на печатной основе и т.д.;
5. Мобильность, обеспечиваемая оперативным взаимодействием между студентом и преподавателем, а также возможность использования глобальной сети интернет.
6. Технологичность – использование в процессе обучения IT-технологий, сервисов и различных программных продуктов.

Таким образом, можем прийти к выводу о том, что IT-технологии в современном гуманитарном образовании занимают значительное место, что проявляется в появлении программных продуктов, получении обучающимися современных инструментариев, способствующих повышению качества исследований в области гуманитарных наук. Хотим отметить, что взаимосвязь между гуманитарными науками и информатикой будет в перспективе только возрастать.

Библиографический список:

1. Приоритетный проект в области образования «Современная цифровая образовательная среда в Россий-

ской Федерации» // URL: <http://neorusedu.ru>

2. Роберт И.В. Современные информационные технологии в образовании: дидактические проблемы; перспективы исследования. – М.: 1994.
3. Грибанов Ю.И., Репин Н.В., Руденко М.Н. Развитие информационной инфраструктуры управления предприятием на основе ИТ-аутсорсинга. – М.: Креативная экономика, 2019. 220 с.
4. Богданова Н.В. Особенности применения мультимедийных технологий в преподавании дисциплин информатики с учетом цифровизации образования / Н.В. Богданова, Л.В. Пузанкова // Информатика и прикладная математика: межвузовский сборник научных трудов. 2019. № 25. С. 29-34.
5. Бурцев Д.С. Проблемы правления образовательным процессом при использовании цифровых инструментов в высших учебных заведениях / Д.С. Бурцев, Е.С. Гаврилюк, Д.И. Шаугараева // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 2. С. 121-130.
6. Вербицкий А.А. Цифровое обучение: проблемы, риски и перспективы // Электронный научно-публицистический журнал «Homo Cyberus». № 1 (6). // URL: http://journal.homocyberus.ru/Verbitskiy_AA_1_2019
7. Горбачев В.И. Технология реализации учебной дисциплины «Прикладная математика» в содержании компетентного подхода СПО / В.И. Горбачев, М.Д. Язвенко // Ученые записки Брянского государственного университета. 2018. № 1 (9). С. 7-11.
8. Горчарук Н.П. Модели интеграции цифровых и педагогических технологий в процессе подготовки будущих инженеров / Н.П. Горчарук, Е.И. Хромова // Казанский педагогический журнал. № 1. С. 31-35.
9. Егорова Е.М. Теоретические основы цифровизации в профессиональном образовании // Вопросы педагогики. 2020. № 6-1. С. 100-109.
10. Сапожкова Н.А. Модель формирования готовности будущих учителей математики к развитию системного мышлению в условиях цифровизации образования // Перспективы науки. 2019. № 7 (118). С. 194-196.

Reference

1. Priority project in the field of education “Modern digital educational environment in the Russian Federation” // URL: <http://neorusedu.ru>
2. Robert I.V. Modern information technologies in education: didactic problems; research prospects. – М.: 1994.
3. Gribanov Yu.I., Repin N.V., Rudenko M.N. Development of enterprise management information infrastructure based on IT outsourcing. – М.: Creative Economy, 2019. 220 p.
4. Bogdanova N.V. Features of the use of multimedia technologies in teaching computer science disciplines taking into account the digitalization of education / N.V. Bogdanova, L.V. Puzankova // Computer science and applied mathematics: interuniversity collection of scientific papers. 2019. № 25. P. 29-34
5. Burtsev D.S. Problems of managing the educational process when using digital tools in higher educational institutions / D.S. Burtsev, E.S. Gavriluk, D.I. Shaugarayeva // Scientific journal of NRU ITMO. Series Economics and Environmental Management. 2020. № 2. P. 121-130.
6. Verbitsky A.A. Digital learning: problems, risks and prospects // Electronic scientific and journalistic journal “Homo Cyberus”. № 1 (6). // URL: http://journal.homocyberus.ru/Verbitskiy_AA_1_2019
7. Gorbachev V.I. Technology of implementation of the academic discipline “Applied Mathematics” in the content of the competency-based approach of secondary vocational education / V.I. Gorbachev, M.D. Yazvenko // Scientific notes of Bryansk State University. 2018. № 1 (9). P. 7-11.
8. Gorcharuk N.P. Models of integration of digital and pedagogical technologies in the process of training future engineers / N.P. Gorcharuk, E.I. Khromova // Kazan Pedagogical Journal. № 1. P. 31-35.
9. Egorova E.M. Theoretical foundations of digitalization in vocational education // Questions of pedagogy. 2020. № 6-1. P. 100-109.
10. Sapozhkova N.A. Model of forming the readiness of future mathematics teachers to develop systems thinking in the context of digitalization of education // Perspectives of Science. 2019. № 7 (118). P. 194-196.

Кирюхин Д.В.

Доцент кафедры «Иностранные языки», кандидат исторических наук, доцент. Нижегородский государственный агротехнологический университет, г. Нижний Новгород.

Полозова В.П.

Заведующий кафедрой «Иностранные языки», кандидат философских наук, доцент. Нижегородский государственный агротехнологический университет, г. Нижний Новгород.

Старкова Е.А.

Старший преподаватель кафедры «Иностранные языки». Нижегородский государственный агротехнологический университет, г. Нижний Новгород.

Егорова Л.В.

Старший преподаватель кафедры языкознания и иностранных языков. Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Нижний Новгород.

Гаврилова Ю.В.

Преподаватель кафедры туризма и гостеприимства. Нижегородский государственный инженерно-экономический университет, г. Княгинино.

Возможности диалога в медийном пространстве на примере авторского проекта «chronica magistri»*

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимоотношений современного педагога и его обучающихся в медийном пространстве социальной сети «ВКонтакте» при ведении авторского проекта «Chronica Magistri», представляющего собой паблик, содержательный контент которого анализирует допущенные ошибки, привлекает внимание к изучаемой дисциплине и является площадкой для неформальной коммуникации. Авторы обращают внимание на возросший интерес к различным аспектам изучения

* © Кирюхин Д.В., Полозова В.П., Старкова Е.А., Егорова Л.В., Гаврилова Ю.В., 2024.

иностранных языков. Несмотря на то, что названный проект реализуется на добровольной основе в свободное время и на собственные средства, к перспективам его развития можно отнести не только расширение аудитории, но и добавление новых учебных и методических материалов, публикацию переводов и источников, размещение образовательного и научно-популярного контента, связанного с историей развития иностранных языков и культур разных стран, а также разнообразных мультимедийных аудио- и видеоматериалов.

Ключевые слова: преподавание иностранных языков в неязыковом вузе, латинский язык, английский язык, антиковедение, сеть Интернет, социальные сети и блоги, социальная сеть «ВКонтакте», проект Chronica Magistri.

Kiryukhin D.V.

Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Nizhny Novgorod State Agrotechnological University, Nizhny Novgorod.

Polozova V.P.

Head of the Department of Foreign Languages, Candidate of Philosophy, Associate Professor. Nizhny Novgorod State Agrotechnological University, Nizhny Novgorod.

Starkova E.A.

Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages. Nizhny Novgorod State Agrotechnological University, Nizhny Novgorod.

Egorova L.V.

Senior Lecturer at the Department of Linguistics and Foreign Languages. Volga branch of the Russian State University of Justice, Nizhny Novgorod, Russia.

Gavrilova Y.V.

Lecturer at the Department of Tourism and Hospitality. Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics, Knyaginino.

**Possibilities of dialogue
in the media space on the example
of the author's project "chronica magistri"**

Abstract. The article examines the problem of the relationship between a modern teacher and his students in the media space of the social network “Vkontakte” when conducting the author’s project “Chronica Magistri”, which is a public page which content analyzes mistakes made, draws attention to the discipline being studied and is a platform for informal communication. The authors draw attention to the increased interest in various aspects of learning foreign languages in recent years. Despite the fact that the named project is being implemented on a voluntary basis in the free time and at the authors’ own expense, the prospects for its development include not only expanding the audience, but also adding new educational and methodological materials, publishing new translations and sources, posting educational and scientific materials, popular content related to the history of the development of foreign languages and cultures of different countries, as well as a variety of multimedia audio and video materials.

Key words: teaching foreign languages at a non-linguistic university, Latin, English, classical studies, Internet, social networks and blogs, social network “Vkontakte”, Chronica Magistri project.

В последние десятилетия рост цифровизации, то есть, повсеместного внедрения компьютерных технологий, заметен невооруженным глазом. В области образования это выразилось, в первую очередь, в разнообразных формах дистанционного обучения. Если в «доковидную эпоху» обращения обучающихся к своим педагогам в социальных сетях были чем-то необычным и относимся к сфере неформального общения, то сегодня многие преподаватели специально для общения с учениками и студентами создают собственные т.н. «официальные» страницы. Подобную практику мы наблюдаем и с аккаунтами государственных учреждений или чиновников.

Формальное и неформальное общение педагогов и обучающихся привлекает внимание масс, в первую очередь, в негативном ключе: все мы помним истории о том, как заметив на странице молодой учительницы неподобающие фотографии, пользователи спешат жаловаться работодателю и порой доводят дело до увольнения опального педагога. Не касаясь деталей подобных конфликтов и разбора правоты сторон, о чем нужно говорить в каждом случае отдельно, отметим, что это свидетельствует об отсутствии владения культурой общения в медиа-пространстве между педагогом, в особенности, молодым, и его учеником, а также острой необходимости овладеть ею.

Цель исследований – рассмотреть перспективы и возможности автор-

ского проекта «Chronica Magistri» как авторского блога в социальной сети «ВКонтакте», созданного для осуществления неформального общения и диалога между педагогом и обучающимися, а также привлечения внимания и дополнительного интереса последних к изучаемым дисциплинам, таким как иностранные (английский и латинский) языки.

Интерес к преподаванию иностранных языков и дисциплин классического цикла поддерживается благодаря проводимой институтом филологии и журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского Всероссийской с международным участием научно-методической конференции по проблемам преподавания и изучения дисциплин античного цикла (ранее – Поволжский научно-методический семинар), доклады и выступления которого публикуются как сборники материалов [1], так и коллективные монографии [2]. В целом можно отметить возросший интерес научного сообщества к самым разным аспектам преподавания иностранных языков: попытки анализа трудностей и проблем работы в неязыковом вузе [3], сложности латинских названий растений [4, С. 157–159] или формирования профессиональных компетенций [5, С. 82–87], проведение конкурсов и олимпиад [6, С. 296–303], стремление поделиться опытом и историей развития кафедры иностранных языков [7, С. 114–122].

Объектом данного исследования выступает единство обучения и воспитания, осуществляемое на занятиях по латинскому и английскому языкам, как сознательно и целенаправленно осуществляемый процесс. К методам исследования относится, в первую очередь, метод непосредственного наблюдения, применяемый для рассмотрения всего процесса в целом для последующего всестороннего анализа. Описательно-повествовательный метод также необходим для последовательного изложения результатов исследования, полученных с использованием сравнительного метода и метода лингвистического анализа.

В основу рассматриваемого медийного проекта «Chronica Magistri» лег опыт работы одного из авторов статьи во время обучения в очной аспирантуре, работы в Нижегородском государственном педагогическом университете им. К. Минина (2010–2014) и с 2015 г. в Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии (с 2023 г. – Нижегородском ГАТУ). В стенах последнего вуза курс «Латинский язык», согласно учебному плану, является одной из новых дисциплин осеннего семестра на первом курсе ветеринарного факультета у студентов как очного, так и заочного отделений, обучающихся по специальности 36.05.01 «Ветеринария». Освоение материала с 2023–2024 учебного года завершается проведением экзамена (ранее – зачета, дифференцированного зачета). Две трети рассматриваемого курса занимают темы, связанные с грамматикой иностранного языка, которые завершает работа с переводами многокомпонентных анатомических и

клинических терминов и рецептов, а также ботанической и зоологической таксономией [8, С. 182–187]. Что же касается курса английского языка, то он реализуется силами преподавателей кафедры на всех факультетах Нижегородского ГАТУ.

Несмотря на то, что имеющиеся в наличии в вузе учебные пособия, такие как учебники Г.И. Валла [9] [10] и А.Р. Белоусовой, М.М. Дебабовой и С.В. Шевченко [11] не содержат помимо учебных материалов каких-либо творческих заданий, богатый опыт проведения олимпиады по латинскому языку и античной культуре и других подобных внеаудиторных мероприятий был получен автором благодаря помощи кандидата исторических наук, доцента НГПУ им. К. Минина Светланы Алексеевны Доманиной (1962–2021), которая, в свою очередь, в студенческие годы была одним из активистов Клуба любителей античных древностей в Горьковском государственном университете им. Н.И. Лобачевского, основанного силами ведущего антиковеда нашего города М.С. Садовской (1931–2009) [12, С. 49–51].

На наш взгляд, любой педагог в своей работе, должен проявлять искренний интерес к обучающимся, особенно, талантливым студентам, а также к допущенным студентами ошибкам, курьезам, необычным случаям. Подобные наблюдения один из авторов статьи стремился записывать и даже размещать в медийном пространстве, что и обусловило, в конце концов, создание проекта “Chronica Magistri”. Первые записи, созданные в формате размышлений и монолога, были опубликованы на блог-платформе для ведения онлайн-дневников «Живой журнал». С весны 2006 г. в дневнике появились первые записи, посвященные, выполнению студентами творческих заданий, таких как создание авторских крылатых выражений на латинском языке или написание сочинения «Письмо другу» также на латыни. Чуть позже появилось и несколько записей, посвященных анализу студенческих конспектов, самостоятельных и контрольных работ. Подобные записи, как правило, отличались большим объемом, и хотя были свободны для комментирования (как среди аудитории других пользователей Живого Журнала, так и анонимных читателей), привлекали мало внимания.

Несмотря на то, что платформа Живого Журнала предоставляет возможность публиковать свои и комментировать чужие записи, вести коллективные блоги («сообщества»), добавлять в друзья («френдить») других пользователей и следить за их записями в «ленте друзей» («френдленте»), в России с октября 2011 г. наблюдается падение популярности Интернет-ресурса. Можно отметить и рост рекламы – как обязательной в бесплатных блогах в виде баннеров, так и количества заказных постов и целых рекламных блогов. Вместе с падением популярности и оттоком оригинальных

пользователей возросло число т.н. «мусорных» страниц, т.е. распространяющих неоригинальный контент и копипаст – т.е. неоригинальный, скопированный из других внешних источников текст.

Своего рода переходным временем, предшествующим оформлению полноценного медийного проекта, стал период, когда один из авторов данной статьи публиковал заметки на личной странице в социальной сети «ВКонтакте». Страница была закрытой, а записи доступны только для «друзей», в которые добавлялись лишь те студенты, кто успешно завершил курс преподаваемой дисциплины. Сделано подобное было для недопущения нарушения каких-либо личных границ.

Однако после того, как опытом ведения страницы паблика по подобной образовательной тематике поделились коллеги из Омского государственного аграрного университета им. П.А. Столыпина, было принято решение о создании отдельной страницы проекта «Chronica Magistri» в социальной сети «ВКонтакте» [13]. Если «BESTIARIUM ОмГАУ – это латинский язык для ветеринаров, медиков, биологов и всех, кому интересно» [14], который развивается усилиями кандидата филологических наук, доцента кафедры иностранных языков Екатерины Алексеевны Абросимовой, сосредотачивает свое внимание, в первую очередь, на отдельных интересных учебных аспектах в преподавании латыни ветеринарам, медикам и биологам, то «Chronica Magistri» – это попытка педагога нетривиальным способом поделиться своим опытом, рассказать в лёгкой и доступной форме случаи из собственной практики, проанализировать ошибки обучающихся, развить их творческий потенциал и интерес к изучаемой дисциплине.

Рассмотрим особенности функционирования паблика. Он имеет строгие правила публикации материала, разделенного на три хэштега: «PRAETERITA» – материалы прошлых лет в хронологическом порядке с указанием учебного года, «PRAESENS» – новые и ранее неопубликованные записи, «METHODIUM» – день Интернет-мема, имеющего непосредственное отношение к текущему образовательному процессу. Интернет-мем – информация в той или иной форме, как правило, остроумная и ироническая, спонтанно приобретающая популярность, распространяясь в Интернете разнообразными способами.

О чем же рассказывают записи проекта «Chronica Magistri»? Во-первых, это не просто констатация и перечисление ошибок, допущенных студентами в письменных работах, а попытка систематизации этих ошибок, их анализа, поиска причины и пути недопущения их в дальнейшем. Материалы, посвященные самостоятельным и контрольным работам, как правило, имеют большой объем. Во-вторых, это записи о забавных ошибках и случаях, которые произошли непосредственно во время занятий. В-

третьих, размещаются актуальные новости, как связанные с проведением творческих конкурсов и Олимпиад, так и с событиями в мире. Например, студенческому творческому конкурсу рисунка “Vita brevis, Ars longa” и ежегодной Олимпиаде по латинскому языку и античной культуре посвящены и записи на стене сообщества, и фотоальбомы с фотографиями и комментариями к ним.

Присутствуют и записи, отражающие детали научной работы, в частности, переводы с латыни разнообразных исторических источников периода позднего Средневековья – раннего Нового времени, такие как творчество придворных поэтов и историков первых Тюдоров в Англии. Неолатинская поэзия Бернара Андре, Джона Лиланда, Андреа Аммоньо, Джованни Джильи в настоящее время мало изучена и зачастую впервые вводится в научный оборот. Также речь идет и об учебно-методических разработках, – учебных пособиях, – и научных статьях, посвященных преподаванию латыни в неязыковом вузе. Обращение к латыни невозможно без внимания и к другим разнообразным историческим нарративам, таким как тексты средневековых bestiaries или произведения античных авторов. Так, обращение к текстам Абердинского bestiaria XII в. заслужило положительный отклик коллег исторического факультета Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского в их историко-археологическом клубе «Сирикс» [15], существующем с 2017 г.

Несмотря на то, что в настоящее время охват паблика «Chronica Magistri» относительно небольшой (около 200 подписчиков), сформировался круг постоянных читателей, а публикующиеся совершенные студентами яркие ошибки прекрасно запоминаются и, как правило, уже не повторяются последующими обучающимися. Функционирование паблика осуществляется в свободное время и на личные средства, которые в настоящее время не располагают к привлечению дополнительных финансов для рекламы данного проекта. Размещенные в свободном доступе материалы, связанные с проведением конкурсов и олимпиад (фото- и видеоматериалы) помогают сориентировать новых студентов первого курса и подготовить к ним. Важно отметить, что данное медийное пространство является площадкой для совместного творчества: публикуются как созданные педагогом юмористические работы, посвященные студенческим ошибкам, так и их ответное творчество. В перспективах развития проекта, разумеется, расширение его аудитории, хотя в настоящее время акцент смещен на создание нового оригинального контента, а не на его продвижение. Несомненный интерес представляет добавление как новой учебно-методической и научной литературы, так и мультимедийных материалов в аудио- и видеоформате.

Библиографический список:

1. Experimenta Lucifera: сборник материалов IV Поволжского научно-методического семинара по проблемам преподавания и изучения дисциплин классического цикла. Вып. 3. – Н.Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2006. 130 с.
2. Парадигмы культурной памяти и константы национальной идентичности: коллективная монография. – Н.Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. 710 с.
3. Кирюхин Д.В. Проблемы и трудности преподавания латыни в неязыковом вузе (опыт Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии последних лет) / Д.В. Кирюхин, В.П. Полозова, Е.С. Скрипко, С.Л. Соколова // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9. № 5. // URL: <https://mir-nauki.com/PDF/18PDMN521.pdf> (Дата обращения: 09.12.2023).
4. Захарова О.А. Трудности в изучении латинских названий растений и педагогические инновации / О.А. Захарова, И.В. Чивилева, И.А. Хабарова // Биоразнообразие и рациональное использование природных ресурсов: Материалы докладов XI Всероссийской научно-практической конференции, с международным участием (Махачкала, 27–28 апреля 2023 г.). – Махачкала: АЛЕФ, 2023. С. 157–159.
5. Полозова В.П. Иностранный язык как средство формирования профессиональных компетенций у студентов неязыкового вуза (на примере зооинженерного факультета) // Научные разработки и инновации в решении приоритетных задач современного животноводства: сборник трудов Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. – Н.Новгород: Нижегородский ГАТУ, 2023. С. 82–87.
6. Наумова Е.В. Лингвистическая олимпиада в медицинском вузе как средство формирования коммуникативной компетенции будущего специалиста / Е.В. Наумова, П.Р. Коздрин, П.В. Козлова, М.В. Слесарева // Педагогическое взаимодействие: возможности и перспективы: Материалы V международной научно-практической конференции, Саратов, 28–29 апреля 2023 г. – Саратов: СГМУ им. В.И. Разумовского, 2023. С. 296–303.
7. Серова Т.С. Этапы становления, современное состояние и перспективы развития выпускающей кафедры «Иностранные языки, лингвистика и перевод» / Т.С. Серова, Е.В. Аликина // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. 2014. Т. 1. С. 114–122.
8. Кирюхин Д.В. Осуществление принципа наглядности на занятиях по латинскому языку в неязыковом вузе // Вестник педагогических наук. 2022. № 3. С. 182–187.
9. Валл Г.И. Латинский язык. Учебник для ветеринарных специальностей вузов / Г.И. Валл. – М.: Высшая школа, 1990. 191 с.
10. Валл Г.И. Латинский язык: Учебник для ветеринарных специальностей вузов / Г.И. Валл. 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 2003. 237 с.
11. Белоусова А.Р. Латинский язык с основами ветеринарной терминологии / А.Р. Белоусова, М.М. Дебабова, С.В. Шевченко. 2-е изд., стер. – СПб.: Изд-во «Лань», 2008. 192 с.
12. Доманина С.А. Деятельность клуба любителей древностей (КЛАД) в Горьковском (Нижегородском) Государственном университете им. Н.И. Лобачевского в 70-е – 90-е гг. XX века // Experimenta Lucifera: сборник материалов III Поволжского научно-методического семинара по проблемам преподавания и изучения дисциплин классического цикла. Выпуск 2. – Н.Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2005. С. 49–51.
13. Chronica Magistri / Социальная сеть «ВКонтакте» // URL: https://vk.com/chronica_magistri (Дата обращения: 30.10.2023).
14. Bestiarium ОмГАУ / Социальная сеть «ВКонтакте» // URL: <https://vk.com/club198737642> (Дата обращения: 30.10.2023).
15. Сириск. Историко-археологический клуб. / Социальная сеть «ВКонтакте» // URL: <https://vk.com/club154427799> (Дата обращения: 30.10.2023).

Reference

1. Experimenta Lucifera: collection of materials of the IV Volga region scientific and methodological seminar on the problems of teaching and studying disciplines of the classical cycle. Vol. 3. – N. Novgorod: Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2006. 130 p.
2. Paradigms of cultural memory and constants of national identity: collective monograph. – N. Novgorod: Publishing house of Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2020. 710 p.
3. Kiryukhin D.V. Problems and difficulties of teaching Latin at a non-linguistic university (experience of the Nizhny Novgorod State Agricultural Academy in recent years) / D.V. Kiryukhin, V.P. Polozova, E.S. Skripko, S.L. Sokolova // World of Science. Pedagogy and psychology. 2021. Vol. 9. № 5. // URL: <https://mir-nauki.com/PDF/18PDMN521.pdf> (12.09.2023).
4. Zakharova O.A. Difficulties in learning Latin names of plants and pedagogical innovations / O.A. Zakharova, I.V. Chivileva, I.A. Khabarova // Biodiversity and rational use of natural resources: Materials of reports of the XI All-Russian scientific and practical conference, with international participation (Makhachkala, April 27–28, 2023).

– Makhachkala: ALEF, 2023. P. 157-159.

5. Polozova V.P. Foreign language as a means of developing professional competencies among students of a non-linguistic university (on the example of the animal engineering faculty) // Scientific developments and innovations in solving priority problems of modern animal husbandry: collection of proceedings of the All-Russian (national) scientific and practical conference. – N. Novgorod: Nizhny Novgorod State Technical University, 2023. P. 82-87.

6. Naumova E.V. Linguistic Olympiad at a medical university as a means of developing the communicative competence of a future specialist / E.V. Naumova, P.R. Kozdrin, P.V. Kozlova, M.V. Slesareva // Pedagogical interaction: opportunities and prospects: Materials of the V international scientific and practical conference, Saratov, April 28–29, 2023 - Saratov: SSMU im. IN AND. Razumovsky, 2023. P. 296-303.

7. Serova T.S. Stages of formation, current state and prospects for the development of the graduating department "Foreign languages, linguistics and translation" / T.S. Serova, E.V. Alikina // Formation of a humanitarian environment at a university: innovative educational technologies. Competence-based approach. 2014. Vol. 1. P. 114-122.

8. Kiryukhin D.V. Implementation of the principle of clarity in Latin classes at a non-linguistic university // Bulletin of Pedagogical Sciences. 2022. № 3. P. 182-187.

9. Wall G.I. Latin language. Textbook for veterinary specialties at universities / G.I. Wall. – M.: Higher School, 1990. 191 p.

10. Wall G.I. Latin: Textbook for veterinary specialties in universities / G.I. Wall. 2nd ed. reworked and additional – M.: Higher School, 2003. 237 p.

11. Belousova A.R. Latin language with basics of veterinary terminology / A.R. Belousova, M.M. Debabova, S.V. Shevchenko. 2nd ed., revised. – St. Petersburg: Lan Publishing House, 2008. 192 p.

12. Domanina S.A. Activities of the Club of Antiquities Lovers (KLAD) at the Gorky (Nizhny Novgorod) State University named after. N.I. Lobachevsky in the 70s - 90s. XX century // Experimenta Lucifera: collection of materials of the III Volga scientific and methodological seminar on the problems of teaching and studying disciplines of the classical cycle. Issue 2. – N. Novgorod: Nizhny Novgorod State University named after. N.I. Lobachevsky, 2005. P. 49-51.

13. Chronica Magistri / Social network "Vkontakte" // URL: https://vk.com/chronica_magistri (10.30.2023).

14. Bestiarium OmSAU / Social network "Vkontakte" // URL: <https://vk.com/club198737642> (10.30.2023).

15. Sirisk. Historical and Archaeological Club. / Social network "Vkontakte" // URL: <https://vk.com/club154427799> (10.30.2023).

Губкина В.С.

Преподаватель кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

**Из истории исследования
семантических типов предикатов***

Аннотация. В современном мире лингвистическая семантика представлена разными течениями и школами. Представляется важным некое синтезирование и согласование различных подходов, сравнение различных методов и приемов. Существенная роль в данном вопросе отводится выявлению семантических категорий и способов их выражения в конкретном языке. Но структура содержания этих категорий, их статус в языке и роль речемыслительной деятельности еще недостаточно изучены.

Ключевые слова: активная грамматика, продуктивные речевые действия, ономазиологический подход, русский язык как иностранный, пропозитивные смыслы, пропозиция.

Gubkina V.S.

Lecturer at the Department of Comparative Language Studies, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies. Lomonosov Moscow State University.

**From the history of research
of semantic types of predicate**

Abstract. In the modern world, linguistic semantics is represented by different movements and schools. It seems important to synthesize and harmonize various approaches and compare various methods and techniques. A significant role in this issue is given to the identification of semantic categories and ways of expressing them in a particular language. But the structure of the content of

* © Губкина В.С., 2024.

these categories, their status in language and the role of speech and mental activity have not yet been sufficiently studied. Issues of the semantic category are constantly in the attention of philologists. However, as far as we know, there are no fundamental studies on this topic.

Key words: active grammar, productive speech acts, onomasiological approach, Russian as a foreign language, positive meanings, proposition.

Вопросы семантической категории постоянно находятся во внимании филологов. Однако фундаментальных исследований по данной теме, насколько нам известно, не существует.

Классификации семантических предикатов были разработаны следующими современными лингвистами: Т.Б. Алисовой, Н.Д. Арутюновой, Т.В. Бульгиной, Г.А. Золотовой, О.Н. Селиверстовой, Е.В. Падучевой. В работах данных лингвистов наблюдается обмен идеями между лингвистикой и логикой; предикаты пропозициональной установки, активно изучаемые в логике, оказываются предметом интереса лингвистов. Все более широкое распространение в современной лингвистической семантике получают идеи логической семантики, модальной логики, что открывает возможности новых подходов к лингвистическому анализу.

Одна из глобальных лингвистических проблем — это вопрос о значении знака, постепенно переросший в самостоятельную проблему о природе значения и носящий общенаучный характер. Это направление получило название семантики или семасиологии.

Изучение языкового значения связано прежде всего с лингвистической семантикой, возникшей как самостоятельный раздел науки о языке в XIX веке. Однако это не значит, что проблема значения и обозначения в языке не интересовала ученых ранее, но почти до конца XIX века вопросы семантики интересовались и философия, и логика, а также грамматика и лексикография. Поэтому логичным кажется изучение истории исследования семантических предикатов с начала XIX века до наших дней.

Более того, исследователи в области языкознания довольно подробно изучили все стороны и механизмы языка, но область значения предложения осталась мало изучена. Синтаксис, как правило, рассматривает формальное построение предложения, не выходя за пределы грамматических категорий, безотносительно к семантике, не соотносясь с коммуникативными целями говорящего.

Вопросы структуры и полноты толкования, связанные с идеей «активной грамматики», разрабатывались А.М. Пешковским, Л.В. Щербой. Здесь следует отметить, что данное исследование будет придерживаться

именно идеи активной грамматики, что подразумевает предложенное еще Л.В. Щербой разграничение двух аспектов лингвистического описания. То есть интерес для данного исследования представляет не то, как можно интерпретировать те или иные синтаксические средства, а наоборот, какие синтаксические средства есть у говорящего для выражения его мысли. Считая оба подхода важными с теоретической и практической точек зрения, Щерба Л.В. полагал, подход «от значения к форме», видимо, не может быть осуществлён в полной мере.

Н.Ю. Шведова полагала, что активное описание языка должно отвечать следующим требованиям: системность, полнота, естественность (понимаемая как невозможность привнесения в описание логических, внеязыковых категорий). Полнота толкования в разработке Ю.Д. Апресяна также представлена в рамках «активной грамматики» и выражается в идее интегральности описания языка, которая достигается реализацией принципов системности, активности и отражения наивно-языковой картины мира и согласованностью представления словарных и грамматических данных в их взаимодействии [3, с. 466-484].

Изначально понятие «предикат» возникло не в языкознании, а в логике, в рамках изучения языка и речевой деятельности человека. Понятие «предикат» было следствием логического анализа высказываний естественного языка: выяснением того, какой логикой может быть выражен смысл высказывания. В английском языке термином «предикат» обозначают одну из двух основных частей предложения. Другой основной частью является подлежащее. Обычно оно определяется как группа слов, которая идет после подлежащего, чтобы завершить значение предложения (высказывания). Предикат — это часть предложения, содержащая глагол (или глагольную фразу); в очень коротких простых предложениях это может быть только глагол. Из данного определения видно, что под предикатом в английском языке подразумевается сказуемое. По мнению Арутюновой Н.Д. термин «предикат» отражает содержательный аспект, в то время как термин «сказуемое» представляет собой формальный аспект члена предложения.

Ю.С. Степанов в своих работах предлагает следующее понимание предиката: «Предикат – часть предложения, характеризующаяся главным образом с точки зрения семантики и ее универсальных категорий; предикат есть логическая функция, определенная в двух отношениях: 1. по собственной семантике (например, «Качество», «Состояние», «Действие» и т.д.); 2. по предметной области допустимых в ней терминов или имен (например, «Вещи», «Люди» и т.д.); последние в свою очередь определяются в таксономии имен и определяют предикат благодаря явлению семантической сочетаемости...» [12, с. 112].

Предикат традиционно определяется как грамматическая категория,

представляющая действие в предложении, определение, которое вызывает те же проблемы, что и условное определение существительного. Есть много предикатов, которые не представляют действия, по крайней мере, не в том понимании действия как некоторого вида процесса, выполняемого сознательно. Например, в случаях, когда предикат (сказуемое) представлен не глаголом, а прилагательным или наречием.

Васильев, в работе по современной лингвистической семантике отмечает, что предикат показывает, какое действие произошло с предметом. Если глагол в роли предиката не описывает действия, а обозначает состояние, то его относят к глаголам состояния.

В языкознании, говоря о грамматике, предикаты подразделяют на синтаксические и семантические. Сказуемое, синтаксический предикат, являясь членом предложения, представляет собой формальную сторону предложения. А семантический предикат имеет отношение к семантике предложения, то есть с его содержательной частью. Поэтому рассматривая синтаксис русского языка, мы разделяем формальные типы сказуемых: простое глагольное, составное именное, составное глагольное и т.д. И отдельно рассматриваются семантические типы предикатов.

Современный период в развитии русского языкознания характеризуется активными исследованиями в области синтаксиса языка. Многие актуальные вопросы синтаксиса рассматривались и ранее, но в отличие от традиционного языкознания для данного периода характерен процесс интеграции и дифференциации. Одни аспекты исследований связаны с семантикой предложений, другие — с их структурой. Выделенные аспекты не исчерпывают всего многообразия существующих подходов к изучению синтаксических единиц, также возможно выделение новых аспектов, которые позволят анализировать любые свойства синтаксических единиц с новых позиций.

Изучение синтаксических единиц языка с точки зрения логики, как уже упоминалось, было традиционным для работ по языкознанию того времени, поскольку лингвисты рассматривали актуальную на то время проблему соотношения языка и мышления, а также философские вопросы мышления и бытия. В советском языкознании эта проблема стала предметом исследования и описания общего языкознания.

Как уже упоминалось ранее, изначально существовал логический взгляд на предложение и его смысл. В способности передавать мысль обычно видели специфику содержательной стороны предложения, отличающую его от слова и словосочетания. Иногда даже утверждалось, что мысль, выраженная словами, есть предложение. И действительно, мысль не может быть выражена в языке иначе, чем в форме предложения.

Одним из известных представителей идеи универсальной граммати-

ки был филолог и философ И.И. Давыдов. Н.Д. Арутюнова отмечает, что в своих работах Давыдов И.И. писал: «Как слово с мыслью, так Грамматика с Логикой находятся в тесной связи. Эту естественную связь нужно поддерживать, как связь между мыслью и словом. Логика, объясняя происхождение органических отношений мыслей и понятий, служит нам проводником, с помощью которого Грамматика решает свою задачу. Равным образом Грамматика, излагая формы, в которых осязательно запечатлеваются особые отношения мыслей и понятий и их последовательное развитие, открывает Логике вход в святилище мыслящего духа». [4, с. 32]

Основоположник исторического подхода в изучении языка А.А. Шахматов также высказывал схожие мысли в понимании «отношения предиката». В своих работах он говорил о «предикативности» как об отношении, в котором подлежащее и сказуемое стоят друг к другу, т.е. языковые выражения подлежащего и сказуемого суждения. Так, по мнению А.А. Шахматова, «предикативное отношение» лежит в основе любого предложения, потому что в основе любого предложения лежит общение. А такого рода отношения могут существовать только в двусоставном предложении, в котором есть подлежащее и сказуемое [15, с. 19]. В своих работах он подробно говорит об отношении, в котором находятся подлежащее и сказуемое друг к другу. Так, «предикативное отношение» — это то, что лежит в основе любого предложения (поскольку в основе любого предложения лежит общение), и то, что возможно только в двусоставном предложении (поскольку только в нем есть подлежащее и сказуемое).

Такое толкование «предикативного отношения» сходно с тем, что А.М. Пешковский в своих работах называл «предсказуемость». Он считал, что предложение не существует без сказуемого. Таким образом, Пешковский А.М. расширяет понятие предиката и отождествляет его со сказуемым: «предикат иначе называется сказуемым..., а самый процесс выражения мысли посредством «предикативных» слов и форм — сказуемым, или предикацией».

Результатом суждений А.А. Шахматова можно назвать то, что «предикативные» предложения являются такими предложениями, содержание которых всегда может быть выражено посредством суждения и которые обычно даже не нуждаются в перефразировании, чтобы выявить их логическое содержание. Характерная для сказуемого «предикатность» не всегда делает предложение предложением, так как сказуемое возможно и в том, что не является предложением, а только в его части. Он писал, что «Сказуемое, как известно, возможно в так называемых «придаточных» предложениях, т. е. частях предложения, которые заведомо не являются целыми предложениями и лишь по недоразумению называются «предложениями». [Шахматов, 1941, с. 19]. Таким образом, между предикативными

кативностью и предложением нет корреляции. Наличие сказуемого, т. е. предикативность, не является существенным признаком предложения. В предложении может не быть предикативности, а может быть предикативность там, где нет предложения.

В конце XIX века Фортунатов Ф.Ф. писал о формальном подходе к исследованию предикатов. Именно Ф.Ф. Фортунатовым была предпринята попытка построения формальной классификации частей речи, сильно отличающейся от традиционной, и формального определения словосочетания и предложения. Его идеи впоследствии развивал Пешковский А.М. Эти идеи легли в основу Московской лингвистической школы, ее последователи придерживались мнения, что свойства предложения (или словосочетания) складываются из признаков частей речи слов в этом предложении.

Ф.Ф. Фортунатов активно развивал учение о грамматической форме слова. Он фиксировал наличие формы только там, где она имеет особый морфологический показатель, и выводил форму из наличия в языке соотносительных рядов слов, сходных и различающихся по формальным признакам. Допускалось существование слов, не имеющих формы. Предложение он рассматривал как словосочетание.

Теория Фортунатова Ф.Ф. о форме слова как результате «живых отношений» и различии их «формальной принадлежности», «существующих в данном языке в данную эпоху» положила начало различению форм словоизменения и словообразования. Фортунатов строго различал внешние и внутренние формы в учении о грамматических категориях и категориях слов.

Ф.Ф. Фортунатов считал, что предложение как психологическое суждение должно содержать сочетание двух представлений - психологического подлежащего и психологического сказуемого, предиката. В просторечных предложениях одно из представлений, согласно учению Ф.Ф. Фортунатов, должны иметь словесное выражение.

Большой вклад в изучении синтаксиса предложений принадлежит А.А. Шахматову. На языковом материале он выявил различные типы построения (структуры) предложений в грамматическом строе русского языка, но не описывал специфики их грамматической природы. По мнению А.А. Шахматова, в односоставных предложениях четко не выражены субъект и предикат. Поскольку подлежащее и сказуемое в этих предложениях не разделены, А.А. Шахматов считает, что речь может идти только о главном члене предложения. В то же время, как отмечает А.А. Шахматов, «главный член односоставного предложения может формально отождествляться либо с подлежащим, либо со сказуемым, и, конечно, не следует забывать, что такое «сказуемое» отличается от сказуемого двусоставного предложения в том, что вызывает представление и о сказуемом, и о подлежащем,

между так как сказуемое двусоставного предложения соответствует только подлежащему. В учении А.А. Шахматова, таким образом, стирается различие между словом как лексической единицей и словом как предложением.

Дальнейшее развитие теории синтаксиса в России шло в сторону отделения грамматики от логики. В конце XIX века немецкими учеными Ч.Г.К. фон дер Габелленцем (1893) и Г. Паулем (1846) была разработана идея актуального членения предложения. Но идеи, представленные в их трудах не были в дальнейшем развиты лингвистами и не получили популярности у последователей, поскольку выдвигаемые теории были чрезмерно углублены в психологию и перегружены сложными психологическими терминами. Но сама теория актуального членения предложения оказалась весьма понятной и впоследствии вновь возникла в работах В. Матезиуса (1882), который имел отношение к Пражской школе структурализма. В России стали использовать идеи актуального членения предложения при анализе только в XX веке. Этому была посвящена работа Распопова И.П. (1961). Именно работа Распопова, в которой он писал об актуальном членении простого предложения в русской повествовательной грамматике, дала дальнейшее развитие синтаксическим исследованиям в этой области.

В последующих исследованиях не изучалась зависимость логического содержания предложения от грамматической формы предложения, поскольку языковеды не занимались более вопросами логики, а логические исследования не касались области грамматики языка. Разделение синтаксиса, логики и психологии, а именно семантической и синтаксической структур предложения, продолжалось до начала XX в. Уже в XX веке был сделан прорыв в изучении вопросов синтаксиса (работы Ю.Д. Апресяна, А.А. Зализняк, Ю.С. Степанова, Н.Ю. Шведовой, В.А. Бондарко, и др.) и в американской дескриптивной лингвистике (Н. Хомски). Таким образом, мы можем говорить о том, что до 60-ых гг. XX века изучение синтаксиса сводилось к изучению строения предложения, а семантика предложения и коммуникативные цели говорящего оставались без рассмотрения, играли второстепенную роль. В связи с этим Н.Д. Арутюнова отмечает, что «будучи разделом грамматики, синтаксис старался не выходить за пределы собственно грамматических категорий» [4, с. 21] связей.

На сегодняшний день семантические типы предикатов получили довольно широкое и многостороннее освещение в современной отечественной и зарубежной лингвистической литературе. Например, вопрос семантических типов предикатов рассматривался в работах Бондарко А.В., Гака В.Г., Алисовой Т.Б., Булыгиной Т.В., Золотовой Г.А., Селиверстовой О.Н., Шведовой Н.Ю. и др. Ими были предложены различные классификации семантических типов предикатов, но до сих пор не существует единой общепринятой всеми учеными типологии, поскольку для создания такой ти-

пологии необходимо определить критерии, на которых данная типология будет построена.

В лингвистических исследованиях, посвященных семантическим типам предикатов, большое внимание уделяется проблеме разграничения предикатов «действия», «состояния», «отношения», «свойства». Существует основной принцип разграничения глаголов действия глаголам состояния. Такого разделения придерживался И.И. Мещанинов, Л.Г. Бабенко.

В русских академических грамматиках подчеркиваются такие свойства глагола, как динамичность и процессуальность, которые свойственны всем глаголам, независимо от их лексического значения. При этом глагол «представляет процесс и действие (*бежать, грузить, рыть*), и состояние (*лежать, спать, страдать*), и отношение (*иметь, преобладать, принадлежать*)». По мнению Щербы, существует ряд слов (*нельзя, можно, пора, жаль, холодно, светло, весело* и т.д.), которые могут пониматься как категория состояния (как грамматическая категория), «в отличие от такого же состояния, но представляемого как действие: *нельзя* (в одном из значений) / *запрещается*, *можно* (в одном из значений) / *позволяется, становится холодно / холодает, становится темно / темнеет, морозно / морозит* и т.д.» [16, с. 89-91].

В 60-е годы XX века лингвисты обращаются к семантической стороне предложения. Начинает развиваться семантический аспект общей теории синтаксиса, который уже исследует смысл предложения как сложное явление, многоаспектное, чему способствовала история изучения предиката в рамках логики и лингвистики и общий поворот к смысловой стороне языка и речи в исследованиях.

Большой вклад в изучение семантических типов предикатов внесла Т.Б. Алисова. Она отмечала различные семантические признаки предикатов, в соответствии с которыми можно их классифицировать. В попытке систематического изучения семантических типов сказуемых была построена классификация простых предложений [2, с. 135]. В дальнейшем ее идеи были поддержаны Булыгиной Т.В. и Селиверстовой О.Н. Безусловно, их классификации разнятся, поскольку нет четких критериев разделения, но многие последующие классификации опираются именно на классификацию, предложенную Алисовой Т.Б., ссылаясь на нее и комментируя.

Как отмечает Арутюнова Н.Д., в некоторых исследованиях смысловую структуру предложения рассматривают с точки зрения грамматических понятий и категорий. Некоторые лингвисты пытаются соотнести грамматические признаки со смысловыми. К таким исследованиям можно отнести работы Г.А. Золотовой. Она принадлежит к числу тех филологов, кто рассматривал вопросы грамматики с точки зрения ономаσιологического подхода, то есть с точки зрения говорящего. высказывает в ее работах по

исследованию синтаксиса русского языка. Называя данный подход коммуникативной грамматикой, она выделяет типовые значения предложений. Под типовым значением Г.А. Золотова понимает «смысловый результат предикативного сопряжения структурно-семантических компонентов модели предложения» [7, с. 17]. Г.А. Золотова выделяет два класса глаголов: полнозначенательные глаголы и неполнозначенательные (вспомогательные) глаголы. По мнению автора, одни глаголы называют действие предмета, другие представляют существование предметов, их отношения, состояния и свойства. В последующих работах автора представлена подробная классификация глаголов [7, с. 156-168]. В разрядах глаголов в данной классификации объединяются грамматические и функциональные характеристики. Говоря о структуре предложения, она, также как и Н.Ю. Шведова, отмечает, что структура определяется не только предикатом или глаголом, а их взаимной соотношенностью, то есть соотношенностью компонентов предложения, предикатного и субъектного.

Исследованием семантики синтаксических конструкций также занималась Е.В. Падучева. В своих работах она излагает мысль о том, значение предложения складывается из нескольких составляющих: из значений лексем, грамматических значений словоформ и значений синтаксических конструкций. Решение проблемы семантики синтаксиса, по мнению Падучевой Е.В., лежит в толковании семантически сложных конструкций, в которых связь между формой и смыслом не является очевидной, через более простые конструкции. Большое внимание автор уделяет изучению синонимических отношений между высказываниями, а также тех преобразований, которые их соединяют. Синонимическому классу предложений соответствует одно предложение, записанное на языке смыслов и принимаемое за семантическое представление данного класса. В качестве «языка смыслов» автор пользуется тем естественным языком, который

Существует также «естественная» классификация предикатов, где нет ни одного общего признака, разделяющего все предикаты на группы, здесь некоторые группы выделяются по признакам, присущим только им. Так, например, Л.В. Щерба выделяет три типа предикатов: предикаты со значением: 1. действия, 2. состояния, 3. качества. Первое значение, по его мнению, передается полнозначными глаголами, второе – связкой плюс некоторый ограниченный круг слов (печален, жаль, в состоянии, надо), третье – связкой плюя полное прилагательное. Однако отсутствие однозначно описанной семантики глагола оставляет почву для исследований [16, с. 115].

Для нас представляет интерес (независимо от типа классификации предикатов) установление семантических признаков в семантике процессуальных глаголов. Помимо семантической классификации глаголов нере-

дко можно встретить семантическую классификацию предложений, основанную на семантике предикатов. Такие семантические классификации предложений представлены в научных трудах по синтаксису.

В данной работе считаем целесообразным представить классификацию, предлагаемую профессором М.Ю. Федосюком. Автор ориентировался на предложенный еще Л.В. Щербой принцип последовательного разграничения семасиологического и ономасиологического аспекта лингвистического описания. Что особенно полезно с исследовательской точки зрения. Мы затронем вторую часть его работы, посвященную ономасиологическому описанию синтаксиса, направленного от типов содержания значений к способам их выражения. В своей работе он говорит о том, что различные синтаксические единицы способны обладать определенными типовыми пропозитивными смыслами и охарактеризовать основные типы смыслов, которые могут быть ими выражены. Другими словами, различные семантические типы предикатов описывают некие пропозиции.

В работе «Синтаксис современного русского языка» даны следующие определения пропозиции и предиката: «Пропозитивные смыслы — это соотносящиеся с употребленными в речи языковыми выражениями образы ситуаций, т. е. явлений, характеризующихся временным параметром. Предикатные смыслы — это соотносящиеся с употребленными в речи языковыми выражениями образы комплексов признаков, о наличии которых у тех или иных предметов или ситуаций сообщается в предложении» [12, с. 276-302]. В данной работе говорится о том, что отличительным признаком любого пропозитивного смысла является потенциальная возможность его выражения при помощи конструкции, включающей в свой состав сказуемое, т. е. предикативной конструкции.

В зависимости от степени детальности описания список пропозитивных смыслов, выражаемых предикативными конструкциями, при необходимости можно, с одной стороны, расширять, а с другой — объединяя некоторые из смыслов, сокращать. Это объясняет тот факт, что до сих пор нет одной общепринятой классификации предикатов. Федосюк М.Ю. перечислил в своей работе именно те типы типовых пропозитивных смыслов, которые наиболее часто встречаются в различных классификациях, а именно: «Действие»; «Воздействие»; «Свойство»; «Состояние»; «Обладание»; «Существование»; «Местоположение»; «Квалификация»; «Отождествление»; «Квантификация» и «Именованье» [12, с. 199]. Эти смыслы получают выражение с помощью различных типов предложений. Особенно важно, что в его работе, помимо подробного изложения, какие типы предложения могут быть использованы для описания этих пропозитивных смыслов, особое внимание уделяется факторам, обуславливающим этот выбор в каждом конкретном случае.

Библиографический список:

1. Большая Российская энциклопедия. В 30 т. / председатель науч.- ред. совета Ю.С. Осипов; отв. ред. С.Л. Кравец. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2004. 1005 с.
2. Алисова Т.Б. Опыт семантико-грамматической классификации простых предложений. – ВЯ, 1970. № 2. С. 91-97.
3. Апресян Ю.Д. О языке толкований и семантических примитивах // Апресян Ю.Д. Избр. труды: Интернальное описание языка и системная лексикография.– М.: 1995. Т. 2. 768 с.
4. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: 1976. 384 с.
5. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке// Семантические типы предикатов. – М.: 1982. С. 7-85.
6. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М.: 1990. 155 с.
7. Гак В.Г. О двух типах знаков в языке (высказывание и слово). «Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода». – М.: 1967. С. 14-18.
8. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: 2004. 544 с.
9. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. – М.: 1985. 296 с.
10. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: 1956.
11. Селиверстова О.Н. (Отв. редактор) Семантические типы предикатов Наука – 1982. 370 с.
12. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. – М.: Наука, 1981. 354 с.
13. Федосюк М.Ю. Синтаксис современного русского языка – М.: 2012. 245 с.
14. Чейф. У. Значение и структура языка. Пер. с англ. Изд. 3 – М.: УРСС, 2009. 424 с.
15. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л., 1941. 620 с.
16. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. – Красноярск, 1994. 54 с.
17. Шерба Л.В. О частях речи в русском языке. В кн.: Избранные работы по русскому языку. – Л.: Наука, 1974. 63 с.

Reference

1. Great Russian Encyclopedia. In 30 volumes / Chairman of scientific - ed. Council of Yu.S. Osipov; resp. ed. S.L. Kravets. – М.: Great Russian Encyclopedia, 2004. 1005 p.
2. Alisova T.B. Experience in semantic-grammatical classification of simple sentences. – VYa, 1970. No. 2. P. 91-97.
3. Apresyan Yu.D. On the language of interpretation and semantic primitives // Apresyan Yu.D. Favorite works: Integral description of language and systemic lexicography. – М.: 1995. Vol. 2. 768 p.
4. Arutyunova N.D. The sentence and its meaning. – М.: 1976. 384 p.
5. Bulygina T.V. Towards the construction of a typology of predicates in the Russian language // Semantic types of predicates. – М.: 1982. P. 7-85.
6. Vasiliev L.M. Modern linguistic semantics. – М.: 1990. 155 p.
7. Gak V.G. About two types of signs in language (utterance and word). “Materials for the conference “Language as a special kind of sign system.” – М.: 1967. P. 14-18.
8. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. Communicative grammar of the Russian language. – М.: 2004. 544 p.
9. Paducheva E.V. The statement and its correlation with reality. – М.: 1985. 296 p.
10. Peshkovsky A.M. Russian syntax in scientific sentence coverage. – М.: 1956.
11. Seliverstova O.N. (Responsible editor) Semantic types of predicates Science - 1982. 370 p.
12. Stepanov Yu.S. Names. Predicates. Offers. – М.: Nauka, 1981. 354 p.
13. Fedosyuk M.Yu. Syntax of the modern Russian language – М.: 2012. 245 p.
14. Chafe. U. urss Meaning and language structure of language typology. Per. with English syntax Ed. 3 – М.: URSS, 2009. 424 p.
15. Shakhmatov A.A. Syntax of the Russian language. – Л., 1941. 620 p.
16. Shmeleva T.V. Semantic Russian syntax. – Krasnoyarsk, 1994. 54 p.
17. Shcherba L.V. About parts of speech in Russian. In the book: Selected works on the Russian language. – L.: Nauka, 1974. 63 p.

Кобзева О.В.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет.

Федорова Е.Л.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания, ФГБОУ ВО Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина.

Чистякова Н.А.

Старший преподаватель кафедры филологии (факультет лингвистики), МФПУ «Синергия». Член экспертного совета журнала «Управление образованием: теория и практика».

Семантические универсалии и специфические национальные особенности фразеологических единиц с компонентом «душа» и «сердце» во французском, английском и русском языках*

Аннотация. В статье рассмотрены разнообразные фразеологические единицы, которые способствуют не только увеличению лексического запаса слов на иностранном языке, но и является средством расширения лингвокультурологического кругозора студентов. Целью данной работы стало исследование корпуса фразеологических единиц с компонентом «душа» и «сердце» в разных языках и разработка алгоритма обучения данному феномену студенческой аудитории. В работе подчеркивается важная идея о том, что национально-культурный план фразеологических единиц русского, французского и английского языков облегчает процесс овладения фоновыми знаниями страны изучаемого языка, его истории и культуры, а также позволяет определить универсальные и национально-специфические черты фразеологии. Метод сопоставительного анализа семантики фразеологических единиц дает возможность выявить лингвистические и экстралингвистические причины сходств и различий фразеологизмов в разных лингвокультурах.

Ключевые слова: фразеологические единицы, метод сопоставительно-

* © Кобзева О.В., Федорова Е.Л., Чистякова Н.А., 2024.

го анализа, экстралингвистические причины, семантические универсалии, лингвокультурологического кругозор студентов.

Kobzeva O.V.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, National Research Moscow State University of Civil Engineering.

Fedorova E.L.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education State Institute of Russian Language named after A.S. Pushkin.

Chistyakova N.A.

Senior Lecturer, Department of Philology (Faculty of Linguistics), MFPU "Synergy". Member of the expert council of the journal "Education Management: Theory and Practice".

Semantic universals and specific national features of phraseological units with the component "soul" and "heart" in French, English and Russian

Abstract. The article examines a variety of phraseological units that not only contribute to increasing the vocabulary of words in a foreign language, but are also a means of expanding the linguistic and cultural horizons of students. The purpose of this work was to study the corpus of phraseological units with the component "soul" and "heart" in different languages and to develop a step-by-step algorithm for teaching this phenomenon to students. The work emphasizes the important idea that the national-cultural plan of phraseological units of the Russian, French and English languages, facilitates the process of mastering background knowledge of the country of the language being studied, its history and culture, and also allows us to determine the universal and nationally specific features of phraseology. The method of comparative analysis of the semantics of phraseological units makes it possible to identify linguistic and extralinguistic reasons for the similarities and differences of phraseological units in different linguistic cultures.

Key words: phraseological units, method of comparative analysis, extralinguistic reasons, semantic universals, linguistic and cultural horizons of students.

Изучение фразеологии имеет давние традиции, так как язык – удивительное орудие, посредством которого люди, общаясь, передают свои мысли. «Язык обеспечивает не только информационное, но и эмоциональное взаимодействие партнёров на сознательном и бессознательном уровне» [Чистякова 2019, с. 100]. Родоначальником теории фразеологии является швейцарский лингвист Шарль Балли. С того времени исследование фразеологии шагнуло далеко вперед. «Владение иностранным языком как инструментом межкультурного общения невозможно без фразеологизмов, которые делают речь более образной, эмоциональной и выразительной, помогают украсить речь делового партнера» [Жаркова 2020, с. 141]. Сегодня изучение фразеологических единиц остается важным компонентом в формировании межкультурной коммуникативной компетенции, так как понимание смысла сказанного в другом языке способствует установлению правильных контактов в рамках диалога культур, поскольку «в каждом языке есть свои идиомы, в каждой культуре есть свои особенности в ... отношении к вербальной составляющей» [Чистякова 2019, с. 100].

Целью данной работы стало исследование фразеологических единиц с компонентом «душа» и «сердце» в разных языках и разработка поэтапного обучения данному феномену студенческой аудитории.

Возникает закономерный вопрос: для чего современному человеку нужно знать и употреблять фразеологические единицы. Шарль Балли в свое время говорил о весьма интересной характеристике данных устойчивых идиоматических выражений: смысл каждой из них не складывается из смыслов входящих в них слов. Согласно Ш. Балли, «в качестве фразеологического единства выступает оборот, состоящий из слов, которые имеют смысл лишь в данном сочетании, в силу чего они утратили свою независимость» [Балли 1961: 134]. Учение Ш. Балли было развито В.В. Виноградовым, который поднял изучение фразеологии на более высокую ступень. В отличие от Шарля Балли он выделил три группы фразеологических единиц: фразеологические сочетания, фразеологические единства и фразеологические сращения. Фразеологическими сращениями он называет «неразложимые по смыслу фразеологические единицы, целостное значение которых не зависит от значений входящих элементов» [Виноградов 1972: 394].

Фразеология – отрасль языкознания, изучающая устойчивые словосочетания, именуемые фразеологическими единицами или оборотами, т.е. фразеологизмами. «Фразеологизмы – это своего рода «накопитель» информации, и информации не только бытовой, но и культурной, информации о социуме и мире. Фразеологизмы – это также своего рода «микрофольклор», сохраняющий и отражающий национальную картину мира носителя языка, т.е. некоторое связанное представление о бытии, присущее членам данного этноса (В.Г. Зинченко)» [Жаркова 2020, с. 141]. Необходимо

отметить, что «именно знание фразеологизмов способствует облегчению процесса овладения фоновыми знаниями, приобщению к культуре народа страны изучаемого языка, его истории, обычаям и традициям, нравам и верованиям», т.е. способствует расширению лингвокультурологического кругозора студентов.

Лингвисты выделяют в качестве признаков фразеологических единиц такие качества как устойчивость структуры и употребления фразеологизма, раздельнооформленность, а также воспроизводимость.

Рассмотрим фразеологию с точки зрения семантической и структурной классификации.

1. Соматическая фразеология;
2. Анималистическая фразеология;
3. Колористическая фразеология.

С точки зрения структуры фразеологизмы бывают:

1. Субстантивные фразеологизмы;
2. Адъективные фразеологизмы;
3. Адвербиальные фразеологизмы;
4. Глагольные фразеологизмы;
5. Междометные фразеологизмы.

В переводческой практике используются как фразеологический, так и нефразеологический перевод.

1. Фразеологический эквивалент («эквивалентность – соотношение языковых единиц по типу фразеологизмов, при котором разные исходные фразы приводятся к одному значению или, возможно, имеют слегка различные оттенки» [Чистякова, Леонова, Лысова, 2022, с. 82]).

2. Фразеологический аналог. Если в языке отсутствует фразеологический эквивалент, переводчик может передать смысл иным способом с сохранением всех прочих компонентов семантики фразеологизма. Для того чтобы подобрать подходящий аналог, переводчику следует внимательно изучить и проанализировать контекст, а также характер оригинального фразеологизма и его соответствия в русском языке. Если же у фразеологизма в переводящем языке эквивалент отсутствует полностью или частично, применяется способ калькирования и описательного перевода, что является нефразеологическим переводом.

3. Калькирование. Данный прием заключается в заимствовании путем буквального перевода, то есть дословного перевода морфемных частей с сохранением их семантического содержания, однако далеко не всегда с сохранением изначального колорита.

4. Описательный перевод. Используется, когда в переводящем языке отсутствует приближенный к исходному слову аналог. Данный метод заключается в раскрытии слова с исходного языка при помощи развернутых

словосочетаний, иными словами – при помощи дефиниции.

5. Преподаватель всегда должен помнить, что «переводить – это значит уметь оценивать свою культуру сквозь призму культуры страны изучаемого языка, уметь отбирать, устанавливать иерархию, объяснять все, что не ясно иностранцу, резюмировать (или опускать) все, что не так важно для него (R. Vas)».

Эти основные принципы переводческой стратегии реализуются через целый ряд технических приемов или переводческих трансформаций, обеспечивающих достижение оптимального уровня эквивалентности.

Я.И. Рецкер выделяет следующие виды трансформаций:

1. Калькирование (пословный перевод). Данный прием заключается в заимствовании путем буквального перевода, то есть дословного перевода морфемных частей с сохранением их семантического содержания.

2. Целостное преобразование. Данный прием является разновидностью смыслового развития. В качестве примера приведем следующие данные: «во французском языке под влиянием русского языка изменилось употребление слова “cosmos”, оно стало обозначать взвездное пространство, наряду со словом “espace”.

3. Компенсация потерь (замена непередаваемого элемента).

4. Лексические добавления, без которых в переводе сочетания слов были бы совершенно непонятными.

5. Прием антонимического перевода применяется для сохранения основного смысла высказывания и основывается на замене какого-либо понятия, выраженного в оригинальном тексте, противоположным понятием в переводе.

Источниками происхождения фразеологических единиц могут являться самые разнообразные сферы. Стоит отметить наличие, как у русских, так и у английских фразеологических оборотов родственных первоначальных источников: Библия, литературные произведения знаменитых писателей, цитаты, высказывания исторических личностей и т.д. Все это, безусловно, создало некую образную и стилистическую схожесть данных словарных единиц.

Уже в Средние века фразеологические единицы служили украшением литературных произведений. Например, слово «душа» в менталитете французов вербализуется в двух словах: “*âme*” и “*coeur*”. Как показывают исследования, у французских авторов слово “*âme*” в основном всегда носит религиозное значение. Что касается русских произведений, то слово «душа» большей частью представляет собой метафорическое понимание, так как она всегда отражает внутреннюю жизнь русского человека: душа болит, заныла душа, почернела душа, душа нараспашку, брать за душу, всю душу вложил в тебя... и т.п.

Особенностью английского языка является предпочтение выбора фразеологизмов с компонентом “heart” (брать за душу – touch the heart, с открытой душой – open heartedly) и только единицы сохраняют компонент “soul” (вкладывать душу – put one’s soul into).

Это доказывает, во-первых, что слово «душа» в русском языке является более многогранным явлением и употребляется намного чаще, чем слово «сердце», и во-вторых, что феномен души в английском языке ассоциируется больше со словом “heart”, чем “soul”.

Исследование показало, что соматические фразеологические единицы (далее – ФЕ) имеют различные смысловые значения, которые не всегда совпадают со смысловым значением сопоставляемого языка, но, что касается компонента “heart”, то в английском языке он, в основном, выступает в качестве идентификатора русского слова «душа».

Современные исследования показывают, что душа является гораздо более богатым и сложным феноменом в русской культуре, чем сердце. Душа обладает богатой палитрой мифологем, что показывает нам многогранность этого слова.

Душа и сердце в русской культуре – это единый, неразрывный орган, которым человек чувствует, переживает, благодаря которому стремится к лучшему. Другими словами, душа и сердце – это и есть сам человек.

Большая часть фразеологизмов русского языка с компонентом душа передаются ФЕ французского языка с компонентом “coeur”. Данный факт можно объяснить различием в этническом стереотипе восприятия этого понятия. Если у француза душа ассоциируется чаще с божественным началом, то в сознании русского человека с «человеческим», т.к. он связывает её с психологическими процессами, происходящими внутри личности. У русского народа в национальной системе ценностей на первом месте стоит стержневое понятие, превалирующее над рассудком, умом и здравым смыслом — духовность, душа.

Итак, французские фразеологизмы могут полностью совпадать с русскими эквивалентами и значением, и структурой, или значения могут совпадать, но при этом выражаться разными словами в русском и во французском языках.

Несмотря на различные образы мышления народов России и англоязычных стран, было выявлено значительное сходство ФЕ. Большая часть английских и русских соматических фразеологизмов с компонентом “heart” совпадают по смыслу и образности, так как этот пласт лексики общепотребителен и не связан с национальными или историческими особенностями народов.

Исследование показало, что соматические ФЕ имеют различные смысловые значения, которые не всегда совпадают со смысловым значением

сопоставляемого языка, но компонент “heart” в английском языке в основном выступает в качестве идентификатора русского слова «душа».

Фразеологические единицы являются значимым пластом лексики в системе любого языка. Они обладают эмоционально-экспрессивной окраской, в них выражается специфика определенного национально-исторического сообщества, культура народа. Этот факт представляет ряд сложностей для переводчика и требует от него специфических знаний и определенных усилий.

«Задача переводчика – найти золотую середину: обеспечить понимание художественного произведения в конкретной культурно-языковой среде и сохранить при этом замысел создателя» [Чистякова, Леонова, Лысова, 2022, с. 82]. Переводчик должен обладать целым рядом технических приемов или переводческих трансформаций, обеспечивающих достижение оптимального уровня эквивалентности, к которым относятся такие приемы как: калькирование, конкретизация, лексические добавления, антонимический перевод, целостное преобразование и компенсация потерь при переводе.

На практических занятиях необходимо использовать поэтапную технологию лингвокультурологического расширения знаний и умений для адаптации ФЕ в речи с целью формирования речевой культуры будущего специалиста. Рассмотрим данные этапы на примере упражнений.

Этап первичной презентации и семантизации фразеологических единиц.
I тип упражнений – презентативные упражнения.

Задание 1. Ознакомьтесь со значениями данных идиом:

– Break Someone’s Heart

Definition: Hurt someone, usually romantically, or to cause some great disappointment.

– Cross Your Heart and Hope to Die

Definition: Phrase meaning that you swear you are telling the truth.

– Eat Your Heart Out

Definition: To be jealous or envious of someone else.

Переведите:

1) Angela broke Brad’s heart last year. He can’t get over her.

2) I cross my heart and hope to die. She’s coming tomorrow!

3) When he hears about your promotion, he’ll eat his heart out.

II тип упражнений – опознавательные упражнения

Задание 2. Какая идиома со значением «заставить кого-то чувствовать себя несчастным» может использоваться в следующей ситуации:

“It’s a job I would like, but it won’t... if I don’t get it”

(break my heart)

Этап 2

Этап формирования лексических навыков и умений, выработка автома-

тизма их использования в соответствии с речевой задачей.

На этом этапе используются задания III типа – семантизирующие упражнения, направленные на распознавание семантики фразеологических единиц.

Задание 3. Сопоставьте французские фразеологизмы с их фразеологическими эквивалентами на английском. Каким русским фразеологическим эквивалентам они соответствуют?

- coup de coeur
- fall in love at first sight
- avoir le coeur sur la main
- wear your heart on your sleeve
- Ce n'est pas ma tasse de thé
- it's not my cup of tea
- La cerise sur le gateau
- the cherry on the cake
- pleuvoir des cordes
- it's raining cats and dogs

Этап 3

Этап совершенствования лексических навыков, сформированных в предшествующих упражнениях.

В основе конструктивных упражнений лежат действия по конструированию (порождению) фразеологических единиц.

Задание 4. Соедините начало и конец идиом.

- 1) Rendre... a) l'âme
- 2) to keep body... b) and soul together
- 3) the eyes are.... c) the windows of the soul
- 4) Avoir un cœur..... d) d'artichaut

В данном задании преподаватель проверяет аналитические навыки студента применительно к самостоятельному поиску информации, формирует его творческие способности и креативное мышление.

В заключение хотелось бы сделать акцент на том, что:

– Во-первых, фразеологизмы рождаются в речи и только потом становятся достоянием языка и входят в его систему. Фразеологизмы заполняют лакуны в лексической системе языка, которая не может полностью обеспечить наименование познанных человеком новых сторон действительности;

– Во-вторых, являясь величайшим богатством любого народа, любой нации, отражая накопленные ей дух и мудрость, фразеологизмы украшают речь партнера по межкультурному общению словно «вышивка на национальном костюме» (А.В. Янин) носителя языка, показывают глубину и совершенство его знаний [Жаркова 2020, с. 143].

Библиографический список:

1. Амосова Н.Н. «Основы английской фразеологии». – М.: Изд-во СПбГУ, 2003. 372 с.
2. Балли Ш. Французская стилистика. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. 394 с.
3. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: 1977. С. 140-161.
4. Гак В.Г. «Новый большой французско-русский фразеологический словарь» / В.Г. Гак, – М.: Русский язык медиа, 2005.
5. Жаркова Т.И. Фоновые знания как источник развития лингвострановедческой компетенции студентов экономического вуза // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Владикавказ, 2012. № 14. С. 343-358.
6. Жаркова Т.И. Роль фразеологизмов в успешной реализации межкультурной коммуникации // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака: Сборник статей по итогам V международной конференции (25-27 марта 2020 года). – М.: Издательство «Спутник+», 2020. 462 с. С. 140-144
7. Ломакина О.В., Овчинникова Г.В., Фразеобразующий потенциал соматизма сердце/сœur/herz в русском, французском и немецком языках», 2021.
8. Сороковых Г.В. Расширение лингвокультурологического кругозора обучающихся на основе сопоставление реалий в языке и культуре (на примере французского и русского языков) / Г.В. Сороковых, А.В. Зыкова // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака: Сборник статей по итогам III-й международной конференции, Москва, 22–24 марта 2018 года. Том 3. – Москва: ООО «Издательство «Спутник+», 2018. С. 347-350.
9. Фразеологизмы английского языка как средство развития коммуникативной компетенции учащихся: сборник упражнений / авт.-сост. Н.Н. Сониная. — Н. Новгород: Нижегородский институт развития образования, 2015.
10. Чистякова Н.А. Межкультурное взаимодействие как источник экономического роста // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Том 9. № 5А. С. 98-103.
11. Чистякова Н.А. Проблематика перевода и локализации американских мультипликационных фильмов первого десятилетия XXI века / Н.А. Чистякова, Л.А. Леонова, Ю.М. Лысова // Управление образованием: теория и практика. 2022. № 2 (48). С. 82-90. – DOI 10.25726/v6948-8268-3951-k.

Reference

1. Amosova N.N. "Fundamentals of English Phraseology." – М.: St. Petersburg State University Publishing House, 2003. 372 p.
2. Bally S. French stylistics. - М.: Foreign Literature Publishing House, 1961. 394 p.
3. Vinogradov V.V. Selected works. Lexicology and lexicography. – М.: 1977. P. 140-161.
4. Gak V.G. "New large French-Russian phraseological dictionary" / V.G. Gak, - М.: Russian language media, 2005.
5. Zharkova T.I. Background knowledge as a source of development of linguistic and cultural competence of students of an economic university // Current problems of philology and pedagogical linguistics. – Vladikavkaz, 2012. № 14. P. 343-358.
6. Zharkova T.I. The role of phraseological units in the successful implementation of intercultural communication // Language and reality. Scientific readings at the Department of Romance Languages named after. V.G. Gaka: Collection of articles based on the results of the V international conference (March 25-27, 2020). – М.: Sputnik+ Publishing House, 2020. 462 p. P. 140-144
7. Lomakina O.V., Ovchinnikova G.V., Phrase-forming potential of somatism heart/cœur/herz in Russian, French and German languages", 2021.
8. Forty G.V. Expanding the linguistic and cultural horizons of students based on a comparison of realities in language and culture (using the example of French and Russian languages) / G.V. Sorokovykh, A.V. Zykova // Language and reality. Scientific readings at the Department of Romance Languages named after. V.G. Gaka: Collection of articles based on the results of the III International Conference, Moscow, March 22–24, 2018. Volume 3. – Moscow: LLC Publishing House "Sputnik+", 2018. P. 347-350.
9. Phraseologisms of the English language as a means of developing students' communicative competence: a collection of exercises / author. N.N. Sonina. — N. Novgorod: Nizhny Novgorod Institute for Educational Development, 2015.
10. Chistyakova N.A. Intercultural interaction as a source of economic growth // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2019. Volume 9. № 5A. P. 98-103.
11. Chistyakova N.A. Problems of translation and localization of American animated films of the first decade of the 21st century / N.A. Chistyakova, L.A. Leonova, Yu.M. Lysova // Educational management: theory and practice. 2022. № 2 (48). P. 82-90. – DOI 10.25726/v6948-8268-3951-k.

Расул Фряд Исмаил Расул

Магистр, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

**Реакция на референдум
Иракского Курдистана в российских СМИ***

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы отношений между Регионом Курдистан и Центральным правительством Ирака, которые привели к иракско-курдскому референдуму 2017 года. Автор разъясняет причины напряженности между двумя сторонами. Проводится анализ публикаций российских СМИ на тему референдума и его последствий, которые показывают позицию России по данным вопросам. Результаты исследования подчеркивают сложность ситуации и необходимость дипломатического урегулирования курдского вопроса, где Россия может сыграть важную роль. Рекомендации направлены на усиление международного посредничества и диалога для смягчения конфликта и содействия стабильности. В заключении подчеркивается курдское право на самоопределение в рамках глобальной поддержки и региональной стабильности с охватом многоаспектного дискурса, связанного с иракско-курдскими отношениями.

Ключевые слова: Иракский Курдистан, независимость курдов, референдум, курды, Ирак, российские СМИ.

Rasul Fryad Ismail Rasul

Master, Peoples' Friendship University of Russia.

**Reaction to the Iraqi Kurdistan referendum
in the Russian media**

Abstract. The article examines the issues of relations between the Kurdistan Region and the Central Government of Iraq, which led to the Iraqi-Kurdish

* © Расул Фряд Исмаил Расул, 2024.

referendum in 2017. The author explains the reasons for the tension between the two sides. The analysis of Russian media publications on the referendum and its consequences, which show Russia's position on these issues, is carried out. The results of the study highlight the complexity of the situation and the need for a diplomatic settlement of the Kurdish issue, where Russia can play an important role. The recommendations aim to strengthen international mediation and dialogue to mitigate conflict and promote stability. In conclusion, the Kurdish right to self-determination is emphasized within the framework of global support and regional stability, covering a multidimensional discourse related to Iraqi-Kurdish relations.

Key words: Iraqi Kurdistan, Kurdish independence, Referendum, Iraq, Russian media.

Введение:

Курды — многочисленная нация, которая составляет четвертую часть населения Ирака. В течение многих лет курды, возглавляемые Демократической партией Курдистана и её лидером Муллоу Мустафой Барзани, вели вооруженную борьбу за свои права. Требования курдов можно считать справедливыми и демократичными: право на уважение их национальных интересов, независимость, полное равенство и право на социальный и культурный прогресс в рамках Иракской Республики. Вместо решения курдского вопроса, правящие круги Ирака в лице Саддама Хусейна устроили геноцид курдскому народу. Перед лицом такой угрозы курдский народ был вынужден снова взяться за оружие. «У нас нет иного выбора, — заявил Мулла Мустафа Барзани, — как с оружием в руках защищать наш народ» [1].

Задача работы:

Исследовать реакцию российских СМИ на референдум о независимости курдского народа.

Публикации российских СМИ помогут проанализировать позицию России относительно референдума в Иракском Курдистане. Основной упор будет сделан на право курдов стать независимой нацией. В данном вопросе Россия может сыграть ключевую роль, и поэтому ее реакция важна для международного сообщества.

Цель работы:

Целью работы является оценка реакции российских СМИ на проведение референдума в Иракском Курдистане.

Курды и право курдского народа на независимость

Курды — народ с самобытной историей, языком, территорией и культурой. Они жили на своей собственной земле с древних времен между народами разных вероисповеданий и этнических групп. Важный шаг к независимости курдского народа был сделан в 1966 году, когда было подписано долгожданное соглашение о перемирии властей Ирака с курдским народом. Однако борьба за установление мира в Ираке продолжилась [2]. В 1966 году иракские газеты подчеркивали, что, улучшая свои отношения с Советским Союзом и другими социалистическими странами, Ирак планировал укрепить свои международные позиции [3].

После баасистского переворота в 1968 году Саддам Хусейн был назначен вице-президентом Ирака, и конфликт между курдским народом и иракской армией обострился. После переговоров сторонам удалось заключить соглашение о независимости Региона 11 марта 1970 года [4]. В середине 1980-х годов иракское государство активизировало свою кампанию по взятию под свой контроль территории, контролируемые курдами, и усилило свою политику арабизации через кампанию «Анфаль». Данная кампания представляла собой многомерный подход, направленный на разрушение сельской экономики и инфраструктуры Иракского Курдистана, убийство многих десятков тысяч его жителей, включая насильственное перемещение сельских курдских общин, казни без надлежащего судебного разбирательства и насильственные исчезновения. Кампанию координировал двоюродный брат Саддама Хусейна, Али Хасан Аль-Маджид, которому была предоставлена власть, эквивалентная в Северном Ираке власти самого президента, с полномочиями над всеми органами государства между 1987 и 1989 годами.

В 1990 году Ирак, экономика которого была разорена ирано-иракской войной, решил вторгнуться в небольшое, но богатое соседнее государство Кувейт. Совет Безопасности Организации Объединенных Наций единогласно проголосовал за военные действия в 1991 году с целью изгнания иракцев. Международная коалиция во главе с Соединенными Штатами (которые были союзниками Ирака всего тремя годами ранее) разгромила иракскую армию за считанные месяцы, но войска Саддама Хусейна по пути из Кувейта подожгли нефтяные скважины, вызвав экологическую катастрофу на побережье Персидского залива. Данные боевые действия стали известны как Первая война в Персидском заливе.

После Первой войны в Персидском заливе Соединенные Штаты патрулировали бесполетную зону над курдским севером Ирака, чтобы защитить там гражданское население от правительства Саддама Хусейна, Иракский Курдистан начал функционировать как отдельная страна, хотя номинально все еще оставался частью Ирака.

20 марта 2003 года началась война в Ираке когда коалиция во главе с

США вторглась в Ирак из Кувейта. Коалиция свергла баасистский режим, установив Временное правительство Ирака в июне 2004 года и организовав свободные выборы в октябре 2005 года. Конституция Ирака была принята 18 сентября 2005 года Переходной Национальной Ассамблеей Ирака и подтверждена конституционным референдумом, состоявшимся 15 октября 2005 года. Хотя статья 121 конституции Ирака предусматривает [5], что региональные власти имеют право осуществлять исполнительную, законодательную и судебную власть, согласно Конституции Региона Курдистан (РК), регион несет ответственность за безопасность, имеет право самостоятельно распределять региональный бюджет, управлять правопорядком и природными ресурсами.

Долгие годы курдская проблема оставалась скрытой от внимания, находясь в тени других региональных и международных проблем. Однако уже в 2017 году курды решительно заявили о себе как о самом многочисленном народе мира, который до сих пор лишен своей государственности [6].

Анализ реакций российских СМИ на референдум в Иракском Курдистане

25 сентября 2017 года в Регионе Курдистана был проведен референдум о независимости. Явка составила 72 % населения, при этом за независимость проголосовали 92,73 %. Данный референдум объединил конкурирующие силы Сирии, Ирака, Ирана, Турции и ИГ (запрещена в России), которые выступили против проведения референдума. В конце сентября 2017 года правительство Ирака прекратило международные рейсы в аэропорты Эрбиля и урезало бюджет Региона Курдистана. Курды восприняли эти действия правительства Ирака как коллективное наказание.

Отношения между Эрбилем и Багдадом постепенно нормализовались, и в марте 2018 года запрет на международные полеты был снят. Обе стороны постоянно расходились во мнениях по вопросу легитимности в этих областях, и хотя статья 140 Конституции регулировала этот вопрос, правительство Ирака откладывало её реализацию. Россия является единственной крупной державой, которая не призвала к отмене иракско-курдского референдума [7]. В материале газеты «Комсомольская правда» от 26 сентября 2017 года цитируются слова пресс-секретаря президента России – Дмитрия Пескова: «Мы по-прежнему считаем, что сохранение территориальной и политической целостности государств чрезвычайно важно для поддержания стабильности и безопасности в регионе, и для урегулирования тех критических проблем, которыми этот регион изобилует» [8]. Стоит отметить, что результаты референдума должны были быть оглашены только 28 сентября 2017 года, то есть после выхода данного материала.

В газете «Комсомольская правда», но уже 27.09.2017 г. вышел материал

под названием: «Парламент Ирака разрешил ввести войска в провинцию Киркук» [9]. В этом материале указано, что армия Курдистана – пешмерга, будет противостоять иракской армии в случае нападения. Немного позже, 01 октября 2017 года, в той же газете была опубликована статья под заголовком «Власти Иракского Курдистана заявили о законности референдума», в которой журналист указывает, что «парламент Иракского Курдистана отказался признавать меры, принятые центральными властями Ирака после референдума о независимости региона» [10]. В материале уточняется, что заседание курдских депутатов по данному вопросу длилось около шести часов, и по его итогам законодатели заявили, что голосование не противоречило законам Ирака.

На сайте информационного агентства «ТАСС» вышел материал о курдском референдуме под названием «Причины и последствия референдума о независимости Иракского Курдистана». В материале выражена тревога: «Голосование о самоопределении Курдского автономного округа (Курдистанский регион) может дестабилизировать и без того беспокойный Ближний Восток» [12]. В начале статьи «ТАСС» объясняет, что представляет собой Иракский Курдистан, указывает причины, почему он стремится выйти из-под власти Багдада, и предполагает возможные последствия проведения референдума. Мнение от «ТАСС» выразил руководитель Центра координации исследований Российского института стратегических исследований (РИСИ) Игорь Боровков: «Если каждый потребует независимости, то это неизбежно приведет к фрагментации страны, княжествам, враждующим между собой, и тысячелетию кровопролития» [13].

В газете «АиФ» приводится мнение политолога Ивана Коновалова. Эксперт уверен, что референдум в Иракском Курдистане — это бомба замедленного действия [14]. По мнению политолога, для главы Иракского Курдистана Масуда Барзани сейчас важно получить поддержку самого Иракского Курдистана.

Результатами исследования являются следующие выводы:

Динамика отношений между Регионом Курдистан и Центральным правительством Ирака продолжает быть в центре внимания, оставаясь напряженной и изменчивой. Позиция России относительно иракско-курдского референдума остается осторожной, с признанием важности сохранения территориальной и политической целостности государств в регионе. Существуют перспективы разрешения конфликта через диалог, компромиссы и поиск согласия между сторонами.

Рекомендации:

Для достижения прогресса в разрешении конфликта между Регионом

Курдистан и Центральным правительством Ирака необходимо активизировать международные усилия по медиации и дипломатическому урегулированию. Россия, как одна из ключевых игроков на международной арене, может стать площадкой для выстраивания диалога между Курдистаном и Центральным правительством Ирака.

Заключение

В ходе работы были проанализированы реакции российских СМИ на проведение референдума Иракского Курдистана, которые показывают позицию России в контексте иракско-курдского конфликта. Автор разъяснил ключевые аспекты отношений между Регионом Курдистан и Центральным правительством Ирака. Были выявлены основные проблемы и вызовы, препятствующие нормализации отношений между сторонами, а также основано право курдов на независимость. Результаты исследования могут использоваться для дальнейших исследований и послужить сигналом к урегулированию проблемы Иракского Курдистана.

Объявление независимости является правом каждого народа и закреплено в международных правовых документах. Но, чтобы получить независимость, народу также необходимо получить мировую поддержку и обладать стабильной социально-экономической и политико-правовой системой. Регион Курдистан и Региональное правительство Курдистана (КРГ) предприняло эти шаги, особенно после весеннего восстания 1991 года.

Российские СМИ подробно осветили события референдума Иракского Курдистана. Мнения экспертов, которых цитируют российские СМИ – практически сходятся – мировые державы не признают законность референдума, но российские эксперты указывают на то, что референдум был нужен, чтобы показать желание народа Иракского Курдистана и закрепить его. В целом российская пресса сохранила нейтральную позицию.

Библиографический список:

1. Ахмедов Т.А. Референдум о независимости Южного (Иракского) Курдистана в 2017 г.: истоки, ход, итоги и последствия // Вестн. Том. гос. ун-та. 2021. № 465. С. 58-65.
2. Белоусова К.А. Баасистская Революция в Ираке 1968 г. и ее влияние на внутреннюю и внешнеполитическую ситуацию // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. №1. С. 88.
3. Беляев И. Реальные возможности // газета «Правда». 1966. № 208 (17525). С. 5.
4. Болгова Е. Путин обсудил с Эрдоганом и Роухани вопрос курдского референдума // КР. // URL: <https://www.kp.ru/online/news/2880432/> (Дата обращения: 15.01.2024).
5. Василькова П. Власти Иракского Курдистана заявили о законности референдума // КР. // URL: <https://www.kp.ru/online/news/2885124/> (Дата обращения: 15.01.2024).
6. Володин Л. Пламя войны над Курдистаном // газета «Известия». 1963. № 25. С.15.
7. Иванов С.М. Иракские курды как авангард курдского национального движения / С. М. Иванов // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 4. С. 55-62.
8. Иванов С.М. Курды восстанавливают историческую справедливость. Независимое военное обозрение. // URL: https://nvo.ng.ru/gpolit/2017-04-07/1_943_kurds.html (Дата обращения: 15.01.2024).
9. Кожина Н. Эксперт: референдум в Иракском Курдистане бомба замедленного действия // АиФ. // URL: https://aif.ru/politics/world/ekspert_referendum_v_irakskom_kurdistanе_bomba_zamedlennogo_deystviya

(Дата обращения: 15.01.2024).

10. Мухаммад Н.И. Позиция России по отношению к курдской проблеме // Казачество. 2023. № 67 (2). С. 129-138.
11. Примаков Е. На самом севере Ирака // газета «Правда». 1967. № 15 (17697). С. 5.
12. Причины и последствия референдума о независимости Иракского Курдистана // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4584321> (Дата обращения: 15.01.2024).
13. Сухов Д. Парламент Ирака разрешил ввести войска в провинцию Киркук // KP. – // URL: <https://www.kp.ru/online/news/2881798/> (Дата обращения: 15.01.2024).
14. Конституция Ирака, 2005 год // Constituteproject. // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Iraq_2005?lang=ar (Дата обращения: 20. 02.2024).

Reference

1. Akhmedov T.A. Referendum on the independence of Southern (Iraqi) Kurdistan in 2017: origins, course, results and consequences // Vestn. Volume. state un-ta. 2021. № 465. P. 58-65.
2. Belousova K.A. The Baathist Revolution in Iraq of 1968 and its influence on the domestic and foreign policy situation // Locus: people, society, cultures, meanings. 2022. № 1. P. 88.
3. Belyaev I. Real opportunities // newspaper “Pravda”. 1966. № 208 (17525). P. 5.
4. Bolgova E. Putin discussed the issue of the Kurdish referendum with Erdogan and Rouhani // KP. // URL: <https://www.kp.ru/online/news/2880432/> (01.15.2024).
5. Vasilkova P. The authorities of Iraqi Kurdistan declared the legality of the referendum // KP. // URL: <https://www.kp.ru/online/news/2885124/> (01.15.2024).
6. Volodin L. The flame of war over Kurdistan // Izvestia newspaper. 1963. № 25. P.15.
7. Ivanov S.M. Iraqi Kurds as the vanguard of the Kurdish national movement / S. M. Ivanov // World Economy and International Relations. 2018. Vol. 62. № 4. P. 55-62.
8. Ivanov S.M. The Kurds are restoring historical justice. Independent military review. // URL: https://nvo.ng.ru/gpolit/2017-04-07/1_943_kurds.html (01.15.2024).
9. Kozhina N. Expert: the referendum in Iraqi Kurdistan is a time bomb // AiF. // URL: https://aif.ru/politics/world/ekspert_referendum_v_irakskom_kurdistane_bomba_zamedlennogo_deystviya (01.15.2024).
10. Muhammad N.I. Russia’s position in relation to the Kurdish problem // Cossacks. 2023. № 67 (2). P. 129-138.
11. Primakov E. In the very north of Iraq // Pravda newspaper. 1967. № 15 (17697). P. 5.
12. Causes and consequences of the referendum on the independence of Iraqi Kurdistan // TASS. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4584321> (01.15.2024).
13. Sukhov D. The Iraqi Parliament allowed to send troops into the province of Kirkuk // KP. – // URL: <https://www.kp.ru/online/news/2881798/> (01.15.2024).
14. Constitution of Iraq, 2005] // Constitutionproject. // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Iraq_2005?lang=ar (02.20.2024).

Актуальные вопросы исторических наук

Actual questions of historical sciences

Даренская И.В.

Кандидат исторических наук. Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», г. Нижний Тагил.

«Диалог с властью»/ «диалог с народом» в контексте мобилизационных механизмов в индустриальных городах Урала в период «великого перелома»*

Аннотация. В статье на основе привлечения широкого круга источников анализируются формы диалога власти и общества в ходе проведения мобилизационных кампаний раннесоветской эпохи. Автор рассматривает формы, которые были распространены на Урале в период «великого перелома»: собрания как формат общественных форумов с двухсторонней коммуникацией, диалог власти и общества на страницах средств массовой информации и посредством отправки «писем во власть». На основе анализа организационно-распорядительных, аналитических материалов, «эго-документов» и городского фольклора рассмотрены вербальные и невербальные реакции населения индустриальных городов на предлагаемые формы взаимодействия, проанализированы причины участия\неучастия, сопоставлены мотивы власти и общества поддерживать диалоговый формат. Трактую мобилизационные кампании как действия руководства страны по вовлечению в процесс форсированных преобразований населения с целью получения политического и экономического результата, автор доказывает необходимость руководства страны поддерживать диалог с обществом как инструмент реализации задач кампаний.

* © Даренская И.В., 2024.

Ключевые слова: власть, мобилизационные кампании, «великий перелом», диалог, собрания.

Darenskaia I. V.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhny Tagil.

“Dialogue with the people” in the context of mobilization mechanisms in the industrial cities of the Urals during the period of the “great turning point”

Abstract. Based on the involvement of a wide range of archival materials, the article analyzes the forms of dialogue between government and society during the mobilization campaigns of the early Soviet era. The article examines the forms that were common in the Urals during the “great turning point”: meetings as a format of public forums with two-way communication, a dialogue between government and society on the pages of the media and by sending “letters to the authorities”. On the basis of organizational and administrative, analytical materials, “ego documents” and urban folklore, the verbal and non-verbal reactions of the population of industrial cities to the proposed forms of interaction are considered, the reasons for participation/non-participation are analyzed, the motives of the authorities and society to maintain a dialogue format are compared. Interpreting mobilization campaigns as actions of the country’s leadership to involve the population in the process of forced transformations in order to obtain political and economic results, the author proves the need for the country’s leadership to maintain a dialogue with society as a tool for implementing the objectives of the campaigns.

Key words: Power, mobilization campaigns, “great turning point”, dialogue.

В сложных условиях обострения международной ситуации, возникновения «новой угрозы» и восприятия СССР как «осаждённой крепости» руководство страны понимало необходимость проведения системных мобилизационных кампаний. Для обеспечения государства необходимыми

экономическими ресурсами важно было выстроить диалог с обществом, обеспечить политическую и социальную поддержку курса, найти «общий язык» с первыми поколениями строителей социализма.

В научном исследовании проблем взаимодействия власти и общества в контексте «великого перелома» выделяются три этапа, последовательная смена которых обусловлена изменением политического курса и произошедшими методологическими поворотами. Если первый этап (конец 1920-х-середина 1980-х гг.) характеризовался доминантой марксистско-ленинских установок на оценку реализуемого курса, то со второй половины 1980-х по начало 1990-х гг. происходит смена исследовательских моделей в контексте деидеологизации истории. Третий период развития исследования проблем взаимодействия власти и общества (середина 1990-х гг. - по настоящее время) отличается многообразием ракурсов к изучению диалога власти и общества на основе междисциплинарного подхода к проведению научных исследований.

Решение поставленных партийно-государственным аппаратом задач форсированного развития страны определило организацию массовых мобилизационных кампаний, которые можно трактовать как системные действия руководства страны по вовлечению в процесс форсированных преобразований населения с целью получения политического и экономического результата¹. С.А. Красильников, исследуя опыт социальной мобилизации, отмечает, что для всех кампаний этого периода были характерны следующие черты: институциональность, интенсивность, директивность, перманентность, всеохватность, ресурсозатратность и экстраординарность².

Важно отметить, что, организуя процесс «массовизации» кампании, власть не отказывалась от идеи диалога с обществом, видя в этом огромный ресурс и потенциал для обеспечения поддержки курса. В рамках данной статьи рассмотрим технологии осуществления и сопровождения мобилизационных кампаний на Урале, приемы сохранения политического диалога власти и населения индустриальных городов в условиях мобилизационного воздействия государственных институтов.

К основным диалоговым формам взаимодействия власти и общества относятся несколько каналов взаимодействия: 1) организация партийных, производственных, отчетно-выборных собраний и совещаний; 2) создание и поддержка регулярного и ритуального канала обратной связи на страницах средств массовой информации; 3) лигитимация сбора жалоб и предло-

1 Ильиных И.В. Взаимоотношения власти и городского населения Урала в ходе мобилизационных кампаний 1928-1932 гг.: диссертация кандидата исторических наук : 07.00.02. Екатеринбург, 2007

2 Красильников С.А. Раннесоветский опыт социальной мобилизации: теория для истории // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 38-44.

жений населения посредством «писем во власть» и других форм.

Первым ключевым форматом построения «диалога общества с властью» и «диалога власти с обществом» стали собрания как коммуникативный канал обсуждения актуальных тем. Информационными и тематическими поводами для созыва собраний могли быть производственные аспекты (обсуждение рационализаторских предложений, проработка технологических аспектов), политические мотивы (отчетно-выборные собрания как этап избирательных кампаний органов власти, собрания по «проработке» кандидатов в процессе выдвигенческих кампаний, собрания по «критике» и «самокритике»), идеологические аспекты (индивидуальная и коллективная «проработка» по обсуждению резолюций и директив партийно-государственных органов).

Организация собраний играла значительную роль во взаимодействии власти и общества: собрания служили проводником официальной идеологии, легализованным и контролируемым механизмом снятия социального напряжения и выражения критических взглядов, каналом «обратной связи» для определения маркеров и трудностей реализации курса форсированной модернизации, технологией формирования положительного имиджа власти, представления о ее открытости и готовности к диалогу с обществом.

Анализируя функционал собраний, рассмотрим проблемы, которые возникали при их организации.

При внешнем отрицании нормативов по количеству участников собраний были неформально зафиксированные показатели к количеству присутствующих участников, поэтому организаторы собраний, зачастую, были вынуждены использовать административный ресурс в качестве основного канала привлечения участников. Почему властям так важно было обеспечивать критерий «массовости»? Участвуя в массовом событии, гражданин как бы становился со-участником события, его индивидуальная позиция подавлялась большинством и он начинал разделять доминирующую точку зрения. В информационной справке от 30 ноября 1929 года о выполнении директив ЦК о постановке агитации среди рабочих оговаривалось: обязать местные партийные организации установить определённый день на неделе для массовых собраний рабочих с участием в них руководящих работников, обеспечить широкое развёртывание групповой агитации, в связи с переходом предприятий на 2-3 смены приспособить проведение собраний под сменную работу³.

Нормативность созыва собраний и плотность их проведения вызывали негативную реакцию населения. Анализ докладных записок профсоюз-

3 Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф.4. Оп.7. Д.417. Л.52.

ных и партийных органов позволяет сделать вывод, что чаще всего участники были недовольны «частыми дерганьями» на собрания и различные совещания»⁴. В сводке «О состоянии массовой работы по союзу металлистов» за 1928 год отмечалось, что процент посещения цеховых собраний варьировался с следующим сегменте: 55,6% за 1 квартал, 56,3% за 2 квартал, 47,1% за 3 квартал и 53% за 4 квартал 1928 года⁵. В определенной степени посещаемость собраний зависела от природно-климатического фактора и сезонности цикла сельскохозяйственных работ, поскольку в индустриальных городах Урала рабочие и служащие еще не утратили связь с деревней, сохраняя связь с индивидуальным хозяйством.

Типичными негативными вербальными и поведенческими реакциями была расстановка акцентов на причинах непосещения собраний: *«нет времени, «работаю в 2 смены», «не хожу, так как не сосчитать этих совещаний», «далеко ходить от квартиры», «очень мало знаком с темой совещаний», «мало посещаю, нужно больше оповещать»*⁶. Приведем диалог из заметки «Не идут» рабкора «Шир.»: *«Ну как, пойдешь на производственное совещание?» - «Да не, знаешь. Мне по домашности надо. Времени нет»*. После диалога рабкор констатировал, что *«обычно это только отговорка. На самом деле Нейво-Шайтанские рабочие перестают ходить на совещания совсем не из-за того, что нет времени. Весь гвоздь – в выполнении предложений»*⁷.

Технологии игнорирования собраний массово отражены в других формах городского фольклора. Обобщая причины низкой явки на собрания, при формальной констатации высокой степени посещения, отметим несистематичность их проведения, недостаточное оповещение, несогласованность различных органов в дате и времени проведения собраний, что приводило, зачастую, к дублированию содержания.

Вторым аспектом организации собраний является их формализованный характер. Анализируя формы диалога власти и общества, которые использовались на собраниях как формате общественных форумов, отметим, что если ранее допускалась дискуссия и обсуждение, то уже к концу 1920-х гг. полемичность заменялась стопроцентным «рукоподнимательством» за необходимые резолюции. Рабочие и другие категории, присутствующие на собраниях, осознавали идеологически декоративный характер общественных форумов и не стремились принимать активное участие в прениях. Как отмечали рабочие *«мой голос посчитают при голосовании за*

4 Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф.Р-70. Оп.2. Д.220. Л.77об.

5 ЦДООСО.Ф.4.Оп.7. Д.312.Л.174.

6 НТГИА. Ф.113. Оп.1. Д.28. Л.54.

7 Рабочий. 1828. 1 февраля. №27 (619)

резюми – уже достаточно»⁸.

Вторым каналом поддержания диалога власти и общества становились средства массовой информации. Манипулируя настроениями и представлениями общества, власть включала в процесс выстраивания диалога с обществом периодику, структурируя эмоции, чувства и представления населения, создавая условия для проявления активизма и поддержки⁹.

Центральные и региональные средства массовой информации старались не только оперативно освещать актуальные новости международной политики и повестку внутривластных событий, но и формировали лояльное общественное мнение. Для властей страницы газет были рупором курса и полем политического диалога. Как отмечал Дж. Брукс, средства массовой информации стали пространством «публичного разговора с теми, кто ей сочувствовал»¹⁰.

Для использования агитационного и диалогового потенциала прессы власть стремилась увеличить количество подписчиков газет и журналов. С.П. Постников и М.А. Фельдман, исследуя социокультурный облик рабочих, приводят данные о количестве подписчиков газет в индустриальных городах Урала, констатируя, что оно варьировалось от 64 до 86%¹¹. Анализируя материалы подписки на газеты на заводах Урала в 1929 г., отметим что 49,9% населения регулярно читали прессу, 26,7% нерегулярно обращались к материалам средств массовой информации и 23,4% населения не читали газеты и журналы¹².

Местные и заводские многотиражные издания, которые пользовались большим интересом у населения, так как были максимально приближены к местным особенностям и интересам населения, также отличались повышенной идеологизированностью. Как отмечено в обзорах и справках о работе редакции «Уральский рабочий», газета в контексте идей внутрипартийной демократии и пролетарской самокритики применяла следующие методы: организацию рабочих бригад по обследованию предприятий, инициировала «боевые тревоги рабкоров», участвовала в показательных судах над прогульщиками¹³.

8 ЦДООСО. Ф.4. Оп.10. Д.241. Л.98.

9 Поршнева О.С., Даренская И.В. Протестные акции и настроения городского населения Урала в период «великого перелома» (1928-1932 гг.) // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 101-110.

10 Брукс Дж. «Спасибо, товарищ Сталин! Культура советского общества от революции до «холодной войны» // Отечественная история. 2004. № 4. С. 179.

11 Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900-1941). Екатеринбург, 2006. С. 386.

12 История социалистической экономики СССР. В 7 т. Т. 3. Создание фундамента социалистической экономики в СССР. 1926–1932 гг. – М.: 1977.

13 ЦДООСО. Ф.4. Оп.7. Д.308. Л.3.

Рабочие корреспонденты, выявляя недостатки на местах и направляя заметки в прессу, были важным диалоговым каналом между властью и обществом. В газетах было создано несколько рубрик, связанных с рабочим движением, названия которых отражали специфику работы корреспондентов: «Здесь-плохо», «Беседа с рабкором», «Нас спрашивают – мы отвечаем», «О чем говорят рабочие», «Понемногу о плохом». В контексте реализации задач «великого перелома» вырос объем направляемых рабочими заметок. Так за период с января по октябрь 1929 года в редакцию «Уральского рабочего» поступило 2922 заметки, которые были не напечатаны и 5120 напечатаны. Из ненапечатанных заметок отправлено для расследования – 330 заметок, для принятия мер в соответствующие органы – 2480 заметок. Для организации обратной связи с рабочими корреспондентами в газетах была введена рубрика «Почтовый ящик», которая содержала ответы на непринятые заметки рабкоров и причины их отклонения. Например, рабкору Трефилову было отказано в печати заметки «За культуру», так как она опиралась на мелкий факт, рабкору «Шило» указано, что «заметка про квартирный кризис не пойдет, так как нет конкретных фактов». Рабкору «1973» отказано в печати заметки «Кроют матом» и дан совет напечатать ее в стенгазете, а рабкору «Серпу», его заметку рекомендовали отправить в профсоюз.

Для сохранения иллюзии диалоговых форм власть использовала формат «писем во власть». Письма населения, отправленные на имя руководителей государства, пересылались на места с просьбой сообщить о принятых мерах адресатам и в копии секретному отделу ЦК ВКП(Б)¹⁴. Поступающие сигналы обратной связи обязательно должны были быть адресными (анонимные жалобы не рассматривались), принимались от граждан как в письменной, так и в устной форме.

Таким образом, на Урале в 1920-х-1930-х гг. формировались система политического диалога, которая, наряду с типовыми характеристиками (массовость, ритуальность, подконтрольность), отражала и специфические черты, характеризующее взаимодействие власти и население индустриальных городов, когда видимая активность не соответствовала внутренней пассивности. Использование диалоговых форм взаимодействия, к которым относились организация и участие в различного плана общественных форумах, поддержка обратной связи на страницах средств массовой информации, легитимация сбора жалоб и предложений населения посредством «писем во власть», было взаимовыгодным процессом для власти и населения. Если руководство центральных и местных органов власти через поддержание диалога формировало основные смысловые конструкты, тезисы проводи-

мого курса, собирало информацию о их поддержке населением и создавало представление об открытости власти и иллюзию у населения, что оно влияет на принятие решение, то население включалось в диалоговый процесс по нескольким мотивам: в надежде «достучаться», донести информацию, доказать свою лояльность или используя диалог в качестве лифта социальной мобильности.

Библиографический список:

1. Брукс Дж. «Спасибо, товарищ Сталин! Культура советского общества от революции до «холодной войны» // Отечественная история. 2004. № 4. С. 179.
2. Ильиных И.В. Взаимоотношения власти и городского населения Урала в ходе мобилизационных кампаний 1928–1932 гг.: диссертация кандидата исторических наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2007.
3. История социалистической экономики СССР. В 7 т. Т. 3. Создание фундамента социалистической экономики в СССР. 1926–1932 гг. – М.: 1977.
4. Красильников С.А. Раннесоветский опыт социальной мобилизации: теория для истории // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 38–44.
5. Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф.Р–70. Оп.2. Д.220. Л.77об.; НТГИА. Ф.113. Оп.1. Д.28. Л.54.
6. Поршнева О.С., Даренская И.В. Протестные акции и настроения городского населения Урала в период «великого перелома» (1928–1932 гг.) // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 101–110.
7. Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941). Екатеринбург, 2006. С. 386.
8. Рабочий. 1828. 1 февраля. № 27 (619).
9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп.85. Д.431. Л.18.
10. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф.4. Оп.7. Д.417. Л.52.; ЦДООСО. Ф.4. Оп.10. Д.241. Л.98; ЦДООСО. Ф.4. Оп.7. Д.308. Л.3.; ЦДООСО. Ф.4. Оп.7. Д.312. Л.174.

Reference

1. Brooks J. “Thank you, Comrade Stalin! The culture of Soviet society from the revolution to the Cold War // Domestic history. 2004. № 4. P. 179.
2. Ilyinykh I.V. The relationship between the authorities and the urban population of the Urals during the mobilization campaigns of 1928–1932: dissertation of a candidate of historical sciences: 07.00.02. Ekaterinburg, 2007.
3. History of the socialist economy of the USSR. In 7 volumes. Vol. 3. Creating the foundation of a socialist economy in the USSR. 1926–1932 – M.: 1977.
4. Krasilnikov S.A. Early Soviet experience of social mobilization: theory for history // Ural Historical Bulletin. 2018. № 4 (61). P. 38–44.
5. Nizhny Tagil City Historical Archive (NTGIA). F.R–70. Op.2. D.220. L.77ob.; NTGIA. F.113. Op.1. D.28. L.54.
6. Porshneva O.S., Darenskaya I.V. Protest actions and sentiments of the urban population of the Urals during the period of the “great turning point” (1928–1932) // Ural Historical Bulletin. 2017. № 3 (56). P. 101–110.
7. Postnikov S.P., Feldman M.A. Sociocultural appearance of industrial workers of the Urals (1900–1941). Ekaterinburg, 2006. P. 386.
8. Worker. 1828. February 1. № 27 (619).
9. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F.17. Op.85. D.431. L.18.
10. Documentation Center for Public Organizations of the Sverdlovsk Region (CDOOSO). F.4. Op.7. D.417. L.52.; CDOOSO. F.4. Op.10. D.241. L.98; CDOOSO. F.4. Op.7. D.308. L.3.; TsDOOSO. F.4. Op.7. D.312. L.174.

Арутюнян М.Н.

Кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиал СГПИ (Ставропольский государственный педагогический институт) в г. Железноводске.

Дармилова Э.Н.

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин. Северо-Кавказская государственная академия.

Урчукова С.Р.

Кандидат политических наук, заведующая кафедрой экономики и менеджмента, Институт деловой карьеры, филиал в Карачаево-Черкесской республике.

Проблемы становления и развития российской общественной мысли на рубеже XVIII-XIX столетий*

Аннотация. Развитие общественной мысли и формирование основных политических течений, как и всей русской культуры XVIII-XIX вв. определялось идеологией эпохи Просвещения с ее концепциями о верховной роли знания и разума в жизни каждого человека и общества в целом, свободы и равенства всех людей, вниманием к человеческой личности.

Ключевые слова: власть, общество, государство, общественная мысль, история России.

Narutyunyan M.N.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines branch of the SSPI in Zheleznovodsk.

Darmilova E.N.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities. North Caucasus State Academy.

* © Арутюнян М.Н., Дармилова Э.Н., Урчукова С.Р., 2024.

Urchukova S.R.

Candidate of Political Sciences, Head of the Department of Economics and Management, Institute of Business Career, branch in the Karachay-Cherkess Republic.

Problems of formation and development of Russian public thought at the turn of the XVIII-XIX centuries

Abstract. The development of public thought and the formation of the main political trends, as well as the entire Russian culture of the XVIII-XIX centuries, was determined by the ideology of the Enlightenment era with its concepts of the supreme role of knowledge and reason in the life of every person and society as a whole, freedom and equality of all people, attention to the human personality.

Key words: government, society, state, public thought, history of Russia.

В изучении становления и развития общественной мысли в России остается немало неразрешенных и недостаточно изученных проблем. Прежде всего хотелось бы методологически рассмотреть само понятие и содержание, которое вкладывается в слово «общественная мысль».

Общественная мысль выступает как «осознанное и социально-значимое отображение реально существовавшей и существующей действительности (т.е. общественной жизни) в виде исторически обусловленной динамической системы идей и взглядов того или иного общества, имеющей значение для всего населения и господствующей в данное время». При изучении общественной мысли обращается внимание на своеобразие предмета анализа - мысли как «нематериальной материи», непосредственно связанной с мыслителем. Общественная мысль и мыслитель выступают как центральные взаимосвязанные основания классификации источников изучения истории политических и правовых учений. Исследование общественной мысли «предполагает использование разнообразных типов и видов исторических источников: содержащих материалы по истории общественной мысли и дающих возможность воссоздать на их основе ее историю как своеобразного идейного концентрата духовной культуры человечества» [1, с. 230].

Наиболее распространенным понятием и часто используемым на про-

тяжении всей истории является понятие, что общественная мысль - это мысль русского общества.

Как для Российской истории, так и для истории общественной мысли в России рубежным событием стали реформы Петра Великого, которые породили основные проблемы русской общественной мысли и тот социальный слой, который был в состоянии их обсуждать. Именно в результате таких преобразований русская общественная мысль приобрела форму, в которой существует и по сей день и делает ее частью общественной мысли европейской цивилизации.

Общественная мысль в России на рубеже XVIII-XIX вв. развивалась как часть общемировой социологической науки. Получая влияние со стороны различных течений западной социологии, она вместе с тем предлагала свои теории, в которых отражались все своеобразие развития российского общества того времени. Развитие общественной мысли в России представляет собой весьма увлекательный и вместе с тем во многом драматичный процесс.

В России идеи главенствующей роли знания и ума, свободы и равенства всех внедрялись с помощью группы мыслителей, научная и культурно-просветительская деятельность которых способствовала формированию новому мировоззрению и популяризации в обществе знаний, вызывала желание решать проблемы российской действительности.

Одними из первых просветителей общественной мысли в России являлись М.В. Ломоносов (1711-1765 гг.) – энциклопедист, организатор первого университета, В.Н. Татищев (1686-1750 гг.), написавший «История Российская с самых древнейших времён», Н.И. Новиков (1744-1818 гг.) издавал журналы «Трутенъ», «Живописецъ», А.Н. Радищев (1749-1802 гг.), написавший ода «Вольностьъ»; «Путешествие из Петербурга в и Москву», Н.М. Карамзин (1766-1826 гг.), написавший «История государства Российского».

Также зарождались общественные течения, которые отличались своими мыслями, такие как франкмасонство - отличалось духовно-мистическими поисками, идеей совершенствования человеческой личности, представителями которого являлись – И. Лопухин, И. Елагин.

«Философические письма» П.Я. Чаадаева, впервые, опубликованные в 1836 г. в журнале «Телескоп», где была поднята проблема культурно-исторического пути развития России, ее самобытности, способствовало начало дискусии западничества и славянофилов.

Вторая половина XVIII века была сложным и уникальным периодом в истории России. В этот период происходил расцвет дворянских привилегий, усиление крепостного права и распространение крепостного землевладения на новые территории. В то же время начался процесс разложения феодальной системы и формирования капиталистического строя. Это про-

являлось не только в развитии промышленности и торговли, но и в глубоких изменениях в социальных отношениях.

В обществе происходили изменения в положении и взаимодействии различных классов и сословий, а также в их отношении к государству. Под внешним феодальным обликом начиналось формирование нового социального содержания, которое в будущем должно было привести к разрушению этого облика и установлению нового общественного строя.

В истории российского самодержавия это был особый период, получивший название «периода просвещенного абсолютизма». Самодержавие оставалось дворянским правительством, защитником и выразителем общих интересов господствующего, дворянского класса [2, с. 939].

В конце XVIII - начале XIX века русское общество было сильно заинтересовано в событиях и идеях Французской революции. Взятие Бастилии 14 июля 1789 года, присяга Людовика XVI на конституцию и принципы «Декларации прав человека и гражданина» вызвали большой интерес в России, особенно среди дворянского класса, который даже проявлял энтузиазм. Это беспокоило Екатерину II, которая настояла на том, чтобы друг ее внука Александра граф П.А. Строганов покинул Париж. Она не хотела, чтобы он влиял на Александра, тем более Строганов П.А. стал членом Якобинского клуба.

Во второй половине XIX века, по мере становления общественности на Западе, новая социальная наука стала проникать и в Россию.

В начале XIX в. европейский опыт стал главным стимулом попыток проведения реформ самодержавной политической системы России, что нашло отражение в деятельности статс-секретаря Александра I - М.М. Сперанского (1772-1839). В качестве теоретических опор своих реформаторских замыслов Сперанский использовал идеи английских и французских просветителей, а в практическом плане предлагал императору опираться на опыт европейских конституционных монархий. Он считал, что для обретения статуса современной державы России необходима «прививка» и адаптация продуктивных элементов западной общественно-политической системы и культуры. За это Сперанский подвергся критике со стороны историка Н.М. Карамзина (1776-1826), полагавшего, что подобные реформаторские замыслы противоречат политическим традициям российского государства [3, с. 14].

Спор между консерватором Карамзиным и реформатором Сперанским является отправной точкой для будущего развития общественной мысли в России.

Основное различие в позициях Карамзина и Сперанского заключалось в том, какой фактор должен стать основой для успешного развития России и достижения ее конкурентоспособности как мирового лидера: традиции

и культурные установки, присутствующие в общественном сознании, или формы жизни, сформированные западной историей в политической, экономической и культурной сферах.

Дискуссия между Сперанским и Карамзиным о будущем России была связана с появлением двух противоположных направлений в российской общественной мысли - «западничества» и «славянофильства» в 30-50-х годах XIX века. Западничество было вдохновлено идеями П.Я. Чаадаева, выраженными в его «Философских письмах», где он впервые предложил радикальную мысль о том, что Россия отстала от мирового развития, который был связан с эволюцией западного общества. Чаадаев считал Россию аномальной страной, история которой не соответствует законам прогрессивных народов. Он утверждал, что России нужно выбрать исторический путь, который уже прошли западные народы, чтобы достичь прогресса.

Одной из центральных проблем истории становления общественной мысли является проблема ее самобытности, оригинальности. Здесь также широко распространены полярные точки зрения [4, с. 22].

С одной стороны, «ура-патриоты», готовые доказать безусловную самобытность русской общественной мысли на всех этапах существования. С другой, скептики, начиная с П.Я. Чаадаева и М.О. Гершензона, который писал: «не поразительно ли, что история нашей общественной мысли делится не на этапы внутреннего развития, а на периоды господства той или другой иноземной доктрины. Шеллингизм, гетелианство - что ни этап, то иностранной имя. Наше сознание в массе не выбрасывало для себя своих жизненных ценностей и не переоценивало их постепенно, как это было на Западе, поэтому у нас и в помине не было своей национальной эволюции мысли; в праздной, хотя святой жажде истины мы просто хватали то, что каждый раз создавала для себя западная мысль» [5, с. 131].

Вторая половина XVIII века и начало XIX века - чрезвычайно важный период в истории русской общественной мысли. В это время начинают складываться те направления и тенденции, которые получают дальнейшее развитие в последующем, и борьба между которыми составит главное содержание идейной жизни следующих поколений [6, с. 44].

На ранних этапах своего развития российская общественная мысль не выдвигала выдающихся теоретиков. Однако ведущие российские социологи обладали глубоким знанием о последних достижениях европейской общественной мысли, высокой культурой и стремлением выявить особенности российской общественной мысли, отражающие историческую и социальную специфику России.

Библиографический список:

1. Матюхин А.В. Общественная мысль России XIX - начала XX века. Социально-гуманитарные знания, 2009.

№ 2. С. 230-245.

2. Ивакин Г.А. Законодательная деятельность правомонархистов в государственной думе и государственном совете в 1906 году // *Власть истории - История власти*. 2021. Том 7. Часть 8. № 34. С. 939-950.
3. Кодан С.В. Классификация источников изучения истории политических и правовых учений: основания, типы и виды носителей информации // *Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу»*. 2021. № 6. С. 13-28.
4. Джазаева И.А.-А., Болурова А.Н. История общественной мысли в России во второй половине XIX века // *Власть истории - История власти*. Том 8. Часть 7. № 41. С. 19-23.
5. Шелохаев В.В. Общественная мысли России: истоки, эволюция и основные направления // *Материалы международной научной конференции*. Москва, Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2011. С. 131-133.
6. Михайлов В.А., Степанов С.А. Из истории дореволюционной российской политики: монархисты и Русская православная церковь // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2023. № 10 (184). С. 44-65.
7. Рябова Е.Л. К юбилею известного ученого, преподавателя Надежды Ултургашевой // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2022. № 6 (168). С. 57-61.
8. Щупленков Н.О., Рябова Е.Л. Роль фактора времени в политической культуре // *Культура Мира*. 2022. Т. 10. № 26 (1). С. 75-86.
9. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экономическое, политическое и кросс-культурное значение отелей // *Альманах Крым*. 2022. № 31. С. 61-72.
10. Рябова Е.Л., Рябова Е.Л. Дихотомия культуры: конфликт ценностей экологии и экономики // *Альманах Крым*. 2022. № 32. С. 11-19.
11. Кантаева О.В., Рябова Е.Л. Региональные аспекты реализации государственных инициатив по стимулированию активного долголетия и физической активности пожилых граждан // *Альманах Крым*. 2022. № 32. С. 42-51.
12. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Явные и скрытые смыслы забастовок // *Власть истории и история власти*. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 30-42.
13. Бирюков С.В., Рябова Е.Л. Феномен лидерства в контексте современных кризисов и вызовов // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2021. № 1 (151). С. 9-19.
14. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Эволюция дипломатического подарка как индикатор изменений в международных отношениях // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2021. № 6 (156). С. 45-54.
15. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Боль разделенных городов - последствия геополитических игр // *Власть истории и история власти*. 2021. Т. 7. № 1 (27). С. 10-20.
16. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитическая авантюра: цена внешнеполитического просчета в истории // *Власть истории и история власти*. 2021. Т. 7. № 5 (31). С. 515-524.
17. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Политизация образов истории повседневности (на примере образа ворот) // *Власть истории и история власти*. 2021. Т. 7. № 7 (33). С. 782-791.
18. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитические смыслы закрытых границ: размышления в связи с карантином // *Альманах Крым*. 2020. № 20. С. 11-22.
19. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экологические смыслы международного сотрудничества: все тайное становится явным // *Власть истории и история власти*. 2020. Т. 6. № 1 (19). С. 10-19.
20. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитика в маске // *Власть истории и история власти*. 2020. Т. 6. № 4 (22). С. 500-511.
21. Рыбаков С.В., Рябова Е.Л. К вопросу об инновационном компоненте молодежной политике в российской федерации // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2019. № 11 (137). С. 44.
22. Байханов И.Б. Своякие компетенции в системе компетенций современного педагога // *Педагогическое образование в России*. – Екатеринбург, 2022. № 5. С. 17-25. – DOI: 10.26170/2079-8717_2022_05_02.
23. Байханов И.Б. Молодежь в цифровом мире: самооценка сформированности цифровых компетенций абитуриентов московских вузов // *Миссия конфессий*, 2021. Т. 10. № 6 (55). С. 615-623.
24. Байханов И.Б. Особенности управления человеческими ресурсами в условиях глобальных перемен // *Власть истории и история власти*. – М.: 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 20-29.
25. Байханов И.Б. Особенности управления человеческими ресурсами в условиях глобальных перемен // *Власть истории и история власти*. – М.: 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 20-29.
26. Байханов И.Б. Качество образования как стратегическая цель региональной образовательной политики в Чеченской Республике // *Отечественная и зарубежная педагогика*. – М.: 2019. Т. 1. № 6 (63). С. 46-55.
27. Байханов И.Б. Государственная политика как фактор развития национальной образовательной системы: базовые аспекты // *Этносоциум и межнациональная культура*, 2020. № 1 (139). С. 69-76.
28. Байханов И.Б. Формирование цифровых компетенций в условиях трансформации образовательных систем // *Миссия конфессий*, 2021. Т. 10. № 7 (56). С. 705-712.
29. Байханов И.Б. Геополитическая культура: как корабль ты назовешь И.Б. Байханов // *Миссия конфессий*. – М.: 2021. Т. 10. № 5 (54). С. 519-524.
30. Байханов И.Б. Интернет, выборы и формирование электоральной культуры // *Этносоциум и межнаци-*

ональная культура, 2013. № 5 (59). С. 101-107.

31. Ананченко П.И., Тонконог В.В. Направления государственной политики в создании и развитии региональной инновационной образовательной системы. Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2016. № 49. С. 8-15.
32. Тонконог В.В., Константинов В.М., Ананченко П.И. Развитие образовательных услуг в сфере переподготовки и повышения квалификации кадров для малого и среднего бизнеса. Труд и социальные отношения. 2014. Т. 25. № 9. С. 106-121.
33. Тонконог В.В., Ананченко П.И. E-LEARNING: заменит ли дистант традиционные формы обучения? Труд и социальные отношения. 2017. Т. 28. № 4. С. 119-128.
34. Ананченко П.И., Кузнецов М.Ю. Профессиональное обучение безработных в системе службы занятости населения. Ученые записки Академии предпринимательства. 2016. № 47. С. 176-183.
35. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Предметное поле государственного управления в системе политических наук // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 10 (184). С. 57-61.

Reference

1. Matyukhin A.V. Social thought in Russia in the 19th - early 20th centuries. Social and humanitarian knowledge, 2009. № 2. P. 230-245.
2. Ivakin G.A. Legislative activity of right-wing monarchists in the State Duma and State Council in 1906 // The power of history - History of power. 2021. Volume 7. Part 8. № 34. P. 939-950.
3. Kodan S.V. Classification of sources for studying the history of political and legal doctrines: grounds, types and types of information carriers // Electronic supplement to the Russian Legal Journal. 2021. № 6. P. 13-28.
4. Dzhazayeva I.A.-A., Bolurova A.N. History of social thought in Russia in the second half of the 19th century // The power of history - History of power. Volume 8. Part 7. № 41. P. 19-23.
5. Shelokhaev V.V. Social thought in Russia: origins, evolution and main directions // Materials of the international scientific conference. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2011. P. 131-133.
6. Mikhailov V.A., Stepanov S.A. From the history of pre-revolutionary Russian politics: monarchists and the Russian Orthodox Church // Ethnosocium and interethnic culture. 2023. № 10 (184). P. 44-65.
7. Ryabova E.L. To the anniversary of the famous scientist and teacher Nadezhda Ulturgasheva // Ethnosocium and interethnic culture. 2022. № 6 (168). P. 57-61.
8. Shchuplenkov N.O., Ryabova E.L. The role of the time factor in political culture // Culture of the World. 2022. Vol. 10. № 26 (1). P. 75-86.
9. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Economic, political and cross-cultural significance of hotels // Almanac Crimea. 2022. № 31. P. 61-72.
10. Ryabova E.L., Ryabova E.L. Dichotomy of culture: conflict between the values of ecology and economics // Almanac Crimea. 2022. № 32. P. 11-19.
11. Kantaeva O.V., Ryabova E.L. Regional aspects of the implementation of state initiatives to stimulate active longevity and physical activity of older citizens // Almanac Crimea. 2022. № 32. P. 42-51.
12. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Explicit and hidden meanings of strikes // Power of history and history of power. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 30-42.
13. Biryukov S.V., Ryabova E.L. The phenomenon of leadership in the context of modern crises and challenges // Ethnosocium and interethnic culture. 2021. № 1 (151). P. 9-19.
14. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The evolution of a diplomatic gift as an indicator of changes in international relations // Ethnosocium and interethnic culture. 2021. № 6 (156). P. 45-54.
15. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The pain of divided cities - the consequences of geopolitical games // The power of history and the history of power. 2021. Vol. 7. № 1 (27). P. 10-20.
16. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitical adventure: the price of foreign policy miscalculation in history // The power of history and the history of power. 2021. Vol. 7. № 5 (31). P. 515-524.
17. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Politicization of images of everyday history (using the example of the image of a gate) // The power of history and the history of power. 2021. Vol. 7. № 7 (33). P. 782-791.
18. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitical meanings of closed borders: reflections in connection with quarantine // Almanac Crimea. 2020. № 20. P. 11-22.
19. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Ecological meanings of international cooperation: everything secret becomes clear // The power of history and the history of power. 2020. Vol. 6. № 1 (19). P. 10-19.
20. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitics in a mask // The power of history and the history of power. 2020. Vol. 6. № 4 (22). P. 500-511.
21. Rybakov S.V., Ryabova E.L. On the issue of the innovative component of youth policy in the Russian Federation // Ethnosocium and interethnic culture. 2019. № 11 (137). P. 44.
22. Baykhanov I.B. Cross-cutting competencies in the system of competencies of a modern teacher // Pedagogical education in Russia. – Ekaterinburg, 2022. № 5. P. 17-25. – DOI: 10.26170/2079-8717_2022_05_02.

23. Baykhanov I.B. Youth in the digital world: self-assessment of the level of digital competencies of Moscow university applicants // *Mission of Confessions*, 2021. Vol. 10. № 6 (55). P. 615-623.
24. Baykhanov I.B. Features of human resource management in the context of global changes // *The power of history and the history of power*. – M.: 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 20-29.
25. Baykhanov I.B. Features of human resource management in conditions of global change // *The power of history and the history of power*. – M.: 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 20-29.
26. Baykhanov I.B. Quality of education as a strategic goal of regional educational policy in the Chechen Republic // *Domestic and foreign pedagogy*. – M.: 2019. Vol. 1. № 6 (63). P. 46-55.
27. Baykhanov I.B. State policy as a factor in the development of the national educational system: basic aspects // *Ethnosocium and interethnic culture*, 2020. № 1 (139). P. 69-76.
28. Baykhanov I.B. Formation of digital competencies in the context of transformation of educational systems // *Mission of Confessions*, 2021. Vol. 10. № 7 (56). P. 705-712.
29. Baykhanov I.B. Geopolitical culture: what do you call a ship I.B. Baykhanov // *Mission of confessions*. – M.: 2021. Vol. 10. № 5 (54). P. 519-524.
30. Baykhanov I.B. Internet, elections and the formation of electoral culture // *Ethnosocium and interethnic culture*, 2013. № 5 (59). P. 101-107.
31. Ananchenkova P.I., Tonkonog V.V. Directions of state policy in the creation and development of a regional innovative educational system. *Scientific notes of the Russian Academy of Entrepreneurship*. 2016. № 49. P. 8-15.
32. Tonkonog V.V., Konstantinov V.M., Ananchenkova P.I. Development of educational services in the field of retraining and advanced training of personnel for small and medium-sized businesses. *Labor and social relations*. 2014. Vol. 25. № 9. P. 106-121.
33. Tonkonog V.V., Ananchenkova P.I. E-LEARNING: will distance learning replace traditional forms of learning? *Labor and social relations*. 2017. Vol. 28. № 4. P. 119-128.
34. Ananchenkova P.I., Kuznetsov M.Yu. Vocational training for the unemployed in the employment service system. *Scientific notes of the Russian Academy of Entrepreneurship*. 2016. № 47. P. 176-183.
35. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Subject field of public administration in the system of political sciences // *Ethnosocium and interethnic culture*. 2023. № 10 (184). P. 57-61.

Нарцисс М.С.

Аспирант. Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук.

**Частная жизнь сельского (белого) духовенства
Вологодской епархии в XVII веке***

Аннотация. В статье рассмотрены особенности частной жизни сельского (белого) духовенства Вологодской епархии XVII века. Целью исследования стало рассмотрение роли и места сельских священнослужителей во взаимосвязи с приходом и крестьянской общиной на основе исторических источников того времени: Сборника актов Северного края. На основе использования источниковедческого и исторического метода анализа и синтеза проанализировано положение приходского духовенства и особенности их статуса, а также взаимоотношения с их окружением, в том числе с церковными старостами. Роль сельского священника рассмотрена как духовника общины, показано, что в XVII веке происходит зарождение традиций церковного семейного служения и передачи прихода от отца к сыну. Результатами исследования стало выявление особенностей частной жизни белого духовенства Северного края, которому были присущи такие же бытования, как и у другой части населения (крестьян): рождение, свадьба, смерть, возделывание земли, но и некоторым из них были присущи такие пороки мирской жизни, как пьянство, воровство, прелюбодеяние, они могли стать жертвой оговора.

Ключевые слова: сельское духовенство, белое духовенство, Вологодская епархия, священник, приход, община, десятильник, келарь, архиерей, дьяк.

Narcissus M.S.

PhD student, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

**The private life of the rural (white) clergy
of the Vologda Diocese in the XVII century**

Abstract. The article examines the peculiarities of the private life of the rural (white) clergy of the Vologda diocese of the XVII century. The purpose of the study was to examine the role and place of rural clergy in relation to the parish and the peasant community based on historical sources of that time: the Collection of Acts of the Northern Territory. Based on the use of the source and historical method of analysis and synthesis, the position of the parish clergy and the peculiarities of their status, as well as the relationship with their environment, including church elders, are analyzed. The role of the village priest is considered as the confessor of the community, it is shown that in the XVII century the traditions of church family service and the transfer of the parish from father to son were born. The results of the study revealed the peculiarities of the private life of the white clergy of the Northern Territory, who had the same existence as the other part of the population (peasants): birth, wedding, death, cultivation of the land, but some of them also had such vices of worldly life as drunkenness, theft, adultery, they could become the victim of a slip of the tongue.

Key words: rural clergy, white clergy, Vologda diocese, priest, parish, community, decanter, cellarer, bishop, deacon.

На повседневную жизнь сельского духовенства в XVII веке оказывали влияние как внешние, так и внутренние события, социально-экономическая обстановка в стране. Их жизнь происходила не только в церкви, но и в других трудах и работах, в том числе о хлебе насущном. Каждый приход определял, каким образом будут обеспечены священнослужители, это зависело от особенностей землепользования и установленных повинностей.

Основным источником их благосостояния была земля и выплаты духовенству (руга). Доходы сельского духовенства складывались из отдельных частей: пользование землей при храме, руга, сбор за требы и добровольные пожертвования¹.

В целом, на протяжении XVII в., как правильно заметил П.В.Знаменский приходское духовенство бедствовало из-за незначительного размера руги.² М.С. Черкасова также отмечает не только их «скромный статус»³, но и особое положение сельского духовенства, так как сами они принадлежали с одной стороны к «традиционным крестьянским сообществам, а с другой

1 Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI—XVII вв. – М.: Индрик, 2002. С. 167.

2 Знаменский П.В. Приходское духовенство на Руси. – СПб.: Издательский дом «Коло», 2003. С. 112 (переизд. с изд. 1867 г.).

3 Черкасова М.С. Экономическая и демографическая характеристика сельских приходов Вологодско-Белозерской епархии в XVII веке // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. С. 249.

стороны являлись низовым звеном епархиальной организации и прослойкой белого духовенства»⁴.

Основным видом поселения в унитарном государстве, каким являлась Россия в XVII в., была деревня.

Е.Н.Швейковская рассматривает деревню как комплексное понятие, включающее в себя: «место обитания крестьян, сферу приложения их труда»⁵ и делает вывод о том, что «северные деревни были малодворными»⁶.

Н.В. Соколова предлагает рассматривать русскую деревню во взаимосвязи «индивид-семья-приход-община-землевладелец»⁷, откуда приход становится центральным местом, а роль сельского священника достаточно значимой в исследуемый период.

Община, с одной стороны подчиняла духовенство своей собственной властью, с другой стороны «защищала от обид и притеснений высшей духовной власти, строго отстаивала интересы сельского духовенства»⁸.

Сельский священник – это так называемый духовник общины, активно участвовавший в ее жизни. В основе общинных ценностей: семья, коллективизм, взаимовыручка. Так как система духовного образования в государстве еще не сложилась «навыки чтения, письма, церковного служения передавались в семье пастыря»⁹.

Если в семье сельского священнослужителя было несколько детей, они все несли службу, кто попом, кто дьячком, а кто пономарем. Церковная земля делилась неравномерно: «две трети – попу, а остальные участки у дьячка и пономаря»¹⁰.

На старости лет поп мог благословить прихожан на избрание после своей смерти своего сына, в этом случае за ним сохранялась земля.

Н.В. Башнин, проведя исследования вотчины Вологодского архиерей-

4 Черкасова М.С. Сельское духовенство на севере России в контексте аграрной и социальной истории XVI—XVII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 2017. № 1. С. 26

5 Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII в. – М.: Археологический центр, 1997. С. 30.

6 Там же. С. 31.

7 Соколова Н.В. Сельская община в монастырской вотчине в XVII - первой половине XVIII в. (Итоги и перспективы изучения) // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы. Вологда, 2008. С. 19.

8 Сулова Е.Д. Сельское духовенство и крестьянское сообщество в Карелии в контексте социально-экономических отношений (к. XVI – н. XVIII в.). Научное электронное издание. Петрозаводск, 2014. С. 6.

9 Камкин А.С. Сельское приходское духовенство Европейского Севера России в XVIII в. // Российская история. 2009. № 3. С. 127-135.

10 Суворов И. К истории церкви Вологодской епархии // Вологодские епархиальные ведомости. 1915. Прибавления к № 13. С. 355.

ского дома Св.Софии в Яренском уезде в первой четверти XVII в., делает вывод, что основной массой населения были крестьяне и отмечает тенденцию к их росту от 78,6 % в 1608 г. до 83,5 в к. 1620 г.¹¹

В Вологодской епархии в 50-е годы XVII в. осуществляли церковную деятельность более 500 приходских храмов и около 70 монастырей. В составе белого духовенства находилось около 600 человек¹².

Епархией управляли так называемые десятильники, их сфера деятельности была достаточно обширной, до 1675 год они имели право контролировать духовную и светскую деятельность священников, даже могли изгнать их из прихода. Духовенство и прихожане выбирали десятильников, а архиерей утверждал их в должности.

Известен случай отстранения попа Ивана Стефанова, служившего в церкви Воскресения в Иротовской волости Яренского уезда.¹³ Изгнали его, так как он впал в немилость к десятильнику Григорию Федорову, священник с челобитной обратился к архиепископу Варлааму. По итогам проведенного разбирательства священника в храм вернули.

Были случаи вымогательства среди десятильников, такой случай произошел в церкви Пречистой Богородицы, что расположена в Пустынской волости и касался Микифора Михайлова.

Были случаи проявления жестокости, например избиений при сборе денег, ведь десятильники отвечали за сбор церковной дани, взыскивали денежные долги.

Очень часто крестьяне жаловались на десятильников, так как священники, по их мнению были в створе с десятильниками и обвинили их в браке с родственницами, что церковью было запрещено. В случае многочисленных жалоб десятильника могли заменить.

Священники держали отчет перед десятильниками о числе венчаний в приходе. В определенных ситуациях «десятильники выдавали отпускные грамоты священникам»¹⁴.

Хотя в 1667 г. на Московском большом соборе было принято решение

11 Башнин Н.В. Историко-демографическая характеристика вотчины Вологодского архиерейского дома Св.Софии в Яренском уезде в первой четверти XVII в. // Историческая демография. 2018. № 2 (22). 16 с.

12 История епархии // Северная Фиваида. Официальный сайт Вологодской митрополии // URL: <https://vologda-mitropolia.ru/vologodskaja-eparhija/istorija-eparhii/?ysclid=lslk7r3r3b904535626> (Дата обращения: 11.02.2024)

13 Башнин Н.В. Десятильники на Русском Севере в XVII веке (по материалам Вологодского архиерейского дома Св.Софии) // Материалы Всероссийского научно-практического семинара. Череповец, 2019. 48 с.

14 Башнин Н.В. Десятильники на Русском Севере в XVIII веке (по материалам Вологодского архиерейского дома Св.Софии) // Материалы Всероссийского научно-практического семинара. Череповец, 2019. С. 54.

отстранить десятильников от управления, в Вологодской епархии они существовали до 1674 г., это, по мнению Н.В. Башнина связано с обширностью епархиальной территории и удаленностью населенных пунктов от Вологды, а также примерами злоупотреблениями ими свои положением.

Случалось так, что в нравственном отношении представители сельского духовенства не существенно отличались от своих прихожан. Были среди них эпизоды пьянства, «бражничания в кабаке». За пьянство могли отправить в монастырь, если священнослужитель совершил крупный проступок, его вначале разстригали, а затем ссылали в монастырь. Поп Елисей за «прелюбодеяния, душегубство и иных правильных винах»¹⁵ в кандалах был отправлен в монастырь. Таким же наказаниям подвергались и более низкие церковники – дьячки и пономари, многие, чтобы избежать наказания пытались бежать, не всегда это удавалось. Вдовых священников направляли в монашество, но часто у них оставались на руках дети, в том числе несовершеннолетние, тогда мог быть заключен своеобразный контракт, что прибывший на его место священнослужитель должен о них позаботиться.

С целью предупреждения безнравственности в среде священников правящий в епархии архиерей настаивал на их женитьбе. Вдовым священникам разрешали оставаться на приходе при их безупречном нравственном поведении.

Рассмотрим один из сюжетов из сборника актов Северного края. В 1654 году рассматривалось дело о прелюбодеянии Устьсысольского попа Троицкой церкви Пимена Симонова. Начинается дело с челобитной Пимена на имя архиепископа Маркела, где он называет себя «нищим богомольцем»¹⁶. К слову сказать, священнослужители так величали себя в обращениях к архиепископу. Жалуется он на церковного старосту Ермолку Яковлева и бывшую просвирицу Фотинью, которая на него, попа наговаривает, якобы он ее изнасиловал. Поп сообщает архиепископу, что на этом самом погосте 50 лет назад служил его отец, а теперь и сам он служит уже более 30 лет и просит разрешить ему служить дальше, так как прелюбодеяния он не совершал, а его оговорили. Он приводит слова свидетелей (приходских крестьян), которые также уверены в этом оговоре.

Далее в деле находим записку дьякона, который подтверждает, что поп изнасиловал просвирицу и его правильно обвиняют в блудном деле. К судебному делу приложена челобитная просвирицы, в которой сказано, что поп ее изнасиловал, а он ведь ее отец духовный. В свою очередь, поп Пимен утверждает, что в келью к ней не захаживал, что обвиняет его церковный староста, так как они друг с другом враждуют.

15 *Верюжский В.М.* Северно-русское приходское духовенство в конце XVII в. // Христианское чтение. 1906. № 7. С. 84.

16 *Колычев А.А.* Сборник актов Северного края. Вологда, 1925. С. 129.

Для сбора церковной дани в село приезжал архиепископский дьяк Данила Столбицкий и ему просвирница вручила свою челобитную с просьбой передать архиерею. В этой челобитной она сообщала, что церковный староста Ермола Яковлев заставлял ее наговаривать на попа Пимена. По архиепископской грамоте велено было Данилу устроить очную ставку попу Пимену с просвирницей. На очной ставке Пимен сказал, что блудного греха не было. Также к делу приложено обращение таможенного целовальника Федора Семенова и крестьян Сысольских волостей в количестве 8 человек. Они послали свою челобитную к архиепископу Маркелу с мирского совета, на котором говорилось, что ничего плохого за попом Пименом не замечали, а вся история связана с тем, что в храме заменили просвирницу на другую и прежняя решила таким образом отомстить.

Крестьяне Устьсысольской волости в количестве 9 человек просят архиепископа Маркела устроить очную ставку церковного старосты Ермола Яковлева и попа Пимена, а до проведения такой очной ставки староста будет у них на поруках¹⁷.

Проанализировав это дело, можно сделать выводы, что случаи ложного обвинения об изнасиловании были не редкостью в это время, через них мы видим конфликт, существующий между священником и церковным старостой, который с помощью оговора пытается уличить попа в том, что тот не совершал. Также прихожане и священнослужители часто обращались с челобитными к архиерею, эти челобитные передавались через архиерейских дьяков, посланных за сбором церковной дани. Узнать правду можно было с помощью очной ставки противоборствующих сторон. Прихожане не были в стороне от рассмотрения судебного дела, они выступали в качестве свидетелей, могли взять на поруки, что свидетельствует о крепости общинной поддержки в XVII в.

В истории широко известен случай из истории Дионисево-Глушицкого монастыря, в который «в 1689 году на должность келаря назначили Мельхиседека Пересветова»¹⁸, келарь заботился о хозяйственном благополучии монастырской вотчины. Мельхиседек прославился своим жестоким нравом: мог забить крестьянина плетью до полусмерти, насилует крестьянских жен; лишал крестьян возможности заниматься различными промыслами, которые были связаны с изготовлением теса, добычей дегтя и смолы, поиском камней для жерновов.

Келарь Мельхиседек устанавливал запреты для крестьян на так называемые приработки. Пользуясь своей властью, он увеличивал и без того высокие налоги, различными способами выбивал с крестьян деньги, которые тратил на вино и плотские утехи. Обязательно присутствовал на каждой свадьбе, досматривал молодоженов, как они придут с подклета.

17 Колычев А.А. Сборник актов Северного края. Вологда, 1925. С. 137.

18 Башнин Н. Келарь со шпагой. Родина. 2009. № 12. С. 108.

Его бесконечные бесчинства монастырские крестьяне и монастырская братия терпели полгода, а когда терпение закончилось, написали «жалобу архиепископу Вологодскому и Белозерскому Гавриилу»¹⁹. Позже жалобщикам удалось пресечь попытку бегства келаря из монастыря, они помирились в досудебном порядке, а келарь якобы иск к ним оплатил.

Как правильно заметила Е.Д.Суслова, именно «священник выполнял ключевую роль в хозяйственной жизни волости»²⁰. В обязанности сельского духовенства восточных десятин Вологодской епархии входило обеспечение проезда архиерейских агентов «сухопутным и речным транспортом»²¹, например подводами, санями, лодками, когда они направлялись за церковной данью, другими пошлинами и доходами.

В конце XVII в. происходит постепенный процесс разрыва существовавшей ранее связи прихожан с духовенством, оно всё больше замыкается в себе, а осуществлением власти над паствой занимается епархиальный архиерей, который избирается Священным Синодом.

Проведя исследование частной жизни сельского духовенства можно сделать следующие выводы:

- для сельского духовенства была характерна имущественная дифференциация, которая зависела от прихрамового земельного участка, руги, приношений прихожан и сборов;
- так как сельские священники, также как и крестьяне обрабатывали землю, можно говорить о некоей тождественности положения крестьянина, клирика и причетника;
- сельское духовенство активно участвовало в делах местного сообщества, они трудились на пашне, давали займы крестьянам.

На основе проведенного исследования судебных дел, дошедших до нас историй, можно сделать вывод о том, что частной жизни белого духовенства Северного края были присущи такие же бытования, как и у другой части населения (крестьян): рождение, свадьба, смерть, некоторым из них были присущи такие пороки мирской жизни как пьянство, воровство, прелюбодеяние, часто они становились жертвой оговора. Частную жизнь сельского духовенства была связана, прежде всего, с приходом, с крестьянской общиной, к концу XVII века такая связь ослабевает.

Библиографический список:

1. Башнин Н.В. Историко-демографическая характеристика вотчины Вологодского архиерейского дома

19 Башнин Н. Келарь со шпагой. Родина. 2009. № 12. С. 109.

20 Суслова Е.Д. Сельское духовенство и крестьянское сообщество в Карелии в контексте социально-экономических отношений (к. XVI – н. XVIII в.) Научное электронное издание. Петрозаводск, 2014. С. 120.

21 Черкасова М.С. Сельское духовенство на севере России в контексте аграрной и социальной истории XVI-XVII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 2017. № 1. С. 29.

1. Св.Софии в Яренском уезде в первой четверти XVII в. // Историческая демография. 2018. № 2 (22). С. 13-16.
2. Башнин Н.В. Десятильники на Русском Севере в XVII веке (по материалам Вологодского архиерейского дома Св. Софии) // Материалы Всероссийского научно-практического семинара. Череповец, 2019. С. 47-57.
3. Башнин Н. Кельарь со шпагой. Родина. 2009. № 12. С. 108-110.
4. Веруцкий В.М. Северно-русское приходское духовенство в конце XVII в. // Христианское чтение. 1906. № 7. С. 79-98.
5. Знаменский П.В. Приходское духовенство на Руси. СПб.: Издательский дом «Коло», 2003. С. 1-178 (переизд. с изд. 1867 г.).
6. История епархии // Северная Фиваида. Официальный сайт Вологодской митрополии // URL: <https://vologda-mitropolia.ru/vologodskaja-eparhija/istorija-eparhii/?ysclid=lsk7r3r3b904535626> (Дата обращения: 11.02.2024)
7. Камкин А.С. Сельское приходское духовенство Европейского Севера России в XVIII в. // Российская история. 2009. № 3. С. 127-135.
8. Колычев А.А. Сборник актов Северного края. Вологда, 1925. 300 с.
9. Соколова Н.В. Сельская община в монастырской вотчине в XVII - первой половине XVIII в (Итоги и перспективы изучения) // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы. XXXI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. Вологда, 2008. С. 18-19.
10. Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI— XVII вв. – М.: Индрик, 2002. 352 с.
11. Суворов И. К истории церкви Вологодской епархии // Вологодские епархиальные ведомости. 1915. Прибавления к № 13. С. 355.
12. Суслова Е.Д. Сельское духовенство и крестьянское сообщество в Карелии в контексте социально-экономических отношений (к XVI – н. XVIII в.) Научное электронное издание. Петрозаводск, 2014. 140 с.
13. Черкасова М.С. Экономическая и демографическая характеристика сельских приходов Вологодско-Белозерской епархии в XVII веке // Северо- Запад в аграрной истории России. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. С. 234-251.
14. Черкасова М.С. Сельское духовенство на севере России в контексте аграрной и социальной истории XVI – XVII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 2017. № 1. С. 25-39.
15. Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII в. – М.: Археологический центр, 1997. 285 с.

Reference

1. Bashnin N.V. Historical and demographic characteristics of the estate of the Vologda bishop's house of St. Sophia in Yarensky district in the first quarter of the 17th century. // Historical demography. 2018. № 2 (22). P. 13-16.
2. Bashnin N.V. Teners in the Russian North in the 17th century (based on materials from the Vologda Bishop's House of St. Sophia) // Materials of the All-Russian Scientific and Practical Seminar. Cherepovets, 2019. P. 47-57.
3. Bashnin N. Cellarer with a sword. Homeland. 2009. № 12. P. 108-110.
4. Veryuzhsky V.M. Northern Russian parish clergy at the end of the 17th century. // Christian reading. 1906. № 7. P. 79-98.
5. Znamensky P.V. Parish clergy in Rus'. St. Petersburg: Publishing house "Kolo", 2003. P. 1-178 (reprinted from the 1867 edition).
6. History of the diocese // Northern Thebaid. Official website of the Vologda Metropolitanate // URL: <https://vologda-mitropolia.ru/vologodskaja-eparhija/istorija-eparhii/?ysclid=lsk7r3r3b904535626> (02.11.2024)
7. Kamkin A.S. Rural parish clergy of the European North of Russia in the 18th century. // Russian history. 2009. № 3. P. 127-135.
8. Kolychev A.A. Collection of acts of the Northern Territory. Vologda, 1925. 300 p.
9. Sokolova N.V. Rural community in a monastic estate in the 17th - first half of the 18th centuries (Results and prospects of study) // Current problems of the agrarian history of Eastern Europe: historiography; research methods and methodology; experience and perspectives. XXXI session of the symposium on the agrarian history of Eastern Europe. Abstracts of reports and messages. Vologda, 2008. P. 18-19.
10. Stefanovich P.S. Parish and parish clergy in Russia in the 16th–17th centuries. – M.: Indrik, 2002. 352 p.
11. Suvorov I. On the history of churches of the Vologda diocese // Vologda Diocesan Gazette. 1915. Additions to № 13. P. 355.
12. Suslova E.D. Rural clergy and peasant community in Karelia in the context of socio-economic relations (16th - early 18th centuries) Scientific electronic publication. Petrozavodsk, 2014. 140 p.
13. Cherkasova M.S. Economic and demographic characteristics of rural parishes of the Vologda-Belozersk diocese in the 17th century // North-West in the Agrarian History of Russia. Kaliningrad: Publishing house of the Russian State University named after. I. Kant, 2008. P. 234-251.
14. Cherkasova M.S. Rural clergy in the north of Russia in the context of agrarian and social history of the 16th – 17th centuries. // Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe, 2017. № 1. P. 25-39.
15. Shveikovskaya E.N. The state and peasants of Russia. Pomorie in the 17th century. – M.: Archaeological Center, 1997. 285 p.

Горохов В.М.

Старейшина русской общины. Независимый исследователь. Военная академия Министерства обороны Российской Федерации, Ростов-на-Дону.

**К вопросу об искажении текста приговора
Международного военного трибунала в сборниках
материалов «Нюрнбергский процесс»***

Аннотация. В статье рассмотрен текст приговора Международного военного трибунала из сборников материалов «Нюрнбергский процесс» разных лет издания и выполнено его сравнение с приговором Международного военного трибунала, оглашенным 30 сентября – 1 октября 1946 г. Сделан вывод о том, что данные документы не являются аутентичными. Отмечается вероятная связь искажения текста приговора с попыткой сторонних сил скрыть ряд преступлений нацистского режима Гитлера против народа Советского Союза. Ставится вопрос об отсутствии подлинника приговора Международного военного трибунала в Государственном архиве РФ.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, военные преступления, Нюрнбергский процесс, приговор Международного военного трибунала, особое мнение судьи Никитченко.

Gorokhov V.M.

The elder of the Russian community. Independent investigator. Military Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Rostov-on-Don.

**On the issue of distorting the text of the Verdict
of the International Military Tribunal
in the Collections of Materials “Nuremberg Trials”**

Abstract. The article examines the text of the verdict of the International Military Tribunal from collections of materials “The Nuremberg Trials” of dif-

* © Горохов В.М., 2024.

ferent years of publication and compares it with the verdict of the International Military Tribunal, announced on September 30 – October 1, 1946. It is concluded that these documents are not authentic. A probable connection between the distortion of the text of the verdict and an attempt by outside forces to hide a number of crimes of Hitler's Nazi regime against the people of the Soviet Union is noted. The question is raised about the absence of the original verdict of the International Military Tribunal in the State Archives of the Russian Federation.

Key words: World War II, The Great Patriotic War, war crimes, Nuremberg Trials, Verdict of the International Military Tribunal, Dissenting Opinion of Judge Nikitchenko.

Вторая Мировая Война 1939–1945 гг. – крупнейшая война в истории человечества. Ответственность за её развязывание лежит на правительствах крупнейших капиталистических стран, прежде всего гитлеровской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии. Советский народ потерял в годы войны 25 миллионов человек. По окончании войны СССР настойчиво добивался сурового наказания военных преступников. 8 августа 1945 г. было заключено «Соглашение между СССР, США, Великобританией и Францией об организации Международного военного трибунала для суда над главными военными преступниками» (Далее – МВТ) [6, т. 1, с. 13–14]. Судебный процесс по делу главных немецких военных преступников проходил в германском городе Нюрнберг с 20 ноября 1945 по 01 октября 1946 гг. Приговор МВТ был оглашён 30 сентября и 1 октября 1946 г. (Далее по тексту – оглашённый приговор МВТ). Судья от СССР И.Т. Никитченко высказал особое мнение в связи с необоснованностью оправдания и мягкостью наказания некоторых подсудимых [6, т. 2, с. 568–590]. Приговор МВТ и особое мнение судьи И.Т. Никитченко опубликованы в сборниках материалов «Нюрнбергский процесс», несколько раз издававшихся в СССР (Российской Федерации) с 1952 по 2021 гг. Существуют признаки того, что текст приговора МВТ в сборниках материалов «Нюрнбергский процесс» искажён и не соответствует оглашённому приговору МВТ. Необходимость анализа данных несоответствий и определяет актуальность настоящей научной работы.

Цель исследования – сопоставить тексты сборников материалов «Нюрнбергский процесс» с текстом приговора Международного военного трибунала, оглашенным 30 сентября – 01 октября 1946 г.

В заключительной части приговора МВТ указано: «Приговор составлен в четырёх экземплярах – на русском, английском, и французском языках.

Все тексты аутентичны и имеют одинаковую силу» [9, т. 7, с. 511]. В сборнике материалов «Нюрнбергский Процесс» 1961 г. размещены две фотографии последних страниц подлинника приговора МВТ [Там же, с. 510–511]. Эти фотографии изготовлены по снимкам из фотоальбома русскоязычного подлинника приговора МВТ. Их наличие говорит о том, что в 1961 г. подлинник приговора МВТ в виде фотокопий был доступен составителям сборника материалов. Эти ДВЕ фотографии ДВУХ последних страниц приговора МВТ – единственное, что доступно для широкого круга исследователей из подлинного приговора МВТ. Определить по этим фотографиям номера страниц и, соответственно, общее число страниц подлинника приговора МВТ невозможно, так как края фотографий «обрезаны».

Советская сторона получила подлинники приговора на русском, английском и французском языках, которые должны храниться в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Однако указанные ТРИ подлинника Приговора МВТ широкому кругу современных исследователей (2023 г.) не доступны. Что с ними произошло (возможно, утрачены), неизвестно. Вместо подлинника приговора МВТ исследователям представляется машинописный документ «Приговор Международного военного трибунала по делу главных военных преступников Германа Вильгельма Геринга и других» [13]. Этот документ изготовлен, вероятнее всего, не ранее марта 1953 г. и является искажённым текстом приговора МВТ (Далее – искажённый текст приговора МВТ). Именно он вошёл в русскоязычные сборники материалов «Нюрнбергский процесс» и иные, в том числе, государственные документы.

В 1946 г. было принято публиковать в газетах фотоснимки важных документов. Так, в газете «Известия» за 12 июня 1946 г. опубликовано в полном объёме «Заявление бывшего генерал-лейтенанта германской армии Р. Бамлера о Франко как агенте немецкой разведки», к которому приложены фотоснимки первой и восьмой (последней) страниц подлинника его заявления [4, с. 3]. Размеры фотографий – 87 x 114 мм, с промежутками между ними в 7 мм. На каждой газетной странице можно разместить 16 таких фотографий. Наиболее важную часть приговора МВТ, а это несколько первых страниц, раздел «Агрессия против СССР» в полном объёме и две заключительные страницы Приговора можно было разместить на одной–двух страницах газет. Что, вероятно, и было сделано в газете «Правда» за 04 октября 1946 г. Однако этот номер газеты был изъят с хранения, а на его место помещен этот же номер, выпущенный повторно уже без материалов МВТ.

До современных исследователей (2023 г.) не дошли советские периодические печатные издания 1946 г., в которых был опубликован в полном объёме главный документ Нюрнбергского процесса – оглашённый

приговор МВТ. При этом доступны газеты с другими материалами Нюрнбергского процесса, опубликованными в полном объеме: вступительная речь главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко; заключительная речь главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко; особое мнение судьи от СССР И.Т. Никитченко.

Доступны также газеты, в которых есть статьи об окончании судебного процесса и о том, как был оглашён приговор МВТ. Так, газета «Правда» от 2 октября 1946 г. опубликовала передовую статью «Приговор истории», в которой сообщалось об окончании судебного процесса МВТ в Нюрнберге [12, с. 1]. В этом же номере размещена статья «Оглашение приговора главным немецким военным преступником», в которой описан процесс оглашения приговора, перечислены решения о мерах наказания каждому подсудимому [10, с. 3–4].

В газете «Правда» от 3 октября 1946 г. опубликована статья специального корреспондента газеты В. Величко «Преступление и наказание. Нюрнберг 1 октября 1946 г.». В этой статье приведены данные о количестве потерь советского народа в годы войны, прозвучавшие в оглашённом приговоре МВТ [1, с. 3]. Ввиду особой юридической и исторической значимости наиболее важная часть оглашённого приговора МВТ, касающаяся агрессии против СССР, незамедлительно должна была быть опубликована в центральных газетах по окончании судебного процесса. Поскольку особое мнение судьи И.Т. Никитченко (неотъемлемая часть приговора МВТ) опубликовано 5–6 октября 1946 г. в полном объёме [11], то наиболее важная часть приговора МВТ должна была быть напечатана накануне, до особого мнения. Следовательно, можно предположить, что приговор МВТ (наиболее важная его часть) был размещён в центральных газетах «Правда» и «Известия» за 4 октября 1946 г., или в данных номерах были даны разъяснения о том, как и когда в полном объёме будет опубликован приговор МВТ.

Во многих библиотеках России номер газеты «Известия» за 4 октября 1946 г. отсутствует. Автор изучил экземпляр газеты «Правда» от 4 октября 1946 г. в Донской публичной библиотеке г. Ростова-на-Дону (дата изучения – сентябрь 2023 г.). Органолептические исследования при естественном освещении дают возможность сделать вывод, что этот экземпляр выпущен значительно позднее 1946 г.: он напечатан на более светлой газетной бумаге, чем другие номера газеты этого года, и другим шрифтом с применением красителя, отличного от красителя 1946 г.

Первый сборник материалов «Нюрнбергский процесс» [6] вышел в Советском Союзе с большим опозданием, в 1952 г. На титульных листах частей двухтомного сборника указаны даты: соответственно, 1952 г. (1-й том) и 1951 г. (2-й том). Это вызывает настороженность, ведь приговор

МВТ вошёл во второй том, а он (по данной датировке) выпущен ранее первого тома.

Высока вероятность того, что второй том сборника был изготовлен в начале 1953 г., но не был распространён. После смерти 5 марта 1953 г. главы советского государства И.В. Сталина весь уже готовый тираж второго тома с подлинным приговором МВТ был уничтожен. Затем второй том был изготовлен повторно (переиздан), при этом фальсификаторы ошиблись с датой его титульного листа. Поскольку в выпускных данных сборника была указана дата 1951 год, то фальсификаторы в спешке ошибочно указали эту дату и на титульном листе повторно выпущенного второго тома [6, т. 2, с. 1]. В этот повторно выпущенный второй том первого издания сборника материалов «Нюрнбергский процесс», по нашему мнению, был включен искажённый текст приговора МВТ. В дальнейшем этот искажённый текст несколько раз переиздавался и стал единственно доступным для широкого круга исследователей в настоящее время (2023 г.)

Вопрос об искажении текста приговора МВТ (Нюрнбергский процесс, 1945–1946 гг.) уже привлекал внимание исследователей. Так, в статье «Подмена текста приговора Нюрнбергского трибунала» судебного эксперта А.Н. Колмыкова указано: «С точки зрения эксперта, несмотря на наличие таких допросов о 6 млн. евреев, в первоначальный текст приговора Нюрнбергского процесса эта информация не могла войти по той причине, что свидетели так и не смогли объяснить, где происходили убийства евреев, о которых они рассказали. А позже текст был изменён и 6 млн. оказались в тексте приговора. В первом томе разъясняется главное – пункты уничтожения свидетели не знают, они тайные». По мнению А.Н. Колмыкова, «необходимо проводить расследование по факту подмены приговора Нюрнбергского трибунала в Государственном архиве РФ» [5, с. 136.].

Рассмотрим ещё несколько признаков искажения текста приговора МВТ. В тексте приговора МВТ из сборника материалов отсутствуют важнейшие данные о потерях Советского Союза в годы войны, которые содержатся в оглашённом приговоре и указаны в уже упомянутой статье «Преступление и наказание. Нюрнберг 1 октября 1946 г.» [1, с. 3]. Статью составил специальный корреспондент газеты «Правда» В. Величко, который присутствовал на судебном заседании при оглашении приговора и записал лично им услышанное. В статье указаны цифры потерь Советского Союза, по которым можно установить часть текста оглашённого приговора МВТ: «15 миллионов мирных граждан убито; 10 миллионов погибло на полях войны; 275 тысяч престарелых и больных умерщвлено ядом; 7 миллионов угнано в рабство» [Там же]. Таким образом, в указанной статье приводится информация из оглашённого приговора МВТ о суммарных потерях Советского Союза в 25 миллионов человек. Однако в тексте приговора из

сборника материалов «Нюрнбергский процесс» эта важнейшая информация отсутствует.

Хранящийся в Государственном архиве РФ машинописный документ с названием «Приговор Международного военного трибунала по делу главных военных преступников Германа Вильгельма Геринга и других» [13], на который ссылаются многие исследователи, не может быть признан юридически и исторически корректным документом ввиду ряда причин. Прежде всего, этот машинописный документ не заверен должным образом. На его последней странице написано простым карандашом от руки: «Страницы сверены Н. Данилюк. 21/ХІІ-46 г.» и «Страницы проверены 21.12.46 г. Зарманова» [Там же, л. 350]. (Дата 21 декабря 1946 г. выпадает на субботу). Фраза «страницы сверены» абсурдна: вне всякого сомнения, фальсификаторы были нерусскими людьми и к тому же не знали правил делопроизводства. Машинописный документ не имеет реквизитов, обязательных для государственных документов, качество печати в нём крайне низкое, множество описок, исправлений, орфографических ошибок, что не соответствует уровню важнейшего государственного документа. Название суда на обложке указано неправильно.

Текст этого машинописного документа не соответствует тексту приговора МВТ из сборника материалов «Нюрнбергский процесс» 1961 г. [9]. Изучим небольшой фрагмент машинописного документа: «По Европе разъезжали специально созданные группы лиц, выскивавшие евреев для так называемого “окончательного **разрешения**” вопроса. В некоторые страны-сателлиты, как Венгрия и Болгария, были направлены германские миссии, которые должны были организовать в вышеупомянутых целях отправку евреев в **лагери** уничтожения в Германию **по морю**. Известно, что к концу 1944 года **400.000 евреев** из Венгрии были умерщвлены в Освенциме. Имеются показания об эвакуации **110.000 евреев** из Румынии для ликвидации. Адольф Эйхман, которому Гитлер поручил проведение этой программы, подсчитал, что в результате проводившейся политики было убито **шесть миллионов евреев**, из которых **четыре** миллиона было убито в **институтах** для истребления людей» [13, л. 162].

В то время как в тексте приговора из сборника материалов 1961 г. этот раздел написан иначе: «По Европе разъезжали специально созданные группы лиц, выскивавшие евреев для так называемого “окончательного **разрешения**” вопроса. В некоторые страны-сателлиты, как Венгрия и Болгария, были направлены германские миссии, которые должны были организовать в вышеупомянутых целях отправку евреев в **лагеря** уничтожения в **Германию**. Известно, что к концу 1944 года **400 тысяч** евреев из Венгрии были умерщвлены в Освенциме. Имеются показания об эвакуации **110 тысяч евреев** из Румынии для ликвидации. Адольф Эйхман, которому Гитлер по-

ручил проведение этой программы, подсчитал, что в результате проводившейся политики было **убито 6 миллионов** евреев, из **которых 4 миллиона** было убито в **пунктах** для истребления людей» [9, т. 7, с. 402].

Такие расхождения недопустимы в важнейших государственных документах. Утверждение об отправке евреев из Венгрии в Германию «по морю» абсурдно, так как в Германию из Венгрии можно попасть только по суше или речным транспортом по реке Дунай. Вариант текста приговора МВТ с фразой «по морю» есть в сборнике «Нюрнбергский процесс» 1952 г. [6, т. 1, с. 481], повторяется во втором издании сборника 1954 г. [7, т. 2, с. 1019] и в третьем издании 1955 г. [8, т. 2, с. 1019]. Однако из текста приговора МВТ в четвёртом издании сборника материалов 1961 г. фраза «по морю» исключена [9, т. 7, с. 402]. Это даёт возможность предположить, что фальсификаторы при составлении искажённого текста приговора МВТ изменяли некий текст, вероятнее всего, подлинного (оглашённого) приговора МВТ, где было указано, что дальнейший путь еврейского населения из Венгрии был «по морю». То есть из Венгрии еврейское население Европы попадало в страны Средиземноморья, с которыми у Венгрии были общие границы. Далее «по морю» оно отправлялось к месту «окончательно назначения» – в Палестину, что и являлось сутью «окончательного решения еврейского вопроса».

Очевидно, что вставки о евреях в тексте приговора МВТ из сборника материалов, которых не было в оглашённом приговоре МВТ, являются более поздними. Так, о применении в Флессенбургском концентрационном лагере смерти специальных методов (способов убийств) при обращении с заключёнными указано: «Голод и голодная смерть, садизм, плохая одежда, отсутствие медицинского обслуживания, болезни, избиения, виселицы, замораживание, вынужденные самоубийства, расстрелы и т. п., всё это играло главную роль в достижении их цели. **Заключённых убивали без разбора; преднамеренные убийства евреев были обычны;** впрыскивание яда, расстрелы в затылок были ежедневными событиями; свирепствовавшие эпидемии брюшного и сыпного тифа, которым предоставляли неистовствовать, служили средством уничтожения заключённых; человеческая жизнь в лагере ничего не стоила» [6, т. 2, с. 465].

В этом абзаце цельное предложение с перечислением способов убийств заключённых разрывается, в него делается вставка: «Заключённых убивали без разбора; преднамеренные убийства евреев были обычны», а затем продолжается вторая часть предложения, повествующая о способах убийства заключённых.

Наибольшие дискуссии исследователей материалов МВТ вызывает информация о гибели 6 миллионов евреев в годы Второй мировой войны. Это обусловлено тем, что и в речах обвинителей, и в тексте приговора

МВТ нет однозначной информации по этому вопросу. Так, в заключительной речи обвинителя от СССР указано следующее: «Из affidavита Вильгельма Гетля от 7 ноября 1945 г. **устанавливается**, что гестапо истреблено 6 млн. евреев» [6, т. 2, с. 387]. Рассматривая эту фразу, следует понимать, что факт уничтожения 6 миллионов евреев судом ещё не установлен, и дискуссия по этому пункту обвинения ещё продолжается (факт исследуется, проверяется). К тому же это предложение помещено в раздел «Преступления гестапо на временно оккупированных территориях СССР» заключительной речи главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко, что, конечно же, абсурдно [3, с. 4].

Очевидно, что раздел приговора «Агрессивная война против Союза Советских Социалистических Республик» должен быть самым объёмным, однако в сборнике материалов он занимает всего ДВЕ страницы [6, т. 2, с. 446–447]. Для сравнения: раздел «Агрессия против Польши» содержит ШЕСТЬ страниц [Там же, с. 433–438], раздел «Преследование евреев» – ПЯТЬ страниц [Там же, с. 477–481], раздел «Вторжение в Данию и Норвегию» – ЧЕТЫРЕ страницы [Там же, с. 438–442]. В приговоре содержится 228 упоминаний о евреях как о пострадавших, в то же время о русских (славянах) упоминается всего 18 раз, в том числе 3 раза – как о пособниках гитлеровцев [Там же, с. 407–567].

Следует иметь в виду, что английская и американская стороны совершили множественные подлоги доказательств, предъявленных суду. Так, английская сторона представила суду вместо коменданта концлагеря Освенцим эсесовца, Рудольфа Франца Фердинанда Хёсса, двойника – подставное лицо [2, с. 269]. Это подставное лицо объявило во время «допроса» 15 апреля 1946 г. о том, что в Освенциме убито от 2 до 2,5 миллиона евреев. Советская сторона выявила подлог «свидетеля», предприняла меры к повторному его допросу. Однако повторный допрос Р.Ф.Ф. Хёсса не состоялся. Готовивший заявление суду заместитель главного обвинителя от СССР государственный советник юстиции 3-го класса Н.Д. Зоря был убит 23 мая 1946 г., накануне выступления в Суде. А через день – 25 мая 1946 г. настоящий Р.Ф.Ф. Хёсс был отправлен из Нюрнберга в Польшу. Американская и английская стороны представили МВТ от имени Р.Ф.Ф. Хёсса два подложных документа: № NO-1210 и № PS-3868. В них утверждалось, что в концлагере Освенцим якобы погибло 2 или 2,5 миллионов евреев [Там же, с. 271].

Так же абсурдны показания «свидетеля» Дитера Вислицени, допрошенного по инициативе английской стороны. Д. Вислицени показал, что он видел в тетрадке (или папке) у А. Эйхмана письмо (или приказ) от шефа гестапо Мюллера об «окончательном решении еврейского вопроса». Однако Д. Вислицени был на невысокой должности в посольстве Словакии и

потому не мог иметь доступа к документам «особой важности», на которые он ссылался [Там же, с. 272].

Беспочвенны и утверждения Д. Вислицени о том, что якобы при нём А. Эйхман хвалился уничтожением 5 миллионов евреев. Комплексные исследования материалов МВТ доказывают, что этнический еврей, гражданин Германии, сотрудник германских правительственных органов А. Эйхман по соглашению между правительством Германии, правительствами иных европейских стран и трансконтинентальным еврейским сообществом выполнял мероприятия по переселению еврейского населения Европы в безопасные районы проживания, на территорию Палестины через Венгрию и другие государства юго-восточной Европы.

Крайне ненадёжным доказательством является и аффидевит Вильгельма Гетля от 7 ноября 1945 г., где В. Гетль утверждает, что слышал, «...как А. Эйхман бахвалился убийством 6 миллионов евреев» [9, т. 6, с. 723]. Оказалась некорректной и «Схема уничтожения еврейского населения на территории действия Айнзатцгруппы А», что выявлено председателем МВТ в ходе судебного заседания [Там же, с. 170–172.]. Подложные свидетели и фальшивые доказательства предоставлялись американской и английской сторонами и были направлены на доказательство преследования европейских евреев во время Второй мировой войны и на сокрытие соучастия еврейского населения Европы в боевых действиях на стороне войск гитлеровской коалиции.

Убедительных доказательств гибели 6 миллионов евреев суду представлено не было, в то время как подложность материалов об этом очевидна. Поэтому в оглашённый приговор МВТ информация о гибели 6 миллионов евреев войти не могла ввиду недоказанности эпизода. В приговор МВТ не вошли многие эпизоды из обвинительного заключения даже в том случае, если имелись доказательства вины подсудимых, но защита предоставила свои доказательства их невиновности, которые из-за недостатка времени было невозможно опровергнуть в судебном заседании. По этим причинам в приговор МВТ не включен эпизод о гибели около 11 тысяч военнопленных поляков, убитых в начале сентября 1941 г. в Катынском лесу под Смоленском, что было достоверно доказано материалами комиссии академика Н.Н. Бурденко [9, т. 3, с. 163].

В сборниках материалов «Нюрнбергский процесс» не указано место хранения подлинника приговора МВТ, с которого был набран текст сборника. Впервые ссылка на архивное хранение подлинника приговора МВТ встречается в специальном издании «Признать виновными. Приговор Международного военного трибунала в Нюрнберге», выпущенном в 2021 г. совместно Федеральным архивным агентством, Государственным архивом РФ, Институтом государства и права Российской академии наук [14]. В ан-

нотации к этому изданию указано: «Впервые на русском языке полностью публикуются два значительных документа, хранящихся в ГА РФ <...> Приговор МВТ и особое мнение судьи от СССР И.Т. Никитченко печатаются по подлинным экземплярам на русском языке» [Там же, с. 3].

Ссылка на архивные хранение подлинника приговора МВТ указана так: «ГА РФ, Р-7445. Оп. 1. Д. 1647. Л. 1–350. Копия. Машинопись. Ротапринтный экз.» [Там же, с. 393]. Электронный вариант этого машинописного документа размещён в свободном доступе на официальном сайте ГА РФ. Однако это не подлинник приговора МВТ, как утверждают авторы указанного издания, а ротапринтная копия, изготовленная с машинописного документа, который не является копией приговора МВТ, а представляет собой искажённый вариант приговора МВТ. Из чего следует вывод: подлинник приговора МВТ на архивном хранении в ГА РФ на 2023 г. отсутствует, он, вероятнее всего, безвозвратно утрачен.

Проведённые исследования показывают, что искажения приговора МВТ в сборниках материалов «Нюрнбергский Процесс» совершены с целью принижения роли СССР в разгроме войск гитлеровской коалиции, сокрытия правды о потерях советского народа в годы Второй мировой войны, подтверждения темы преследования евреев, а также сокрытия факта соучастия трансконтинентального антирусского (антиславянского) союза еврейских нацистов – сообщников Гитлера в боевых действиях на стороне войск гитлеровской коалиции. Несомненно, в сборнике материалов «Нюрнбергский процесс» содержится искажённый текст приговора Международного военного трибунала, который не аутентичен приговору, оглашённому 30 сентября – 1 октября 1946 г.

Библиографический список:

1. Величко В. Преступление и наказание. Нюрнберг 1 октября 1946 г. // Правда. – 03 октября 1946. № 235 (10317). С. 3.
2. Горюхов В.М. О реализации конституционного права граждан Российской Федерации на информацию и исследование материалов Нюрнбергского процесса по делу главных нацистских военных преступников // Развитие государства и права в России и в мире: поиск идеальной модели: мат. междунар. науч. конференция. – Ростов-на-Дону: Спутник науки, 2023. С. 264-278.
3. Заключительная речь главного обвинителя Международного военного трибунала от СССР Р.А. Руденко. Стенограмма утреннего заседания 30 августа 1946 г. // Правда. – 13 сентября 1946. № 218 (10300). С. 4.
4. Заявление бывшего генерал-лейтенанта германской армии П. Бамлера о Франко как агенте немецкой разведки // Известия. – 12 июня 1946. № 137 (9053). С. 3.
5. Колмыков А.Н. Подмена текста приговора Нюрнбергского трибунала // Евразийское Научное Объединение. 2021. № 7-2 (77). С. 135-140.
6. Нюрнбергский процесс: сб. мат.: в 2 т. – М.: Госиздюрлит, 1952.
7. Нюрнбергский процесс: сб. мат.: в 2 т. – М.: Госиздюрлит, 1954.
8. Нюрнбергский процесс: сб. мат.: в 2 т. – М.: Госиздюрлит, 1955.
9. Нюрнбергский процесс: сб. мат.: в 7 т. – М.: Госиздюрлит, 1961.
10. Оглашение приговора главным немецким военным преступникам // Правда. – 02 октября 1946. № 234 (10316). С. 3-4.
11. Особое мнение судьи И.Т. Никитченко // Правда. – 05–06 октября 1946. № 237–238 (10319–10320).
12. Приговор истории // Правда. – 02 октября 1946. № 234 (10316). С. 1.

13. Приговор Международного военного трибунала по делу главных военных преступников Германа Вильгельма Геринга и других // ГА РФ. Ф.7445. О.1. Д.1648. Л.1-350 и Д.1647. Л.1-350.
14. Признать виновными. Приговор Международного военного трибунала в Нюрнберге. – М.: Связь Эпох, 2021. 464 с.

Reference

1. Velichko V. Crime and punishment. Nuremberg October 1, 1946 // Pravda. – October 3, 1946. № 235 (10317). P. 3.
2. Gorokhov V.M. On the implementation of the constitutional right of citizens of the Russian Federation to information and research of materials from the Nuremberg trials in the case of the main Nazi war criminals // Development of state and law in Russia and in the world: the search for an ideal model: mat. international scientific conferences. – Rostov-on-Don: Satellite of Science, 2023. P. 264-278.
3. Closing speech of the chief prosecutor of the International Military Tribunal from the USSR R.A. Rudenko. Transcript of the morning meeting on August 30, 1946 // Pravda. – September 13, 1946. № 218 (10300). P. 4.
4. Statement by former Lieutenant General of the German Army R. Bamler about Franco as an agent of German intelligence // Izvestia. – June 12, 1946. № 137 (9053). P. 3.
5. Kolmykov A.N. Substitution of the text of the verdict of the Nuremberg Tribunal // Eurasian Scientific Association. 2021. № 7-2 (77). P. 135-140.
6. Nuremberg trials: collection. mat.: in 2 volumes. – М.: Gosizdyurlit, 1952.
7. Nuremberg trials: collection. mat.: in 2 volumes. – М.: Gosizdyurlit, 1954.
8. Nuremberg trials: collection. mat.: in 2 volumes. – М.: Gosizdyurlit, 1955.
9. Nuremberg trials: collection. mat.: in 7 volumes. – М.: Gosizdyurlit, 1961.
10. Announcement of the verdict to the main German war criminals // Pravda. – October 2, 1946. № 234 (10316). P. 3-4.
11. Dissenting opinion of judge I.T. Nikitchenko // Pravda. – October 05–06, 1946. № 237–238 (10319–10320).
12. The verdict of history // Pravda. – October 2, 1946. № 234 (10316). P. 1.
13. The verdict of the International Military Tribunal in the case of the main war criminals Hermann Wilhelm Goering and others // ГА РФ. Ф.7445. О.1. Д.1648. Л.1-350 and Д.1647. Л.1-350.
14. Find guilty. The verdict of the International Military Tribunal in Nuremberg. – М.: Communication of Epochs, 2021. 464 p.

Алших Алаа

Аспирант. Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва.

Ворожейкина Т.М.

Доктор экономических наук, доцент. Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва.

Очерк истории сельскохозяйственного учета*

Аннотация. Данное исследование исследует доктрину «агрономического учета», которая распространилась во Франции в первой половине девятнадцатого века. оптимизировать их производительную эффективность. Таким образом, агрономический учет воплощает более широкое понятие «урожайности» как часть энергичного понимания производства, которое привело к английской «сельскохозяйственной революции», которая началась в шестнадцатом веке, но получила распространение с конца семнадцатого века. Историки часто говорят, что в Англии произошла сельскохозяйственная революция. В этой статье сравниваются системы рабства в США и соответствующие им эмансипации. учетные функции. В Египте была определена основа, на которой основывались концепции бухгалтерского учета, как это стало ясно во время египетской революции против британской оккупации, поскольку Египет тогда превратился в сельскохозяйственный экономический комплекс. Обсуждались основные характеристики экономического роста, структурные преобразования сельскохозяйственного сектора и появление бухгалтерской отчетности.

Ключевые слова: история, аграрная эпоха, сельскохозяйственный учет, бухгалтерская запись, бухгалтерские записи.

Alaa Alshikh

Graduate student. Russian State Agrarian University — Moscow State Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev.

* © Алших Алаа, Ворожейкина Т.М., 2024.

Vorozheykina T.M.

Doctor of economic science. Russian State Agrarian University — Moscow State Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev.

Essay on the history of agricultural accounting

Abstract. This study examines the doctrine of “agronomic accounting” that spread to France in the first half of the nineteenth century. optimize their productive efficiency. Agronomic accounting thus embodies a broader concept of “yield” as part of the energetic understanding of production that led to the English “agricultural revolution” that began in the sixteenth century but gained momentum from the late seventeenth century. Historians often say that there was an agricultural revolution in England. This article compares the systems of slavery in the United States and their corresponding emancipations. accounting functions. In Egypt, the basis on which accounting concepts were based was defined, as became clear during the Egyptian revolution against the British occupation, as Egypt then became an agricultural economic complex. The main characteristics of economic growth, structural changes in the agricultural sector and the emergence of accounting reporting were discussed.

Key words: history, agricultural era, agricultural accounting, accounting record, accounting records.

Введение

Сельскохозяйственный учет претерпел глубокую трансформацию В восемнадцатом веке, с введением двойной бухгалтерии и учета затрат, которая уже проникла в торговый мир. Эта трансформация сельскохозяйственного учета совпала с рождением современной агрономия. Это было связано с агроэкономическим размышлением о самой природе сельскохозяйственного производства. производства, которое вытекало из понятия «урожайности», иными словами, принципа оптимизации: поиск ресурсов, которые приносят наибольшую прибыль. чтобы определить такой оптимум, необходимо было «учесть», т.е. посчитать логически. Разница между традиционным бухгалтерски учетом и новым сельскохозяйственным бухгалтерский учет [1], получивший распространение в девятнадцатом веке и более удачно названный «агрономическим бухгалтерский учет» (поскольку речь шла не просто об отслеживании денежных затрат и результатов, а измерение и

понимание материальных потоков в целях улучшения производства) поэтому было меньше связано со степенью формализации методов и больше связано с тем, на чем были сосредоточены меры. бухгалтерский учет был не движением представления, а действием [2]. В этом смысле это было часть трансформации государственных методов, которые изучались с точки зрения человеческого труда и поиска максимальной доходности. Но не следует ли также принять во внимание труд «природы»

Обзор истории бухгалтерского учета в Европе

Из последующих десятилетий мы можем сослаться на конкурс, объявленный французским министром торговли, общественных работ и сельского хозяйства в 1839 году на разработку руководства по сельскохозяйственному учету. После того, как конкурс дважды откладывался, в 1841 году жюри наконец выбрало двух кандидатов, оба бывшие ученики сельскохозяйственного института Гриньона. Золотая медаль была вручена Арману Мало за его работу по «двойной бухгалтерии с изысканным изложением и примерами из сельскохозяйственной деятельности». Несколькими десятилетиями ранее двойная бухгалтерия была специально исключена из конкурса этого типа, поскольку считалось, что она не подходит для сельского хозяйства. Тем временем начали преподавать техническое сельское хозяйство сначала в Ровиле по инициативе Матье де Домбалья, а затем в Гриньоне [3].

Преподавание сельской экономики до 1838 года давал Жан-Эдмон Брион, а затем Шарль-Эдуард Ройе. В 1840 году Ройер опубликовал, насколько нам известно, одну из первых работ по агрономии, полностью посвященную бухгалтерскому учету. Хотя он выступал против бухгалтерского максимализма Матье де Домбалья, он был убежден, что хороший бухгалтерский учет был важным инструментом сельскохозяйственной практики и показателем ее прогресса. в Ровиле, Гриньоне, а затем в Гран-Жуане, недалеко от Нанта – школе, основанной Жюлем Риффелем, бывшим учеником Ровиля. В более общем плане развитие преподавания сельского хозяйства, а также сопутствующая публикация бухгалтерских балансов образцовых ферм и руководств, написанных учителями, ознаменовали рождение подлинного рынка сельскохозяйственного учета. Этому движению поддержала специализированная пресса, в частности «Журнал практического сельского хозяйства», основанный в 1837 году, и «Культиватор» («Фермер»), основанный в 1829 году. Эти специализированные газеты позиционировали себя посередине между популярной сельскохозяйственной прессой и академическими журналами по химии и физиологии. Их создание, наряду со школами, было свидетельством зарождения практической сельскохозяйственной науки. Писатели, специали-

зирующиеся на бухгалтерском учете в начале девятнадцатого века, были хорошо осведомлены об этом развитии. По мере выхода новых изданий пособий в них часто добавлялась глава, посвященная сельскохозяйственному учету [4].

Центральная проблема для сельскохозяйственных бухгалтеров заключалась в определении кредита и дебета различных счетов, как только они содержали продукцию [5], не поддающуюся непосредственному денежному выражению, не предназначенную для продажи. Хорошим примером в этом отношении является случай со счетами крупного рогатого скота, тем более, что крупный рогатый скот представлял собой ключевую проблему во французских агрономических дебатах в первой половине девятнадцатого века. Оба скупых фермера подвергались критике за плохое кормление скота (хорошее кормление скота стоит денег: но плохое кормление скота обходится гораздо дороже), 1845, 189), когда они еще преподавали, а также за тщетные попытки вырастить могучих зверей. При кормлении крупного рогатого скота необходимо было найти оптимальное количество – такое, которое максимизирует выход мяса, шерсти или молока. счет крупного рогатого скота], и вся работа, выполненная животными, зачисляется, из чего дебетуются различные культуры. Таким образом, связь между работой, выполняемой животным, его пищей и произведенной работой сводилась к учетной: простой дебетовой к кредитовой зависимости. Многие согласились с таким принципом, но тогда необходимо было найти способ систематически применять его на практике. Базовая система сельскохозяйственного учета должна лишь учитывать соотношение между растительными веществами и продуктами животного происхождения, измеряя каждый продукт в соответствии с его собственной единицей измерения [6]. Однако этот подход не обеспечивает необходимой взаимозаменяемости для создания полной системы двойной записи. Именно из-за этой слабости Анри Габиу в статье 1813 года заявил о своем несогласии с введением двойной записи в сельском хозяйстве. Этот вопрос был поднят Таером в 1809 году в «Принципах практического земледелия». В противоположность Габиу он пришел к выводу, что «все можно свести к единому измерению, и мы едва ли можем принять что-либо иное, кроме валюты, поскольку именно к этому сводятся все результаты любой промышленности». Как же тогда материальные потоки, производимые на ферме в ходе сельскохозяйственного производства, могли быть переписаны в валюту? Эта проблема беспокоила писателей первой половины девятнадцатого века. Таер стал предлагать различные конфигурации в зависимости от обстоятельств, тем самым показывая на практике крайнюю сложность и прежде всего произвол этих расчетов; взятия средней рыночной цены в качестве ориентира было недостаточно.

Чтобы выполнить обещания истории бухгалтерского учета, мы должны участвовать в важных теоретических и исторических дебатах, особенно о генеалогии современного бизнеса. Забытые дебаты, занимающие поколения историков экономики, касаются существования, истоков и последствий «сельскохозяйственной революции», которая с 1750 года позволила населению Англии вырасти за пределы предыдущего исторического предела, составлявшего примерно пять-шесть миллионов человек. Поскольку до середины девятнадцатого века не существовало данных для надежного измерения сельскохозяйственного производства, историки экономики сходятся лишь в основных чертах революции. В 1500 году около 80% населения Великобритании работало в сельском хозяйстве. К 1800 году, хотя абсолютная численность увеличилась, сельскохозяйственными рабочими были лишь немногим более одного из трёх, а к 1850 году — только каждый четвёртый. Между 1770 и 1850 годами население Британии удвоилось, но оно сохранило и, возможно, повысило общий уровень жизни без большого импорта продуктов питания. С 1700 по 1850 год выработка на одного рабочего в сельском хозяйстве удвоилась. К 1800 году, хотя многие мелкие фермеры выжили, в Англии существовала уникальная сельская структура, в которой землевладельцы сдавали фермы в аренду арендаторам, которые нанимали безземельных наемных рабочих. За исключением некоторых районов Нидерландов, в ней было самое продуктивное сельское хозяйство в мире, а уровень производительности труда, который, по мнению многих, способствовал или де-факто был ее «промышленной» революцией. Однако «когда именно и как произошла эта драматическая трансформация, является предметом серьезных споров. Историки сельского хозяйства предложили по крайней мере пять сельскохозяйственных революций в период с 1560 по 1880 годы, каждая из которых «характеризовалась разным сочетанием «значительных» сельскохозяйственных событий. Единого мнения о времени и причинах «этого неуправляемого события» нет, хотя никто не отрицает, что оно имело место. В статье утверждается, что историки бухгалтерского учета могут внести решающий вклад в эту дискуссию, разработав теорию Маркса аграрной революции и проверив ее, используя отчеты первых фермеров, расчета экономического успеха или неудачи (капиталистический менталитет), возникший среди фермеров. Хотя он видел начало перемен в конце пятнадцатого века, Маркс считал, что революция началась с распространением капиталистических фермеров примерно с 1670 года, а капиталистические землевладельцы довели ее до своего завершения примерно с 1750 года, и историки часто принимают во многом аналогичную хронологию. период «ок. 1700–1850». Это было время важных перемен, когда продукция английского сельского хозяйства увеличилась

примерно в 3,5 раза. Также, как и Маркс, почти все считают, что особенно важным фактором был гораздо более быстрый рост производительности труда в Англии по сравнению с континентальной Европой. Однако в то время как Маркс начинает и заканчивает свою историю капитализмом, его социальными отношениями и его менталитетом, историки обычно пишут о «деловом» или «деловом подходе», когда они видят необходимость нового менталитета для объяснения сельскохозяйственных изменений [7].

Обзор истории бухгалтерского учета в США

В США, где плантации были сравнительно небольшими, учетные книги были исключением до появления плантационных книг Аффлека в 1854 году. Хотя эти книги были разных размеров, чтобы разместить плантации с разным количеством рабов, основной формат не менялся, менялось только количество отведенные страницы. Страницы, которые чаще всего заполнялись данными, связанными с ежедневным журналом погодных условий, ежедневным количеством и весом тюков хлопка, доставленных в порт, и, реже, списками рабов, которые содержали только четыре столбца данных: имя раба, возраст, значение на начало года и значение на конец года. Фактически не велось записей о производительности отдельных рабов, хотя структура поставочного труда, преобладавшая в хлопководстве, облегчила отслеживание этой информации, чем групповая структура, распространенная в BWI. В других сохранившихся книгах о плантациях подробно описывалось, где каждый день находились рабы, а также информация о том, что причиталось рабам за урожай, выращенный на их собственных продовольственных землях [8], собранную древесину и продукцию домашней системы, закупленную руководством плантации. На некоторых более крупных плантациях, где владелец мог иметь меньше непосредственных знаний о рабской силе, для предоставления дополнительной информации использовалась рейтинговая система. Сами книги представляют собой впечатляющие тома в твердом переплете, которые контрастируют с случайными газетами, которые предшествовали книгам Аффлека в США. Самые обширные списки рабов, которые мы видели в BWI, относились к гигантской плантации Старый Монтпилиер на Ямайке, контингент рабов которой насчитывал около 440 человек. Несмотря на размер, категории данных в списках рабов были многочисленными: имя, цвет кожи, возраст, африканцы или креольцы, функция, состояние, ранг (по шкале от 0 до 5), ценность (но не начало и конец) и 12 категорий одежды, выдаваемой отдельным рабам в течение года. На плантации Нью-Хоуп было зарегистрировано 208 рабов с весьма примечательной особенностью: две оценочные оценки были предложены разными

оценщиками. Как будет обсуждаться далее, во многих списках рабов BWI была категория, определяющая смесь крови каждого человека в составе рабочей силы. В Карибском бассейне появилось множество обученных специалистов-бухгалтеров, хотя большинство так называемых бухгалтеров вряд ли были достойны этого профессионального звания. Однако бухгалтерский учет BWI столкнулся с определенными агентскими проблемами, вызванными факторами удаленности и потребления управляющими недвижимостью привилегий. В конечном счете, бухгалтерский учет общества можно оценить по тому, что было достигнуто в контексте его экономической среды. Другими словами, использовались ли эти счета для принятия важных управленческих решений? И здесь плантационные записи не дают простых ответов [9].

Обзор истории бухгалтерского учета в Египте

Бухгалтерский учет [10] в Египте был тщательно изучен, чтобы определить основу, на которой основывались различные концепции бухгалтерского учета. С 1952 года в Египте преобладал частный сектор экономики. Это было очевидно в египетской революции против британского колониализма. Период 3200–3000 гг. до н.э. превратил Египет в земледельческое общество. Сельское хозяйство Древнего Египта в основном называют аграрной эпохой. Первая аграрная цивилизация возникла примерно в 3200 г. до н. э. в Месопотамии, Египте и Нубии. Сельское хозяйство продолжало играть последовательную и преобладающую роль в развитии и доходах Египта на протяжении веков. Основными характеристиками экономического роста Египта были структурные преобразования сельскохозяйственного сектора. В явном виде сельское хозяйство сохранило первостепенную роль в экономике. Развитие бухгалтерского учета внесло значительный вклад в человеческое общество, особенно в области торговли. Возникновение бухгалтерского учета датируется примерно 3600 г. до н.э. во время торговли между [11] племенами в районе Месопотамии, где последние записи сохранились на камнях и глиняных табличках. Юмико подтвердила, что писцов того времени называли счетоводами. Записи 5000-летней давности на самом деле представляют собой записи о сделках, поскольку продукция сельского хозяйства отмечена штрихами на стене запрета и других секретных местах. Эти писцы и штрихи - это то, что перешло на современные бухгалтерские книги и квитанции. Балогун, Окойе и Изедонми придерживались мнения, что сочетание благоприятных географических особенностей привело к успеху древнеегипетской культуры, очень важной для которой была богатая плодородная почва, возникшая в результате ежегодные разливы реки Нил. Концентрация Древнего Египта на сельском хозяйстве сделала их

самодостаточными и способными обеспечивать основные потребности в продовольствии [12].

Библиографический список / Reference

1. Depecker T., Joly N. Agronomists and accounting. The beginnings of capitalist rationalisation on the farm (1800-1850) // *Historia agraria: Revista de agricultura e historia rural*. 2015. № 65. P. 75-94.
2. Vatin F. Le produit de la nature et le temps des hommes: Don, service et rendement // *Revue du MAUSS*. 2013. № 2. P. 221-245.
3. Kaye J. A history of balance, 1250–1375: The emergence of a new model of equilibrium and its impact on thought. – Cambridge University Press, 2014.
4. Knittel F. *Agronomie et innovation*. – Presses universitaires de Nancy, 2009. P. 517.
5. Marsden B., Smith C. *Engineering Empires: a cultural history of technology in nineteenth-century Britain*. – Springer, 2004.
6. Minaud G. Comparaison des comptabilités agricoles. Antiquité romaine et société préindustrielle française // *Les Cahiers du Centre de Recherches Historiques. Archives*. 2006. № 37. P. 107-120.
7. Bryer R.A. The genesis of the capitalist farmer: towards a Marxist accounting history of the origins of the English agricultural revolution // *Critical Perspectives on Accounting*. 2006. Vol. 17. № 4. P. 367-397.
8. Fleischman R.K., Oldroyd D., Tyson T.N. Monetising human life: Slave valuations on US and British West Indian plantations // *Accounting History*. 2004. Vol. 9. № 2. P. 35-62.
9. Fleischman R.K., Tyson T. N. Accounting in service to racism: monetizing slave property in the antebellum South // *Critical Perspectives on Accounting*. 2004. Vol. 15. № 3. P. 376-399.
10. Berisha V., Asllanaj R. Literature review on historical development of accounting // *Acta Universitatis Danubius. Economica*. 2017. Vol. 13. № 6.
11. Hoffmann S., Detzen D. The regulation of asset valuation in Germany // *Accounting History*. 2013. Vol. 18. № 3. P. 367-389.
12. Sankoji Y. Accounting and power in the society of Buddhism: An analysis of the income and expenditure reports of Toji Temple, 1427–1532 // *Accounting History*. 2020. T. 25. № 1. P. 27-52.

Бедретдинова Л.Н.

Кандидат исторических наук, ОАНО ВО «Московский социально-психологический университет».

Зарубежная поездка Соловьева в 1842-1844 гг.*

Аннотация. В данной работе рассмотрена поездка за границу Сергея Михайловича Соловьева, его знакомство с научной деятельностью зарубежных историков и философов как фактор влияния на зарождение его исторической концепции.

Ключевые слова: историческая концепция, статьи, письма, архивы.

Bedretdinova L.N.

Candidate of Historical Sciences. Moscow Social-Psychological University.

Solovyov's foreign trip in 1842-1844

Abstract. This paper examines the trip abroad of Sergei Mikhailovich Solovyov, his acquaintance with the scientific activities of foreign historians and philosophers as a factor influencing the emergence of his historical concept.

Key words: historical concept, articles, letters, archives.

Сергей Михайлович Соловьев - один из самых выдающихся исторических фигур России. Значимость его работ и научной деятельности неоспорима. Он сделал огромный вклад в развитие русской историографии, внедрив новые методы и подходы к исследованию исторических аспектов. Работы Соловьева продолжают оставаться актуальными и полезными для историков на сегодняшний день [1; 5; 6]. Особый интерес вызывает его начальная научная деятельность, поскольку именно в этот период зарожда-

* © Бедретдинова Л.Н., 2024.

лась его историческая концепция [2; 6; 8]. Не иссякает интерес к его исторической концепции и теософии истории [16].

Историография проблемы.

Впервые делается попытка структурировать и исследовать заграничную поездку С.М. Соловьева. Это случилось в начальный период научной деятельности историка когда зарождалась его историческая концепция, совершенно справедливо требует более пристального внимания.

В работе Кучирин В.В. «Начало формирования научно-педагогических взглядов С.М. Соловьева», М., 2018 В статье анализируется ранняя работа выдающегося русского историка С.М. Соловьева «Парижский университет».

В военно-историческом журнале вышли статьи о военных проблемах Российского государства, изложенных в 29 томной «Истории России с древнейших времен до наших дней» (2019-2021 гг.)

Привлекает внимание сборник статей, вышедших 2020 году, посвященный 200-летию юбилею великого русского историка. В нем на обширном документальном материале раскрывается многогранная деятельность С.М. Соловьева на ниве отечественной исторической науки и образования, прослеживается рецепция его научного наследия в историографии с конца XIX в. и до сегодняшних дней, рассматриваются актуальные проблемы истории и исторической науки России в период жизни и деятельности С.М. Соловьева. Авторы статей сборника представили результаты своих исследований на Всероссийской конференции с международным участием «С.М. Соловьев и его эпоха: К 200-летию со дня рождения историка», которая состоялась в Москве 20—21 октября 2020 г.

«Мировоззренческие основы профессорского служения М. Соловьева о христианских воззрениях» в статье Д.А. Циганкова, М. 2021 уделено внимание к христианской благодетели историка.

Цель данного исследования заключается в рассмотрении влияния зарубежной поездки Сергея Михайловича Соловьева на его научную деятельность. задачи: раскрыть цели зарубежной поездки историка, какие проводил свое время в поездке и с кем смог познакомиться, занимался ли научной деятельностью или же был пассивным наблюдателем.

Научная гипотеза: С.М. Соловьев, пребывая в зарубежной поездке додумывал свою историческую концепцию, которая, пусть в хрупком виде отразится в его ранних работах, а окрепнув в полной мере раскроется в его фундаментальном труде.

Сергей Михайлович Соловьев - одна из самых выдающихся исторических фигур России. Значимость его работ и научной деятельности неоспорима. Он сделал огромный вклад в развитие русской историографии,

внедрив новые методы и подходы к исследованию исторических аспектов. Работы Соловьева продолжают оставаться актуальными и полезными для историков на сегодняшний день. Он остается образцом для подражания и вдохновения для всех, кто занимается историческими исследованиями. «В жизни ученого и писателя, как правило, главные факты - это книги, а важные события - мысли. «В истории нашего общества, науки и литературы было очень мало случаев, когда жизнь одного человека была насыщена такими фактами и событиями, как жизнь Соловьева» [15, с. 34], - так говорил о нем его ученик, историк В.О. Ключевский. Однако, несмотря на сравнительно короткую жизнь, Соловьев оставил после себя огромное творческое наследие. В общей сложности, было опубликовано около 300 его работ общим объемом в более чем тысячу печатных листов. Это труд ученого, не имеющего себе равных в отечественной исторической науке ни до Соловьева, ни после его смерти. Его произведения занимают постоянное место в сокровищнице отечественной и мировой исторической мысли.

После успешного окончания университета Сергей Михайлович получил предложение графа Строганова выехать за границу в качестве домашнего учителя детей его брата, бывшего министра внутренних дел А. Молодой историк дал согласие и с 1842 по 1844 годы жил в семье Строгановых. Это позволило ему побывать в Австрии, Германии, Франции, Бельгии. К этой поездке он был готов благодаря своему Учителю - «западнику» Грановскому, чьи лекции в стенах Московского университета предпочитал больше, чем «славянофила» Погодина.

История – наука, которая отражает прошлое, но идет в ногу со временем и развивается вместе с обществом. Знания, полученные из первоисточников, профессиональный опыт и обмен мнениями со своими коллегами из-за рубежа всегда помогали историкам лучше понять и исследовать различные аспекты своей родной истории, а также способствовали расширению научных горизонтов. Такие же цели ставил сам Соловьев, что можно привезти новые идеи и подходы в области русской истории, а исследования сделать более ценными и актуальными. Что нашел историк, пребывая за границей?

Черпание новых знаний: Сергей Михайлович Соловьев получил новые знания, изучив первоисточники и архивные материалы, которые недоступны в России. Он стремился обогатить свою работу новыми фактами и интерпретациями, чтобы пролить свет на до сих пор нечеткие исторические моменты.

Расширение кругозора: путешествие за границу также помогло Сергею Михайловичу Соловьеву получить новые впечатления и обзор исторических мест других стран. Он обратил внимание на разные подходы к исторической науке, изучил культуру и традиции их народов, что сделало

его понимание истории более глубоким и многогранным. Сергей Михайлович Соловьев посетил торжественные заседание Французской академии и это на него произвело большое впечатление.

Обмен опытом: поездка дала возможность Сергею Михайловичу Соловьеву общаться с коллегами и историками из других стран. Он смог обменяться опытом, обсудить современные подходы к исследованиям, а также установить профессиональные связи, которые были полезны в будущем.

Его опыт показывает, что активная работа с библиотеками и участие в международных исторических мероприятиях не только обогащает знания и навыки, но и способствует созданию ценных контактов в научной среде. Такой подход к получению образования является актуальным и эффективным для всех людей, которые стремятся к профессиональному и личностному росту. Персонализированное получение образования через посещение библиотек и участие в исторических мероприятиях за границей оказало значительное влияние на развитие Сергея Михайловича как профессионала. Все свободное время он уделял пополнению образования: слушал лекции известных профессоров в Берлине и Париже, работал в библиотеках, посещал художественные галереи и театры [13, с. 32]. Пребывание за границей расширило культурный и политический кругозор историка, еще больше подготовило его к научной и преподавательской карьере [17, С. 23]. У Соловьёва усиливается его критическое восприятие Гегеля. В первую очередь несогласие с тем, что славяне не являются частью всемирно-исторического процесса [1].

В Праге, Сергей Михайлович Соловьев завел отношения с выдающимися деятелями науки и искусства, о чем, по свидетельству одной из его статей, он вспоминал незадолго до смерти. В то время, он перебирал, изданную переписку Погодина со славянскими учеными, а также сам писал письма домой, друзьям в восторге от того, как любят русскую историю иностранцы и был уверен в том, что найдется место для нее в мировом историческом сообществе [14, с. 65]. В Праге, Вигель читал ему свои записки и сначала увлек его своим талантом (тогда новая история интересовала его не меньше древней).

В Париже Сергей Михайлович Соловьев слушал лекции Мишлэ. Об этих лекциях он оставлял заметки. А также посещал лекции Ампера, Кинэ, Ленормана, Мишле, Рауль-Рошетта, Ж. Симона, Ф. Шаля, также Фр. Араго и Мицкевича. В июне 1843 года в редакцию журнала «Москвитянин» пришло письмо из Праги. Так появился соловьевский «Парижский университет».

Кроме личностей, с которыми историк был знаком лично, были и есть люди, которые пишут о нем и его научной деятельности и работах. Также, Соловьев смог свести в Праге знакомство с Ганкой, Палацким и Шафари-ком и вообще всмотреться в строй европейской жизни.

В архиве Славянской библиотеки в Праге в фонде Антония Васильевича Флоровского хранится рукопись его статьи «Научное значение трудов С.М. Соловьёва». Данный источник интересен современному читателю не только в силу того, что дает возможность конкретизировать историографические взгляды А.В. Флоровского, «пришить еще одну пуговицу к сюртуку» [2, с. 165] известного ученого, но и отразить мотивы обращения историков - эмигрантов к классикам русской историографии и к российскому историографическому процессу в целом. Рассматриваемая в таком ракурсе, то есть на фоне эмигрантских опытов осмысления русской историографии, способна пролить свет и на особенности конструирования эмигрантского историографического нарратива.

Фигура С.М. Соловьёва устойчиво включался в поле почитания эмигрантского профессионального сообщества историков, думается интерес усиливался по причине заграничной поездки историка в Европу. Как будто в его следах искали кусочек родины. В 1929 году (50-летие со дня смерти С.М. Соловьёва) на специальном заседании Исторического общества в Праге был прочитан доклад Е.Ф. Шмурло «Памяти С.М. Соловьёва». Возможно, к этой дате был создан текст/эссе Е.Ф. Максимовича «М.Н. Карамзин - С.М. Соловьёв - В.О. Ключевский». Весьма любопытный факт - готовясь в 1910 г. к магистерскому экзамену, Флоровский свою казуальную работу посвящает С.М. Соловьёву и впоследствии не раз возвращается к этой фигуре, называя ее самой «монументальной и значительной» в науке XIX века.

Путешествуя по странам Европы, Соловьёв систематически заниматься историей России возможности не имел, так как не обладал нужным объемом русских летописей. Однако взять с собой самую нужную книгу - например, первый том «повествования», где имелся систематический свод летописных и иных данных до смерти Ивана Грозного, представлялось возможным. А о том, что живой интерес к русской истории в нем не угасал подтверждает достаточно двусмысленное признание Соловьёва в письме к Погодину из Парижа от 29 января 1844 г.:

«У вас уже есть летописи Киевская и Волынская, а я здесь пробавляюсь еще Ипатьевскую, которую похитил у Тургенева, старик стал очень хил, не думаю, чтоб долго прожил» [13, С. 54].

Эту только что изданную летопись Соловьёв, не похитил, а выпросил у москвича А.И. Тургенева, поскольку еще в июле 1843 г. после восьми месяцев изучения «средней истории этих семи дней творения нового общества, с постоянным приложением к миру словен и Руси», понял: «Хочу писать о двух Иванах III и IV». Возможность такая у него была: «жизнь в Карлсбаде и Теплице (1844 г.) не представляла для меня ничего замечательного: днем-уроки, собственные занятия: вечером-одинокое прогулки по красивым окрестностям» [12, С. 65].

Какими именно были эти занятия, историк не сообщил, но догадаться нетрудно: нужно было готовиться к магистерским экзаменам.

Зарубежные поездки являются ценным событием для людей, работающих в различных сферах, включая историков. Сергей Михайлович Соловьев, известный историк-исследователь, имеющий огромный опыт в своей области, не исключение. Нахождение за границей помогло:

1. Расширить исторические горизонты:

Зарубежная поездка позволила Сергею Михайловичу Соловьеву расширить свои горизонты и знания об исторических процессах в других странах. Он был в состоянии изучить первичные источники, имеющие прямое отношение к его периоду исследования. Поездка позволила ему приобрести уникальные документы и артефакты, которые впоследствии привнесли новую перспективу в его работу.

2. Установить международные связи:

Одной из наиболее ценных составляющих зарубежной поездки для историка является установление международных связей. Во время своего пребывания за границей Сергей Михайлович Соловьев встречался с коллегами из разных стран, которые работали над схожими темами исторического исследования. Это положительно сказалось на его исследованиях, так как обмен информацией, опытом и мнениями расширили его понимание и раскрыли новые направления для дальнейшей работы.

3. Получение нового опыта.

Зарубежная поездка дала Соловьеву возможность получить образование, установить дружеские связи с западными учеными и историками, а также принести новые знания и идеи в Россию. Это также дало ему возможность лучше понять западные методы исследования и применить их в своих научных трудах.

Во время зарубежной поездки Соловьев имел возможность изучить различные архивы, рукописи и исторические документы, недоступные в России. В результате этого историк обнаружил и изучил значительное количество новых источников, которые имели прямое отношение к его исследованиям. Новые источники позволили ему получить более полное представление о событиях и фактах, о которых он писал в своих трудах. Также историк по приезде в Россию написал за относительно короткий промежуток времени множество своих работ, что удивляло других известных личностей. Он все таки получил вдохновение от заграничной поездки: «Я начал готовиться к экзамену, т.е. стал писать диссертацию. Выбрал тему: княжение Иоанна II; прежде всего начал заниматься Новгородом и увидал, что для понимания последних судеб Новгорода, последних отношений его к московскому государю необходимо представить полную историю его отношений к великим князьям, и, таким образом,

вместо диссертации об Иоанне III вышла диссертация об отношениях Новгорода к великим князьям. Что касается до экзамена, то я перечитывал выписки, сделанные мною прежде из всего прочитанного, и этого было достаточно» [12].

В 1846 году была представлена докторская диссертация «История отношений между русскими князьями Рюрикава дома» – объемистая книга в 700 страниц. Определение совета Московского университета, позволявшее печатать представленную Соловьёвым на степень доктора диссертацию, состоялось 18 декабря 1846 г., в июне следующего года диссертация была защищена. В три года со времени возвращения из-за границы – два экзамена и две диссертации с четырьмя диспутами, не считая первого курса русской истории, читанного студентам в 1845/46 академическом году, не считая и ряда статей, написанных в то же время. Русские ученые поднимались редко по лестнице ученых степеней так быстро и с таким успехом.

Обе диссертации принесли славу, ведь так никто не умел писать родную историю.

Успех обеих диссертаций, не устаревших и доселе, объясняется не одним талантом автора, но и его серьезной подготовкой. В этих первых учебных опытах своих начинавший историк выступил уже с обдуманной историческими понятиями, с определенным взглядом на задачи и приемы исторического изучения. Этот взгляд определился с помощью раннего и близкого знакомства Соловьёва с современным состоянием исторической науки на Западе. Если в двух диссертациях его историческая концепция только начинает себя проявлять, то позже она займет свое устойчивое положение и станет основой для написания последующих исторических трудов. Смысл заключается в том, что с развитием истории расширяется историческая сцена – на ней появляются новые государства, активные деятели международной жизни. Так подводил Соловьёв к теме вхождения России в семью европейских народов и это вступление России в общеевропейскую жизнь положило начало новой русской истории и обусловило собой особый отдел общеевропейской истории.

Соловьёв рассмотрел, как постепенно совершался поворот русской истории к Западу. По его мнению, особую роль в осознании своей отсталости сыграла борьба за выход к морю в XVI в. Встал вопрос о войске. Соловьёв рассмотрел, как происходило развитие войска на Западе. Там быстро произошло оседание военных сил на землю. На Востоке дружины долго сохраняли право перехода от одного князя к другому.

«Через много веков движение, наконец, начинает ослабевать на севере»; не имея иных средств, князья раздавали землю для содержания военных сил, «явилась так называемая поместная система» [8].

Далее он решил посмотреть с точки зрения Западной Европы, какое

значение имело для нее появление на Востоке великого государя.

И, решив показать это с позиции европейского исторического процесса, Соловьев развернул картину вхождения в общеевропейскую и мировую жизнь разных народов, картину расширения той исторической сцены, на которой разворачивалась международная жизнь.

В его первых исследованиях и зарождавшейся исторической концепции можно узреть и взгляды Гегеля, и Ранке, присутствует еще сумбур, но серьезное начало было положено. Таким образом, благодаря его поездке за границу, Сергей Михайлович Соловьев стал профессионалом с обширным опытом в исторической науке, оставив неизгладимый след в истории. За время поездки он побывал в множестве библиотек, архивов и музеев, где изучал исторические источники и письменные документы. Он также встречался с ведущими историками и осведомленными людьми своего времени, обсуждал с ними актуальные исторические вопросы и получал ценные советы и рекомендации. Соловьев также усилил свои навыки в исследовании архивных материалов и научных методов, которые применялись в Европе. Он начал использовать новые источники и методы, которые были характерны для западных историков, в своих работах. Его исследования внесли существенный вклад в развитие российской исторической науки. Он приобрел новые знания и перспективы, которые позволили ему принести новшества в историческую науку в России. Весь его вклад и достижения в истории благодаря поездке за рубеж безусловно оставили незабываемый след в исторической науке и продолжают вдохновлять историков в наше время.

Библиографический список:

1. Бутырская И.Г. Соловьев С.М. и его вклад в развитие отечественной истории и культуры // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27177322_52790048.pdf (Дата обращения: 10.01.2024)
2. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома // Соловьев С.М. Древнерусские князья. – М.: 2010.
3. Ключевский В.О. Сергей Михайлович Соловьев. // URL: <https://bibra.ru/composition/sergej-mihajlovich-solovev-2/> (Дата обращения: 10.01.2024)
4. Лаптева Т.Н. Личный фонд историка-эмигранта А.В. Флоровского в Архиве Российской академии наук: научное использование и реконструкция. – М.: 2017 // URL: http://www2.rshu.ru/binary/object_44.1512559431.35291.pdf (Дата обращения: 10.01.2024)
5. Лосик А.Б., Шерба А.Н. Служба мечом считалась честнее службы пером / Военно-исторический журнал. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sluzhba-mechom-schitalas-chestnee-sluzhby-perom-oboronnye-problemy-russkogo-gosudarstva-pervoy-poloviny-xvii-veka-v-istorii-rossii> (Дата обращения: 10.01.2024)
6. Об отношениях Новгорода великим русским князьям // Соловьев С.М. Древнерусские князья. – М.: 2010.
7. Петров Ф.А. Материалы о С.М. Соловьеве и историках «государственной школы» в собрании отдела письменных источников Государственного исторического музея // С.М. Соловьев и его эпоха – М.: 2020. 186 с. // URL: https://irirary.ru/sites/default/files/soloviev_2020.pdf (Дата обращения: 10.01.2024)
8. Русская летопись для первоначального чтения. издание 1-е, Общества распространения полезных книг, 1866.
9. С.М. Соловьев (1820–1879) // URL: <https://www.prlib.ru/collections/1314972> (Дата обращения: 10.01.2024)
10. С.М. Соловьев – классик российской исторической науки XIX века // URL: <https://studfile.net/preview/7329721/page:15/#27> (Дата обращения: 10.01.2024)
11. Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соч. – М.: 1995. Кн. XVIII.

12. Соловьев С.М. Письма из Европы / Публ. В.В. Кучурина // Отечественная культура и историческая наука XVIII–XX веков. Брянск, 1996.
13. Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев. – М.: 1990.
14. Цыганков Д.А. «Мировоззренческие основы профессорского служения с. М. Соловьева» // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovozzrencheskie-osnovy-professorskogo-sluzheniya-s-m-solovieva> (Дата обращения: 10.01.2024)
15. Шаханов А.Н. Становление ученого // С.М. Соловьев. Первые научные труды. Письма. – М.: 1996.

Reference

1. Butyrskaya I.G. Soloviev S.M. and his contribution to the development of national history and culture // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27177322_52790048.pdf (01.10.2024)
2. History of relations between the Russian princes of Rurik's house // Solovyov S.M. Old Russian princes. – М.: 2010.
3. Klyuchevsky V.O. Sergei Mikhailovich Soloviev. // URL: <https://bibra.ru/composition/sergej-mihajlovich-solovev-2/> (01.10.2024)
4. Lapteva T.N. Personal fund of the emigrant historian A.V. Florovsky in the Archives of the Russian Academy of Sciences: scientific use and reconstruction. – М.: 2017 // URL: http://www2.rshu.ru/binary/object_44.1512559431.35291.pdf (01.10.2024)
5. Losik A.B., Shcherba A.N. Service with the sword was considered more honorable than service with the pen / Military History Magazine. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sluzhba-mechom-schitalas-chestnee-sluzhbyperom-oboronnye-problemy-russkogo-gosudarstva-pervoy-poloviny-xvii-veka-v-istorii-rossii> (01.10.2024)
6. On the relations of Novgorod to the great Russian princes // Solovyov S.M. Old Russian princes. – М.: 2010.
7. Petrov F.A. Materials about S.M. Solovyov and historians of the “state school” in the collection of the department of written sources of the State Historical Museum // S.M. Soloviev and his era – М.: 2020. 186 p. // URL: https://iriran.ru/sites/default/files/soloviev_2020.pdf (01.10.2024)
8. Russian Chronicle for initial reading. 1st edition, Society for the Promotion of Useful Books, 1866.
9. S.M. Soloviev (1820–1879) // URL: <https://www.prlib.ru/collections/1314972> (01.10.2024)
10. S.M. Soloviev - a classic of Russian historical science of the 19th century // URL: <https://studfile.net/preview/7329721/page:15/#27> (01.10.2024)
11. Soloviev S.M. My notes for my children, and if possible, for others // Op. – М.: 1995. Book XVIII.
12. Soloviev S.M. Letters from Europe / Publ. V.V. Kuchurina // Domestic culture and historical science of the 18th–20th centuries. Bryansk, 1996.
13. Tsimbaev N.I. Sergey Soloviev. – М.: 1990.
14. Tsygankov D.A. “Worldview foundations of professorial service p. M. Solovyova” // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovozzrencheskie-osnovy-professorskogo-sluzheniya-s-m-solovieva> (01.10.2024)
15. Shakhonov A.N. Formation of a scientist // S.M. Soloviev. The first scientific works. Letters. – М.: 1996.

Патракеев А.В.

Аспирант, Вологодский государственный университет.

**Деятельность фабричных инспекторов
в России в начале XX века***

Аннотация. В статье проводится анализ деятельности фабричных инспекторов в России в начале XX века. Цель исследования – изучение истории развития института фабричной инспекции в начале XX века. Были рассмотрены основные направления деятельности фабричной инспекции, проблема подчинения предприятий ее надзору и возможности освобождения из-под него, вопрос кадрового состава фабричных инспекторов. В ходе работы установлено: исследователи вопроса деятельности фабричной инспекции в России в начале XX века проявляли единодушие в том, что фабричные инспекторы являлись важным звеном в системе охраны труда. Данная статья может быть полезна исследователям вопроса положения рабочих в России в начале XX века.

Ключевые слова: фабричная инспекция, фабричные инспекторы, контрольно-ревизионная деятельность, посредническая деятельность.

Patrakeev A. V.

Postgraduate, Vologda State University.

**The activity of factory inspectors in Russia
at the beginning of the XX-th century**

Аннотация. The article analyzes the activities of factory inspectors in Russia at the beginning of the twentieth century. The purpose of the study is to study the history of the development of the institute of factory inspection in the early twentieth century. The main areas of activity of the factory inspection, the problem of subordination of enterprises to its supervision and the possibility of release from

it, the issue of personnel of factory inspectors were considered. In the course of the work, it was established that researchers on the issue of factory inspection in Russia at the beginning of the twentieth century showed unanimity that factory inspectors were an important link in the labor protection system. This article may be useful to researchers of the situation of workers in Russia at the beginning of the twentieth century.

Key words: factory inspection, factory inspectors, control and auditing activities, mediation activities.

Отношения между предпринимателем и работником являются специфическими (речь идет об особом товаре – рабочей силе) и их регулированием должны заниматься уполномоченные органы. Таким специальным органом и являлась в свое время фабричная инспекция, полномочия которой основывались на положениях фабричного законодательства. Актуальным является изучение личного состава и организации работы фабричных инспекторов в России в начале XX века, поскольку они были важным связующим элементом в системе охраны труда.

Исследователи вопроса деятельности фабричных инспекторов выделяли три ее направления:

- контрольно-ревизионная деятельность;
- посредническая деятельность;
- исполнение многочисленных обязанностей, не имеющих прямого отношения к охране труда.

На проблему организации работы фабричной инспекции одним из первых обратил внимание В.П. Литвинов-Фалинский, фабричный инспектор, с 1905 года руководитель отдела промышленности Министерства торговли и промышленности. Он утверждал, что охрана труда призвана анализировать информацию, предоставляемую фабричными инспекторами, в том числе, о санитарно-гигиеническом состоянии предприятий с целью минимизации потенциальных рисков [1].

Также к этому вопросу обращался А.А. Микулин, фабричный инспектор. Автор, изучив полностью законодательную базу в области деятельности фабричной инспекции, а также проанализировав статистические данные и экстраполируя зарубежный опыт на объективную действительность того времени, пришел к определенным выводам в плане развития вопроса охраны труда. Микулин не рассматривал фабричную инспекцию как совершенно особый орган администрации, в обязанность которого входила исключительно охрана интересов трудящихся [2]. Его понимание проблемы было близко М.Г. Лунцу, публицисту и экономисту. По мнению

Лунца, фабричное законодательство было не результатом мыслительной деятельности правительства об обязанности заботиться о слабых, а результатом протеста рабочих против невыносимых условий труда, результатом давления рабочих на самого законодателя [3].

В «Сборнике статей из истории фабричного законодательства, фабричной инспекции и рабочего движения в России: К истории фабричной инспекции в России», М.Г. Лунц называл основным направлением деятельности фабричных инспекторов посещение подчиненных заведений с целью ревизии и наблюдения за применением законов. Но отмечал, что с момента издания закона 30 мая 1903 года «О порядке и пределах подчинения фабричной инспекции начальникам губерний и о некоторых изменениях во внутренней организации», формально инспекция еще состояла в ведении Министерства Финансов, а фактически она была поставлена в прямую служебную зависимость от Министерства Внутренних Дел. Инспекторы теперь следили за соблюдением фабричных законов с точки зрения интересов общественного порядка, а не с позиций создания и поддержания нормальных условий труда. Автор обратил внимание, что реализация ревизионной и надзорной функции инспекторов предполагала составление протоколов [4]. Информация о том, насколько редко выполнялись эти требования, представлена в таблице 1 на основании данных исследований М.Г. Лунца [4] и С.И. Каплуна [5].

Таблица 1. Процентное отношение правонарушений, оформленных протоколом к их общему количеству в отдельные годы.

Годы	Число правонарушений, выявленных фабричными инспекторами	Число протоколов	Процент правонарушений, оформленных протоколом
1900	18234	922	5,06
1901	31438	1667	5,3
1902	32638	1714	5,25
1906	14613	750	5,13
1913	13814	557	4
1914	12892	578	4,48

Анализируя показатели можно сделать вывод о наличии определенной закономерности. Часто причиной являлось получение взятки. Подтверждение тому есть в книге Б.И. Шабалина «Фабрика на Обводном». Так, на Петербургском резиновом заводе «Треугольник» статистики смертности не

вели, а количество несчастных случаев за период 1910-1912 годы составило лишь 523. Представитель дирекции Пиккель договорился с фабричным инспектором С.П. Чижовым (за вознаграждение) о том, что регистрироваться будут только тяжелые увечья [6, с. 203].

Одним из основных исследователей изучаемого вопроса был В.Е. Варзар, статистик и экономист. Деятельность фабричной инспекции рассматривал через анализ ее функции посредника между владельцами предприятий и рабочими. Автор выявлял и анализировал причины, по которым не достигались соглашения, и причины получения отказов в признании несчастных случаев, как таковых. Отмечал, что в начале XX века процент количества дел, переданных в инспекцию и оставшихся без удовлетворения, постоянно рос. Основным фактором безуспешности посреднической деятельности инспекции определял несогласие владельцев предприятий с наличием у работников самого права на вознаграждение и размером вознаграждения [7].

К вопросу деятельности фабричных инспекторов обращался профессор и политический деятель А.Н. Быков, который также, как и Варзар считал посредническую деятельность фабричных инспекторов основной. Автор являлся специалистом по фабричному законодательству и непосредственно служащим в фабричной инспекции. Акцент он делал на посреднической деятельности по приведению сторон к соглашению и на рассмотрении жалоб. С 1904 по 1911 годы вел статистику дел по несчастным случаям, которые, в том числе, закрывались согласно судебным приговорам или частным соглашениям с предпринимателями [8].

В своем исследовании «История становления фабричной инспекции в Российской империи во второй половине XIX века» О.А. Смоленская отмечает, что среди трех основных направлений деятельности фабричных инспекторов было исполнение многочисленных обязанностей, не имеющих непосредственного отношения к охране труда. После возложения на них обязанностей губернских механиков, постепенно отодвигались на задний план основные задачи, ставя на первый план техническую функцию инспекции. К началу 1906 года перечень обязанностей инспекторов насчитывал более 20-ти пунктов, половина из которых не имела непосредственного отношения к делу урегулирования взаимных отношений или охраны здоровья и жизни фабричных рабочих [9].

Весомый вклад в изучение вопроса деятельности фабричных инспекторов в России в начале XX века внес С.И. Каплун. Несмотря на то, что он был медиком, круг изучаемых им вопросов был достаточно широк. В своем труде «Охрана труда и ее органы», он, в частности, занимался изучением кадрового состава присутствий. В начале XX века основным местным органом фабричного надзора было «Губернское по фабричным и горноза-

водским делам присутствие». В его состав входили: губернатор, вице-губернатор, прокурор, начальник жандармского управления, старший фабричный инспектор и окружной инженер, а также представители от местных фабрикантов и заводчиков. В Главном присутствии (создано в 1899 году) при Министерстве торговли и промышленности состояло 19 чиновников. В их число входили директор Департамента полиции, представители министерств военного, юстиции и земледелия, 7 представителей фабрикантов и двое горнопромышленников. Участковые фабричные инспекторы непосредственно подчинялись старшему фабричному инспектору, имевшемуся по одному на губернию, который координировал всю их деятельность; тот в свою очередь окружному [5].

В 1905 году надзор фабричной инспекции распространялся на 231 участок в 64 губерниях, объединенных в округа [10].

Всего в России было 6 округов, в том числе Петербургский, в него входила С.-Петербургская губерния, местопребыванием фабричного инспектора был Петербург [11].

В дальнейшем количество участков ежегодно незначительно менялось.

Также, предметом исследования С.И. Каплуна был вопрос подчинения предприятий надзору фабричной инспекции и возможности освобождения из-под него. Начиная с 1901 года в России надзору фабричной инспекции подлежали все предприятия и заведения, работающие с механическим двигателем, а из остальных те, где работает не менее 16 человек. В 1904 году эти нормы были значительно повышены (требовалось уже, чтобы число работающих было не менее 20 человек, хотя бы предприятие и имело двигатель). Имелась возможность для ускользания промышленников из-под контроля фабричной инспекции. На предприятия ремесленного типа надзор мог быть распространен только специальным постановлением Губернского фабричного присутствия. В свою очередь, такое постановление могло быть отменено в любой момент Главным по фабричным и горнозаводским делам присутствием, которое также часто освобождало от надзора фабричной инспекции уже подчиненные ему прежде предприятия под предлогом, что они ремесленного типа, а не фабрично-заводского. В 1901 году вновь подчинены надзору были только 28 заведений с 1.208 рабочими (в среднем с числом рабочих свыше 40), а освобождено 508 заведений с 5.532 рабочими (на каждое в среднем 10—11 человек). В 1906 году были освобождены от надзора 179 заведений, каждое в среднем с 16 рабочими. Всего же за первые 6 лет своего существования Главное присутствие освободило от надзора фабричной инспекции 4.657 предприятий с числом рабочих до 50.000 человек. В результате законы по охране труда не работали, были только на бумаге; у фабричной инспекции отсутствовала возможность их выполнить, даже при желании отдельных ее специалистов [5].

Рост количества заведений, поднадзорных фабричной инспекции, начался с 1908 года. Если в указанном году их число составило 14.801, то в 1914 году зарегистрировано было уже 18.235 предприятий. При этом процент посещения фабричными инспекторами колебался в пределах 80%. Надзор не охватывал все предприятия. Это были, прежде всего, мелкие, на которые у инспекторов физически не хватало времени. Но при этом, в С.-Петербургской, как и в других крупных промышленных губерниях, процент посещаемости был выше общероссийского [10].

В исследуемый период число участковых инспекторов было меньше, чем количество самих участков. Так, например, в 1908 году на 233 участка приходилось 223 инспектора, в 1912 году на 232 участка – 226 инспекторов, в 1914 году на 214 участков приходился 201 инспектор, что составляло 96%, 97% и 94% покрытия, соответственно. Но это не означает, что работа там не велась. Функции надзора брал на себя старший фабричный инспектор [10].

Приведем данные о личном составе фабричных инспекторов в 1905 году. Именно этот год выбран для анализа по причине подчинения надзору к этому моменту фабрично-заводских предприятий практически всей Европейской части России, вследствие чего, в этот период количество фабричных инспекторов было максимальным. Кадровый состав фабричных инспекторов в России в 1905 году представлен в таблице 2.

Анализируя данные таблицы можно сделать вывод о достаточно высокой квалификации фабричных инспекторов [10].

Особое внимание Каплун уделял институту профессиональных союзов. Считал, что в формировании представления о фабричных инспекторах участники профессиональных союзов сыграли особую роль. По их мнению, фабричная инспекция не защищала охрану труда. Они мотивировали свою позицию тем, что не может быть действительной охраны труда, если в фабричной инспекции не принимают участия фабрично-заводские рабочие. Недоверие усиливалось еще по причине того, что нередко, после посещения предприятия фабричным инспектором, рабочие, которые обращались к нему с жалобой или давали показания об условиях труда, оказывались в жандармерии или увольнялись с работы [5].

В своем исследовании Каплун отмечал, что, начиная с 1909 года на съездах врачей, где выступали промышленники, экономисты и, собственно, врачи, неоднократно поднимался вопрос охраны труда через анализ функционирования фабричной инспекции. Речь шла об увеличении ее кадрового состава, освобождение ее от чиновничьих обязанностей; на нее стремились возложить исключительно роль примирителя. Настаивали на участии в инспекции фабричных рабочих. От государства требовали принятия мер для установления мирных отношений рабочих и предпринимателей, с це-

лью минимизации возможных конфликтов. Немаловажную роль играло мнение самих заводчиков и фабрикантов. Они оценивали ситуацию с чисто экономической точки зрения: чем меньше рабочие болеют и травмируются, тем больше доход у предпринимателей [5].

Таблица 2. Кадровый состав фабричных инспекторов в России в 1905 году.

Кадровый состав фабричных инспекторов	Количество, чел.	Удельный вес, %
Инженеры-техники	186	69,4
Инженеры-механики	32	11,95
Техники	28	10,45
Врачи	5	1,9
Горные инженеры	3	1,1
Военные инженеры	2	0,75
Доктор медицины	1	0,37
Кандидат инженерно-технических наук	1	0,37
Кандидат физико-математического факультета	1	0,37
Кандидат естественных наук	1	0,37
Кандидат математических наук	1	0,37
Инженер-химик	1	0,37
Корабельный инженер	1	0,37
Механик-строитель	1	0,37
Выпускник Михайловской артиллерийской академии	1	0,37
Ученик инженера-техника	1	0,37
Не установлено	2	0,75
Итого	268	100

Фабричные инспекторы были обязаны требовать с владельцев предприятий своевременного извещения о несчастных случаях, о привлечении к труду женщин и детей, о пожарах и поломках оборудования [11, ст. 49, с. 254] и требовать промышленную статистику [11, ст. 69, с. 265]. Но, одним из самых важных моментов в деятельности инспектора было наблюдение за санитарно-техническим и санитарно-гигиеническим состоянием промышленных заведений. От правильной постановки задачи и верного разрешения этого вопроса зависело очень многое в области охраны труда. Очевидно, что все вредности и опасности промышленного труда и влияние их на здоровье рабочего значительно усиливались при плохом состоянии

или неправильном устройстве того помещения, где производилась повседневная работа [5].

Негативные результаты деятельности фабричных инспекторов, несомненно, влияли на показатели производственного травматизма. И.И. Шелымагин в труде «Законодательство о фабрично-заводском труде в России 1900-1917» отмечал, что недостатки в работе фабричной инспекции сказывались на уровне промышленного травматизма, даже при условии замалчивания реальной картины. Анализ статистических данных по травматизму на предприятиях, подконтрольных фабричной инспекции за 1901, 1904, 1907 и 1912 годы, говорит о том, что они были «очень условны». По подсчетам автора, относительный показатель координации (в расчете на тысячу работающих) в 1901 году составил 14,6 несчастных случаев, в 1904 году – 41,9 случаев, в 1907 году – 46,6 случаев, в 1912 году – 45,8 случаев [12].

В мае 1918 года фабричная инспекция перестала существовать как контрольно-надзорный орган, ее место заняла инспекция труда. Функциональные обязанности фабричных инспекторов теперь выполняли инспекторы трудовой инспекции.

Некоторые авторы, труды которых были рассмотрены в данной статье, знали проблему охраны труда, что называется изнутри, поскольку, либо служили фабричными инспекторами, либо являлись специалистами по фабричному законодательству. Не меньший интерес вызвали труды авторов-публицистов. Все исследования объединяет проблема определения роли фабричных инспекторов в сложном механизме взаимоотношений государства в лице фабричной инспекции, владельцев предприятий и рабочих.

Библиографический список:

1. Литвинов-Фалинский В.П. Ответственность предпринимателей за увечья и смерть рабочих по действующим в России законам / В.П. Литвинов-Фалинский – 3-е изд., доп. и испр. – Санкт-Петербург: тип. А.С. Суворина, 1903. 394 стр.
2. Микулин А.А. Фабричная инспекция в России. 1882-1906 / А.А. Микулин. – Киев: тип. С.В. Кульженко, Пушкинская улица, дом № 4. 1906. 225 с.
3. Лунц М.Г. Сборник статей из истории фабричного законодательства, фабричной инспекции и рабочего движения в России: Фабричное законодательство в России / М.Г. Лунц. – Москва: тип. «Печатное дело», 1909. 384 с. С. 1-77.
4. Лунц М.Г. Сборник статей из истории фабричного законодательства, фабричной инспекции и рабочего движения в России: К истории фабричной инспекции в России / М.Г. Лунц. – Москва: тип. «Печатное дело», 1909. 384 с. С. 78-113.
5. Каплун С.И. Охрана труда и ее органы / С.И. Каплун; Российская Социалистическая Федеративная Советская республика. – 2-е изд. – Москва: Гос. изд-во, 1921 ([1922]). 504, [2] с.
6. Шабалин, Б.И. Фабрика на Обводном / Б.И. Шабалин. – Ленинград: Лениздат, (тип. им. Володарского), 1949. Т. 1. 340 с.
7. Варзар В.Е. Статистические сведения о результатах применения закона 2 июня 1903 года о вознаграждении пострадавших от несчастных случаев на фабриках и заводах, подчиненных надзору фабричной инспекции за трехлетие 1904-1906 гг. / Е.В. Варзар. – Санкт-Петербург: тип. В.Ф. Киршбаума, 1908. [24], 101 с.
8. Быков А.Н. Промышленный травматизм, его размеры, значение и возможность борьбы с ним / А.Н. Быков. – Санкт-Петербург: тип. П.П. Сойкина, 1913. [2], 76 с.

9. Смоленская О.А. История становления фабричной инспекции в Российской империи во второй половине XX века // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. 2014. № 4. С. 242-246.
10. Володин А.Ю. История фабричной инспекции в России 1882-1914 г.г. / А.Ю. Володин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 207 с.
11. Устав о промышленном труде / сост. В.В. Громан. – Изд. Юридического книжного склада «Право». – Петербург: Типография Правда, 1915. 439 с.
12. Шельмагин И.И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России 1900-1917 / И.И. Шельмагин. – Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1952. 320 с.

Reference

1. Litvinov-Falinsky V.P. Responsibility of entrepreneurs for injuries and deaths of workers according to the laws in force in Russia / V.P. Litvinov-Falinsky – 3rd ed., add. and corr. – St. Petersburg: type. A.S. Suvorina, 1903. 394 p.
2. Mikulin A.A. Factory inspection in Russia.1882-1906 / A.A. Mikulin. – Kyiv: type. S.V. Kulzhenko, Pushkinskaya street, house № 4. 1906. 225 p.
3. Lunts M.G. Collection of articles from the history of factory legislation, factory inspection and labor movement in Russia: Factory legislation in Russia / M.G. Luntz. – Moscow: type. “Printing”, 1909. 384 p. P. 1-77.
4. Lunts M.G. Collection of articles from the history of factory legislation, factory inspection and labor movement in Russia: On the history of factory inspection in Russia / M.G. Luntz. – Moscow: type. “Printing”, 1909. 384 p. P. 78-113.
5. Kaplun S.I. Occupational safety and its authorities / S.I. Kaplun; Russian Socialist Federative Soviet Republic. – 2nd ed. – Moscow: State. publishing house, 1921 ([1922]). 504, [2] p.
6. Shabalin, B.I. Factory on Obvodny / B.I. Shabalin. – Leningrad: Lenizdat, (type named after Volodarsky), 1949. Vol. 1. 340 p.
7. Varzar V.E. Statistical information on the results of the application of the law of June 2, 1903 on remuneration for victims of accidents in factories and factories subject to the supervision of the factory inspection for the three-year period 1904-1906. / E.V. Varzar. – St. Petersburg: type. V.F. Kirshbaum, 1908. [24], 101 p.
8. Bykov A.N. Industrial injuries, its size, significance and the possibility of combating it / A.N. Bykov. – St. Petersburg: type. P.P. Soikina, 1913. [2], 76 p.
9. Smolenskaya O.A. History of the formation of factory inspection in the Russian Empire in the second half of the twentieth century // Bulletin of BSTU named after. V.G. Shukhova. 2014. № 4. P. 242-246.
10. Volodin A.Yu. History of factory inspection in Russia 1882-1914. / A.Yu. Volodin. – М.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2009. 207 p.
11. Charter on industrial labor / comp. V.V. Groman. – Ed. Legal book warehouse “Pravo”. – Petersburg: Pravda Printing House, 1915. 439 p.
12. Shelymagin I.I. Legislation on factory labor in Russia 1900-1917 / I.I. Shelymagin. – Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1952. 320 p.

Феклистова И.В.

Соискатель кафедры российской истории и документоведения, НИУ Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Богданов С.В.

Доктор исторических наук, профессор Губкинского филиала, НИТУ «Московский институт стали и сплавов».

Мотивация активных коллаборационистов на оккупированной немецкими захватчиками советской территории (на материалах уголовных дел УКГБ СССР по Белгородской области)*

Аннотация. В статье рассматривается проблема добровольного активного сотрудничества отдельных советских граждан с немецкими захватчиками и союзниками Третьего рейха в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется мотивации отдельных советских граждан – жителей Курской области перейти на сторону фашистской Германии. В качестве информационной базы исследования выступают архивно-следственные дела изменников Родины, которые были расследованы сотрудниками органов государственной безопасности Белгородской области. Среди осужденных лиц были бывшие сотрудники спецслужб нацистской Германии – 725-й внешней команды тайной полевой полиции, жандармерии, секретные агенты службы безопасности нацистской Германии (СД), военной разведки (Абвера), русской вспомогательной полиции и т.д. Среди осужденных лиц были бывшие сотрудники спецслужб нацистской Германии – 725-й внешней команды тайной полевой полиции (ГФП), жандармерии, секретные агенты службы безопасности нацистской Германии (СД), военной разведки (Абвера), русской вспомогательной полиции и т.д.

Ключевые слова: немецкая оккупация, коллаборационизм, ГФП, Курская область, КГБ СССР.

* © Феклистова И.В., Богданов С.В., 2024.

Feklistova I.V.

Candidate of the Department of Russian History and Documentation of the National Research University of Belarus.

Bogdanov S.V.

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Gubkin branch, NUST "Moscow Institute of Steel and Alloys".

Motivation of active collaborators in the soviet territory occupied by the German invaders (based on the materials of the criminal cases of the USSR KGB in the Belgorod Region)

Abstract. The article deals with the problem of voluntary active cooperation of individual Soviet citizens with the German invaders and allies of the Third Reich during the Great Patriotic War. Particular attention is paid to the motivation of individual Soviet citizens - residents of the Kursk region to go over to the side of Nazi Germany. The information base of the study is the archival and investigative cases of traitors to the Motherland, which were investigated by employees of the state security bodies of the Belgorod region. Among the convicted persons were former employees of the secret services of Nazi Germany - the 725th external command of the secret field police (GFP), the gendarmerie, secret agents of the Nazi German security service (SD), military intelligence (Abwehr), Russian auxiliary police, etc.

Key words: German occupation, collaborationism, GFP, Kursk region, KGB of the USSR.

Необходимость воссоздания всей полноты исторической картины Великой Отечественной войны – не только дань памяти этой одной из самых трагических страниц отечественной истории, но и задача с остро прагматическим подтекстом. Ликвидация «белых» пятен истории Великой Отечественной войны выбивает почву из-под ног фальсификаторов или открытых лжецов этого периода истории СССР.

Действительно, переход отдельных советских граждан на сторону немецких захватчиков в годы Великой Отечественной войны оказался той нелицеприятной страницей отечественной истории страны, о которой на

протяжении всего послевоенного периода официальная пропаганда предпочитала умалчивать. Хотя скрыть эту неприятную правду о войне оказалось невозможно. Если научные исследования на данном направлении намеренно притормаживались, то на уровне художественного воспроизведения всех сторон жизни советского общества в 1941-1945 гг. эта сторона жизни страны на временно оккупированной немецкими захватчиками территории СССР получала свое освещение как в популярных советских фильмах «Тени исчезают в полдень», «Вечный зов» многих романах и повестях советских писателей и кинематографистов.

Кроме того, на протяжении 1945-1985 гг. в различных регионах страны состоялись резонансные судебные процессы по делам изменников Родины, перешедших на сторону немецких оккупантов и их союзников. Наиболее громкие судебные процессы по делам изменников Родины в СССР 1950-1970-е гг. в Белгородской области становились достоянием широкой общественности, эпизодически появляясь на страницах областных газет.

В этих статьях содержалась информация об обвиняемых, рассказывалось об их преступной деятельности и провозглашенном приговоре. Естественно, за рамками газетных публикаций оставалась работа оперативных сотрудников, следственных подразделений органов государственной безопасности страны. Единственной монографией, в которой эти вопросы на материалах Белгородской области получили более подробное освещение, остается 2-х томная работа профессора С.В. Богданова «Неотвратимое возмездие»¹.

Причем год от года расследование преступлений советских граждан, перешедших на сторону нацистской Германии, осложнялось объективным обстоятельством – уходом из жизни тех свидетелей, показания которых были чрезвычайно важны для восстановления всей полноты картины периода военного лихолетья. В этой связи нахождение и привлечение к ответственности изменников Родине ставило перед сотрудниками территориальных управлений КГБ СССР необходимость использования широкого перечня приемов, средств и методов, адекватных изменившимся условиям. Обращение к опыту работы сотрудников УКГБ при СМ СССР по Белгородской области по расследованию преступлений советских граждан, перешедших в годы войны на сторону фашистской Германии в годы войны, обнаруживает следующие особенности.

Первая. На всех этапах организации и проведения следственных ме-

1 См.: Богданов С.В. Неотвратимое возмездие: рассекреченные документы. - Белгород: Белгородская областная типография, 2014.; Богданов С.В., Мартынов Б.С. Неотвратимое возмездие: продолжение истории (Из истории борьбы органов безопасности Белгородской области с изменниками Родины и активными пособниками немецких оккупантов). - Белгород: Белгородская областная типография, 2015.

роприятий в качестве основополагающего принципа во внимание принимались психологические особенности личностей данной категории преступников. Речь идет, прежде всего, об отдельных бывших руководителях коллаборационистских репрессивных органов – полиции, жандармерии, наиболее активных карателях, лично повинных в уничтожении большого числа советских граждан. Естественно, им было что скрывать от правосудия. Поэтому, некоторые из них, отбыв наказание за измену Родине, смогли скрыть наиболее тяжкие преступления, не выявленные ранее. Отдельные лица, скрыв свое преступное прошлое, вернувшись на Родину после разгрома фашистской Германии, пытались «раствориться» в советском обществе.

В процессе расследования каждого уголовного дела накапливалась различная документация: протоколы допросов обвиняемых, свидетельских показаний, очных ставок, всевозможные экспертизы, трофейные документы, архивные материалы, справки и пр. Наряду с выяснением многочисленных обстоятельств преступной деятельности подсудимого в период немецкой оккупации Курской области в 1941-1943 гг. следователи госбезопасности также выясняли причины и обстоятельства, которые способствовали переходу конкретного гражданина на сторону нацистской Германии.

Обобщим наиболее часто встречающиеся мотивы поступления отдельных советских граждан на службу к немецким оккупационным властям.

1. Страх наказания за дезертирство из рядов Красной Армии. Этот мотив довольно часто упоминается многими фигурантами уголовных дел по обвинению в измене Родине. Это, как правило, бывшие работники городских и районных полицейских органов, созданных немецкими оккупационными властями при содействии коллаборационистских органов гражданского управления.

Материалы архивно-уголовного дела в отношении одного из активных пособников немецких оккупантов в г. Валуйки (одного из районов Курской области) Капустина, впоследствии арестованного органами государственной безопасности, позволяют реконструировать первые шаги будущих руководителей Валуйской районной полиции – Салосина, Чернокалова и самого Капустина.

Капустин в сентябре месяце 1941 г., будучи призван в Красную Армию, с командой был направлен в часть. По пути к месту прохождения военной службы, Капустин, по договоренности со своими односельчанами, также призванным в армию, Солосиным Д., Чернокаловым В. и Трегубовым В., из команды дезертировали и, скрываясь от органов Советской власти, организовали банду и под руководством Салосина, совершили ряд грабежей и убийств советского, партийного актива.

В мае 1942 г. контрразведкой 21 армии Капустин был арестован, но 15 июня 1942 г. из-под стражи бежал, и скрывался в Валуйском районе до временной его оккупации немецкими войсками. В июле 1942 г. поступил на службу вначале заместителем начальника Валуйской тюрьмы по хозяйственной части, а затем полицейским Валуйской районной полиции².

2. Желание спастись от голода, приспособиться или сделать карьеру при новой власти. Среди данной категории довольно часто встречались служащие городских управ, магистратур.

3. Реализация собственных преступных наклонностей.

Деятельность бывшего начальника Валуйской полиции Салосина убедительно свидетельствует о его преступной сущности. При этом никакой речи об антисоветской направленности даже не ведется. Один из таких эпизодов рассказал во время допроса бывший следователь Валуйской полиции Курчевский: «Первые задания я получил от Салосина – делать обыск у гражданина, проживающего вверх от тюрьмы по той же улице. Этот гражданин держал чайную, обыск делался, очевидно, с целью грабежа. Я об этом сужу потому, что, когда я с двумя-тремя полицейскими делал обыск, то мы откладывали ценные вещи. Но забирать мы ничего не стали, а затем в тот же дом пошел Салосин. Впоследствии я на нем видел плащ, ранее принадлежавший этому гражданину»³.

3. Мечь. В отдельных архивно-уголовных делах обвиняемые в качестве основной причины поступления на службу гитлеровской Германии указывают на свое желание отомстить за действия Советской власти, отдельных должностных лиц в отношении своих родных, близких, иногда себя лично.

В качестве одного из примеров приведем выдержки из протокола допроса старшим оперуполномоченным ОКР «СМЕРШ» 84 РАБ капитаном Нелюбовым Мирошниченко П.П., 1914 года рождения, который направил на имя начальника Особого Отдела воинской части п/п № 22685 письмо от 22 марта 1945 г., в котором раскрывалось прошлое своего сослуживца, активно сотрудничавшего в период оккупации с местной полицией, Николаева Б.М.

Мирошниченко знал Николаева с 15 января 1942 г. по совместной работе на электростанции в г. Белгороде. «Николаева могу охарактеризовать, как антисоветского человека, ярко настроенного против Советской власти. В своих высказываниях Николаев восхвалял немецкий строй, высказывал пораженческие настроения и сильно насмеялся над одним из руководителей партии и правительства. Восхваляя немецкий строй, Николаев заявлял: «У немцев дисциплина и техника лучше нашей, кормят их солдат лучше,

2 Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Белгородской области (далее – АУФСБ РФ по Белгор. обл.). АУД № 13132. Т. 4. Л. 299-300.

3 АУФСБ РФ по Белгор. обл. АУД № 13132. Т. 2. Л. 91.

наши красноармейцы голодные, не к чему сопротивляться, и умный тот человек, который перейдет на сторону немцев». В беседе со мной Николаев говорил, что как только немцы дойдут до Волги, я поеду в свое село и отберу свое хозяйство и мельницу, которое у меня было изъято в период раскулачивания, Брат мой уже отомстил и за себя, и за меня, избив до полу-смерти председателя сельсовета»⁴.

Еще один из довольно красноречивых примеров мотива ненависти к советской власти и желания отомстить был выявлен в протоколе допроса бывшего начальника полиции одного из районных центров Курской (в последующем Белгородской) области. Начальник Старооскольской городской полиции Петров Нестор Арефьевич, 1905 года рождения, уроженец станицы Луга Ворошиловградской области, украинец, гражданин СССР, сын бывшего кулака, грамотный.

Петров был арестован 4 февраля 1946 г. и приговором Военного Трибунала войск МВД Курской области от 22 ноября 1946 г. по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. осужден и высшей мере наказания. Приговор был утвержден всеми инстанциями.

Приведем отрывок из показаний Петрова во время его допроса от 15 июля 1946 г., который довольно подробно раскрывает мотивацию своей преступной деятельности. «По социальному происхождению я сын крестьянина, бывшего кулака. Отец мой – Петров Арефий Корнеевич, до революции служил казачьим атаманом. Хозяйство в 1929 г., как кулацкое, было ликвидировано. Я и мои братья росли в семье враждебно встретивших Октябрьскую революцию и установление советской власти, в результате братья мои в те годы в рядах белогвардейцев участвовали в вооруженной борьбе против советской власти. В белой армии служило три моих брата – Андрей, Александр и Михаил. Все они являлись офицерами армии генерала Краснова и под его командованием участвовали в боях против Красной Армии под городом Царицын, где Андрей получил контузию и умер. А Александр и Михаил с остатками разбитой армии Краснова из-под Царицына бежали и впоследствии эмигрировали за границу, во Францию. С ними до 1923-1924 гг. мы поддерживали письменную связь.

Последующие репрессии, проводимые против моих родственников и лично меня, обостряли мои антисоветские взгляды. Однако, чувствуя свое бессилие в проведении какой-либо антисоветской работы, я вынужден был маскироваться и приспособливаться, вынашивая в себе всю злобу и ненависть к советской власти. Нападение Германии на СССР я встретил с восторгом и злорадствовал по поводу первоначальных успехов немецкой армии. Я считал, что наконец-то советская власть немцами будет свергнута

4 АУФСБ РФ по Белгор. обл. Ф. 12. Д. 11183. Т. 8. Л. 72.

и будет опять восстановлен капиталистический строй, где «мы – пострадавшие от советской власти» будем пользоваться почетом и уважением. Для меня было безразлично, какую власть восстановят немцы, я мечтал только об одном, т.е. о свержении советской власти. Будучи в начале войны на службе в Красной Армии, я заранее составил для себя план и впоследствии осуществил его, о переходе на сторону врага с той целью, чтобы принять непосредственное участие в борьбе против Советского Союза»⁵.

Одним из самых долго разыскивавшихся сотрудниками КГБ СССР бывших пособников немецких оккупантов оказался бывший помощник начальника Белгородской городской полиции Г.И. Федоровский, который спустя 14 лет после окончания Великой Отечественной войны, в феврале 1959 г. был арестован сотрудниками УКГБ по Белгородской области в городе Горловка Сталинской области и этапирован в Белгород для проведения дальнейших следственных действий. Федоровский относился к той группе советских граждан, которые только ждали случая, чтобы открыто выступить против советского государства. Вот что он показал на одном из допросов: «Прибыв в Белгород, я явился к городскому голове немцу Пфенцеру Генриху Христиановичу, рассказал ему о себе, своих родственниках и попросил его вернуть мне в собственность дом, который был отобран у родителей Советской властью ... Будучи недовольным Советской властью за репрессии в отношении моего отца и моей матери, я поступил на службу в полицию, понимая, что эта служба предоставляет мне возможности для борьбы против Советской власти и укрепления «нового порядка», который насаждался немцами»⁶.

Оставаясь ярым врагом советского государства, Федоровский не скрывал этого и во время следствия, поэтому сразу же начал давать признательные показания о деятельности Белгородской городской полиции в 1941-1943 гг. Более того, во время проведения судебного процесса по делу Федоровского и еще трех бывших белгородских полицейских, он демонстративно отказался от услуг защитника.

Однако, тех, кто не скрывал своего прошлого, как Петров или Федоровский, было значительно меньше, в сравнении с теми, кто всячески отрицал собственную преступную деятельность в период немецкой оккупации Курской области. Поэтому следователям УКГБ по Белгородской области приходилось подбирать индивидуальные психологические подходы для получения признательных показаний фигурантов уголовных дел. Наглядным примером является одно из масштабных уголовных дел, расследованных сотрудниками УКГБ по Белгородской области в 1973 г. в отношении

5 АУФСБ РФ по Белгор. обл. Ф. 13. АУД № 9736. Т. 1. Л. 120.

6 АУФСБ РФ по Белгор. обл. Ф. 12. Д. 11183. Т. 1. Л. 29-36.

бывших карателей 725 внешней команды тайной полевой полиции (ГФП)⁷.

Советские граждане, немцы по национальности А.А.Эрлих, Д.Д. Кремер, И.И. Виндекер, А.И. Тоскунов, Д.М. Креммер, дезертировав из рядов РККА, добровольно перешли на сторону фашистской Германии. Начало их преступной деятельности было положено в октябре 1941 г. в городе Миргороде Полтавской области, где они в качестве местных полицейских участвовали в массовом уничтожении местных евреев, а затем продолжено в составе карательной команды ГФП, переброшенной на территорию современной Белгородской области для борьбы с партизанским движением и антифашистским подпольем.

Вторая. Необходимым элементом проведения эффективных следственных действий с данной категорией обвиняемых являлась тщательная предварительная работа следователей и оперативных работников УКГБ по Белгородской области по нахождению и сбору разнообразной информации, имевшей прямое или косвенное отношение к рассматриваемому делу. Так, при расследовании преступлений бывшего старшего следователя Валуйской районной полиции (юго-восточный район современной Белгородской области) П.И. Курчевского, арестованного сотрудниками УКГБ при СМ СССР по Белгородской области в ноябре 1971 г. были опрошены десятки самых различных свидетелей, начиная от его односельчан и заканчивая отбывавшими наказание его бывшими сослуживцами по работе в профашистской районной полиции, Валуйской окружной тюрьме⁸.

Их показания вынудили Курчевского признать все предъявленные ему обвинения, хотя он настойчиво пытался убедить следствие, что его обязанности в Валуйской полиции были направлены исключительно на борьбу с уголовной преступностью.

Третья. Большим подспорьем при расследовании преступной деятельности изменников Родине являлась серьезная аналитическая работа следственного аппарата УКГБ при СМ СССР по Белгородской области с различного рода документацией. Так, например, соответствующие архивно-следственные дела на ранее осужденных за измену Родине, бывших сослуживцев обвиняемых, позволили обнаружить различные детали их преступной деятельности, о которых они тщательно умалчивали (например, участие в массовых расстрелах гражданского населения на оккупированной территории, избиения и пытки доставлявшихся в полицию лиц, участие в антипартизанских карательных акциях и пр.). Дополнительная информация, проливавшая свет на преступную деятельность обвиняемых, извлекалась из делопроизводственной документации полицейских орга-

7 АУФСБ РФ по Белгор. обл. Ф. 12. Оп. 1. Д. 13140. Т. 1-26.

8 АУФСБ РФ по Белгор. обл. АУД № 13132. Т. 1-7.

нов, жандармерий, местных органов управления, профашистских массовых печатных изданий.

Как видим, мотивация активных коллаборационистов, перешедших на сторону немецких захватчиков в 1941-1943 гг. на территории Курской области, оказалась не столь разнообразной и преимущественно можно выделить наиболее часто встречающийся мотив измены Родине – ненависть к своей собственной стране, а также стремление спасти собственную жизнь.

Библиографический список:

1. Богданов С.В. Неотвратимое возмездие: рассекреченные документы. - Белгород: Белгородская областная типография, 2014. 318 с.
2. Богданов С.В., Мартынов Б.С. Неотвратимое возмездие: продолжение истории (Из истории борьбы органов безопасности Белгородской области с изменниками Родины и активными пособниками немецких оккупантов). - Белгород: Белгородская областная типография, 2015. 364 с.
3. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Белгородской области (далее – АУФСБ РФ по Белгор. обл.). АУД № 13132. Т. 4. Л. 299-300.
4. АУФСБ РФ по Белгор. обл. АУД № 13132. Т. 2.
5. АУФСБ РФ по Белгор. обл. Ф. 12. Д. 11183. Т. 8.
6. АУФСБ РФ по Белгор. обл. Ф. 13. АУД № 9736. Т. 1.
7. АУФСБ РФ по Белгор. обл. Ф. 12. Оп. 1. Д. 13140. Т. 1-26.

Reference

1. Bogdanov S.V. Inevitable retribution: declassified documents. - Belgorod: Belgorod Regional Printing House, 2014. 318 p.
2. Bogdanov S.V., Martynov B.S. Inevitable retribution: continuation of history (From the history of the struggle of the security agencies of the Belgorod region with traitors to the Motherland and active accomplices of the German occupiers). - Belgorod: Belgorod Regional Printing House, 2015. 364 p.
3. Archive of the Office of the Federal Security Service of the Russian Federation for the Belgorod Region (hereinafter referred to as AUFSSB of the Russian Federation for the Belgorod Region). AUD No. 13132. Vol. 4. L. 299-300.
4. AUFSSB of the Russian Federation for Belgor. region AUD No. 13132. Vol. 2.
5. AUFSSB of the Russian Federation for Belgor. region F. 12. D. 11183. Vol. 8.
6. AUFSSB of the Russian Federation for Belgor. region F. 13. AUD No. 9736. Vol. 1.
7. AUFSSB of the Russian Federation for Belgor. region F. 12. Op. 1. D. 13140. Vol. 1-26.

Эшматова Г.Б.

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Бюджетное научное учреждение Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики имени С.С. Суразакова». Республика Алтай, г. Горно-Алтайск.

**Депутаты от Республики Алтай
в Государственной Думе Федерального Собрания
Российской Федерации***

Аннотация. В статье рассмотрен порядок формирования Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, содержится анализ основных изменений в вопросе допуска избирательных объединений к участию в выборах в нижнюю палату парламента. На основе официальных данных изучены социально-профессиональные характеристики депутатов Государственной Думы всех восьми созывов, избранных от Республики Алтай. Исследование показало, что победу на выборах одерживают крупные политические партии, для которых новое избирательное законодательство является идеальным условием для ведения избирательной кампании.

Ключевые слова: Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, представительство регионов, избирательная система, выборы, мандат, депутаты, политические партии, социальный состав.

Eshmatova G.B.

Candidate of Political Sciences, Senior staff scientist, Scientific research institute of Altaic studies, by name of S.S. Surazakov (Budgetari scientific institution).

**Deputies from the Altai Republic
in the State Duma of the Federal Assembly
of the Russian Federation**

Abstract. The article examines the procedure for the formation of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, contains an analysis of the main changes in the issue of admission of electoral associations to participate in elections to the lower house of parliament. Based on official data, the socio-professional characteristics of the deputies of the State Duma of all eight convocations elected from the Altai Republic were studied. The study showed that major political parties are winning the elections, for which the new electoral legislation is an ideal condition for conducting an election campaign.

Key words: State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, representation of regions, electoral system, elections, mandate, deputies, political parties, social composition.

Депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации являются значимыми фигурами на политическом пространстве, их деятельность является публичной и фактически зависит от избирательных циклов. Во время проведения предвыборной кампании их активность существенно усиливается и становится наиболее заметной. Начиная с 1993 г. способы формирования Государственной Думы несколько раз менялись, но до сих пор оптимальный формат ещё не установлен.

В Государственную Думу входят 450 депутатов. Созывы Думы имели разную продолжительность: два года (первый созыв), четыре года (второй, третий, четвертый и пятый созывы), и пять лет с 2011 г. (шестой, седьмой, восьмой созывы).

Выборы проходят по смешанной системе, при которой половина представителей депутатского корпуса (225 мандатов) получают места по спискам партий. Другая половина (225 мандатов) – по одномандатным округам.

Такая система использовалась на выборах с первого по четвёртый созыв Государственной Думы (в 1993, 1995, 1999 и 2003 годах), а также на выборах седьмого и восьмого созывов (в 2016 и 2021 гг.). Депутаты пятого и шестого созывов избирались только по партийным спискам (в 2007 и 2011 гг.).

В выборах принимают участие партии, официально зарегистрированные Центральной Избирательной комиссией (ЦИК). Чтобы попасть в Государственную Думу, партия должна набрать пять и более процентов голосов избирателей. При этом таких партий должно быть не менее двух и за них в совокупности должны отдать голоса более 50 % избирателей. Если же все преодолевшие барьер партии не наберут более 50 %, то в Госдуму проходят и те, кто получил менее 5 %.

В Республике Алтай по итогам выборов восьми созывов этот порог пре-

одолели в 1993 г. и 1995 гг. – 6 партий, 1999 г. – 5 партий, 2003, 2007, 2011, 2016, 2021 гг. – 4 партии¹.

В одномандатных округах кандидатам достаточно получить простое большинство голосов. Однако, если по итогам голосования два претендента получают равный результат, избранный считается тот, кто был зарегистрирован ранее в этом одномандатном округе.

По итогам выборов ЦИК подсчитывает сумму голосов, отданных за федеральные списки партий, которые получили право участвовать в распределении мест в Государственную Думу. Эта сумма голосов делится на 225 – число депутатских мандатов, распределяемых по федеральному избирательному округу.

Затем число голосов, полученных каждым федеральным списком кандидатов от этих партий, делится на первое полученное число. Целая часть числа – количество мандатов, которые получает соответствующий федеральный список кандидатов в результате первичного распределения мест.

Оставшиеся мандаты ЦИК передает партиям, у которых оказывается наибольшей дробная часть числа, полученного в результате деления.

Федеральный список кандидатов состоит из общефедеральной части и региональных групп. Всего в списке должно быть не менее 200 и не более 400 кандидатов, региональных групп кандидатов должно быть не менее 35. При этом региональная часть федерального списка кандидатов должна охватывать всю территорию Российской Федерации.

В первую очередь мандаты получают кандидаты из его общефедеральной части. В неё может быть включено не более 15 кандидатов. Оставшиеся места передают региональным группам².

Правовой статус депутатов Государственной Думы определен Конституцией РФ и Федеральным законом от 8 мая 1994 г. № 3–ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»³.

Первые в постсоветской истории России выборы в Государственную

1 Очерки по новейшей истории Республики Алтай (1991–2010 гг.). Горно-Алтайск, 2014. С. 72, 505–509; Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ седьмого созыва 18 сентября 2016 г. Сведения об итогах голосования по единому избирательному округу Республики Алтай // Звезда Алтая. 2016. 30 сентября. С. 10; Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ восьмого созыва, Республика Алтай – Алтайский. 19 сентября 2021 г. Сведения для опубликования полных данных протоколов единого округа // Звезда Алтая. 2021. 13 октября. С. 26, 27.

2 Как распределяются думские мандаты? // Звезда Алтая. 2021. 29 сентября. С. 3.

3 О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3–ФЗ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. // URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 05.09.2022).

Думу состоялись 12 декабря 1993 г. и проходили в условиях политического кризиса.

В Республике Алтай подготовка и проведение выборов осуществлялась в полном соответствии с Положениями о выборах депутатов Совета Федерации и Государственной Думы и всенародном голосовании по проекту Конституции РФ, а также календарным планом центризбиркома и окризбиркома. Своевременно были образованы избирательные участки, участковые избирательные комиссии, обеспечено их финансирование в сумме 182 млн. рублей.

По воспоминаниям С.С. Тюхтенева: «... Федеральные выборы и всенародное голосование пришлось готовить и проводить в сложнейших условиях, преодолевая трудности. Не было тщательно разработанного закона, а только наспех подготовленные положения, утвержденные указами президента». Но тем не менее окружной комиссии удалось успешно разрешить возникшие проблемы и спорные вопросы.

Окризбирком с участием членов республиканского штаба по выборам в каждом районе и в городе провёл инструктивные семинары-совещания с руководителями участковых избирательных комиссий, районных и городского штабов и актива.

Организовано прошли выдвижения кандидатов, их регистрация, каждому кандидату в депутаты Совета Федерации и Государственной Думы на предвыборную агитацию окризбирком выделил по 700 тыс. рублей⁴.

Накануне выборов, в Республике Алтай, как и по всей стране, конкурентную борьбу за голоса потенциального электората вело 13 избирательных объединений, зарегистрированных Центризбиркомом.

Участниками кампании «партией власти» стал учрежденный блок «Выбор России», объединивший «Демократическую Россию», «Демократический выбор», «Военные за демократию» и ряд других движений и организаций. Впоследствии он был преобразован в политическую партию «Демократический выбор России».

Другой проправительственной партией на выборах являлась – Партия российского единства и согласия (ПРЕС). Кроме того, проправительственным было движение: Российское движение демократических реформ (РДДР).

Центристов представляли следующие блоки: «Гражданский союз во имя стабильности, справедливости и прогресса», блок «Явлинский – Болдырев – Лукин», Демократическая партия России и «Будущее России – Новые имена».

Оппозиция на выборах состояла из шести партий и движений: Аграр-

4 Госархив РА. Ф. Р-687. Оп. 1. Д. 70. Л. 54–58.

ная партия России, КПРФ, ЛДПР, Конструктивно-экологическое движение «Кедр», «Женщины России» и «Достоинство и милосердие».

Система выборов, использовавшаяся в ходе федеральной избирательной кампании, была достаточно нова и непривычна для электоральной аудитории. Изменение избирательной практики российской государственности, инициированной главой государства, предполагало активизацию развития многопартийности и являлось выразителем надежды президента на победу реформаторских сил.

Большинство граждан определяло своё отношение к партиям по нескольким характерным лозунгам: за или против Ельцина; за возвращение к коммунистической эпохе или за продолжение рыночных реформ; за демократические, правовые формы государственного управления или за силовые чрезвычайные меры, «революционную целесообразность», «твёрдую руку»; за строительство обособленной от враждебного мира «Великой России» или за интеграцию страны в мировое хозяйство, западное сообщество.

В итоге из числа зарегистрированных партий и движений всего 8 преодолели пятипроцентный барьер. На тот момент только КПРФ и отчасти ЛДПР имели определённую социальную базу и разветвленную сеть региональных отделений, остальные избирательные объединения были малочисленны. В Республике Алтай этот порог преодолели 6 избирательных объединений.

В Горном Алтае по общефедеральному избирательному округу по выборам депутатов в Государственную Думу первое место заняла партия Российского единства и согласия, второе Либерально-демократическая партия В.В. Жириновского, третье – объединение «Женщины России» и лишь четвёртое место – Коммунистическая партия Российской Федерации. В голосовании приняло участие 65,7 % избирателей⁵.

В целом по республике проправительственные «Выбор России» и ПРЕС набрали 9 и 27,3 % голосов соответственно, а оппозиционные ЛДПР (16,8 %), блок коммунистов и аграриев, получили в сумме 20,4 %. В то же время город и большая часть сельского электората предпочли поддержать на выборах ЛДПР. КПРФ в ходе федеральных выборов 1993 г. массовой поддержки населения региона не получила.

По выборам депутатов Государственной Думы по Горно-Алтайскому одномандатному избирательному округу № 9 баллотировались 4 кандидата⁶ (см. табл. 1).

5 Госархив РА. Ф. Р-687. Оп. 1. Д. 85. Л. 1.

6 Госархив РА. Ф. Р-687. Оп. 1. Д. 86. Л. 1; Сообщение // Звезда Алтая. 1993а. 27 нояб. С. 1.

Таблица 1. Итоги голосования по выборам депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ по Горно-Алтайскому одномандатному избирательному округу № 9 12 декабря 1993 г.

№	ФИО	Год рождения	Должность	Кем выдвинут	Количество полученных голосов
1.	Гнездилов М.З.	1946	Первый заместитель председателя Правительства РА	Группа избирателей	18560
2.	Пекпеев С.Т.	1956	Президент коммерческого банка «Алтайэнергобанк»	Избирательное объединение «Партия российского единства и согласия»	14258
3.	Пиунов В.Е.	1954	Директор частной юридической конторы «Партнёр»	Избирательное объединение «Демократическая партия России»	13262
4.	Якшимаева Ф.Ю.	1954	Заместитель начальника управления юстиции Республики Алтай	Группа избирателей	15515
5.	Число избирателей, включенных в список				123091
6.	Число избирателей, принявших участие в голосовании				80807
7.	Против всех кандидатов				14896

Победу одержал Гнездилов М.З. За него проголосовали на три с лишним тысячи избирателей больше, чем за его политических соперников. Михаил Захарович стал представителем независимой фракции Государственной Думы «Новая региональная политика»⁷. На избирательные участки по выборам депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ пришло 65,6 % избирателей.

За период работы Госдумы второго созыва (1995–1999 гг.) Республику

⁷ Сообщение // Звезда Алтая. 1993б. 23 декабря. С. 1; Российские регионы после выборов – 96. М.: 1997; Первые дни в Думе // Звезда Алтая. 1994. 22 января. С. 1.

Алтай представляли 3 депутата: в 1995 г. Зубакин С.И. (17 января 1996 г. – 24 декабря 1997 г., руководитель экспертного совета по бюджету, налогам, банкам и финансам), главный контролер-ревизор Министерства финансов РФ по Республике Алтай, выдвинутый избирательным объединением «Демократический выбор России – объединенные демократы» (21,5 %), (вне фракции в ГД) и Ромашкин В.В. от КПРФ (член фракции КПРФ). В связи с досрочным прекращением полномочий Зубакина С.И. (избрали Главой Республики Алтай 14 декабря 1997 г.) 31 мая 1998 г. на довыборах по Горно-Алтайскому одномандатному избирательному округу № 2 из 5 кандидатов, внесенных в избирательный бюллетень избрали Лапшина М.И. (42,22 %), лидера Аграрной партии России⁸.

В Госдуме третьего созыва (19 декабря 1999 г.) из 9 баллотировавшихся кандидатов в депутаты выбрали М.И. Лапшина (32,11 %). Таким образом, электорат Республики Алтай впервые отдал предпочтение кандидату от движения «Отечество – вся Россия», отодвинув на третью позицию своего традиционного выдвиженца от КПРФ. Лидер АПР Лапшин М.И. из 11 территорий в 7-ми занял первые (город, Майма, Турочак, Усть-Кокса, Чемал, Чоя, Шебалино) и в 4-х (Кош-Агач, Онгудай, Улаган, Усть-Кан) вторые места⁹.

19 мая 2002 г. провели дополнительные выборы депутата Госдумы РФ вместо выбывшего. А выбыл Лапшин М.И., одержавший победу 16 декабря 2001 г. и 6 января 2002 г. в двух турах выборов на пост главы региона и досрочно сложил свои полномочия. Кандидатами в депутаты зарегистрировали 8 человек. В результате голосования депутатом Госдумы третьего созыва избрали Пекпеева Сергея Тимуровича, первого заместителя министра экономики РА (48,57 %), выдвинутого избирателями округа¹⁰.

В последующем Сергей Тимурович представлял интересы жителей республики в четвертом и пятом созывах Государственной Думы РФ до 2011 года, член фракций «Отечество – Вся Россия» и «Единая Россия». Входил в состав Комитета Госдумы по делам Федерации и региональной политике¹¹.

8 Об итогах выборов депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ по Горно-Алтайскому одномандатному избирательному округу № 2 // Звезда Алтая. 1995. 29 декабря. С. 1; Об итогах дополнительных выборов депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ по Горно-Алтайскому одномандатному избирательному округу № 2 // Звезда Алтая. 1998. 10 июня. С. 3.

9 Выборы. Итоги. Проблемы. К 10-летию Избирательной комиссии Республики Алтай. Горно-Алтайск, 2003. С. 44.

10 Выборы. Итоги. Проблемы. К 10-летию Избирательной комиссии Республики Алтай. Горно-Алтайск, 2003. С. 88, 91.

11 Материалы I Съезда депутатов всех уровней Республики Алтай. Горно-Алтайск, 2013. С. 85.

В шестом созыве нижней палаты (4 декабря 2011 г.) не было ни одного представителя от Республики Алтай. В 2011 году «Единой России» не хватило около 2 тыс. голосов для того, чтобы представитель субъекта попал в парламент.

В Государственной Думе РФ седьмого созыва по итогам выборов 18 сентября 2016 г. Республика Алтай получила двух своих прямых представителей от «Единой России». В выборах по пропорциональной системе партия власти набрала 48,81 % голосов. Благодаря этому результату, думский мандат получил спикер Государственного Собрания – Эл Курултай РА Белеков Иван Итулович, ставший одним из лидеров в территориальной группе, объединившей в себе Республику Алтай, Алтайский край, Кемеровскую и Томскую области. В сентябре 2016 г. он официально сложил полномочия в республиканском парламенте, приступив к работе в Госдуме (член Комитета по делам СНГ, евразийской интеграции и связями с соотечественниками). Второе место по спискам, получила КПРФ – 18,89 %, третья ЛДПР – 12,73 %, 5,66 % – партия «Родина», занявшая 4 место, «Справедливая Россия» стала лишь пятой – 4,10 %. Остальным партиям отдали свое предпочтение менее 3 % населения. В единственном одномандатном округе республики сильнее всех оказался глава Чемальского района Букачаков Родион Борисович: его результат 46,11 % (член Комитета по аграрной политике)¹².

Депутатом Государственной Думы восьмого созыва (19 сентября 2021 г.) от «Единой России» стал Птицын Роман Викторович (член Комитета по региональной политике и местному самоуправлению), бывший глава Майминского района¹³.

Выборы последнего созыва отличались тем, что разрыв между кандидатом от власти и единым кандидатом от оппозиции (КПРФ), которую представляла Дёмина Мария Фоминична был совсем небольшой – всего 2 %. Роман Птицын проиграл в г. Горно-Алтайске, Майминском районе, которым руководил несколько лет, Шебалинском, Усть-Коксинском и Онгудайском районах, эти районы поддержали Марию Дёмину. Кош-Агачский район, в свою очередь, массово поддержал Р. Птицына и решил судьбу голосования¹⁴.

12 Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ седьмого созыва 18 сентября 2016 г. Сведения об итогах голосования по одномандатному избирательному округу Республики Алтай – Алтайский одномандатный округ № 2 // Звезда Алтая. 2016. 30 сентября. С. 12–14; Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ (ГД ФС РФ) // URL: (Дата обращения: 02.09.2022).

13 О результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ восьмого созыва по одномандатному избирательному округу Республика Алтай – Алтайский одномандатный округ № 2 // Звезда Алтая. 2021. 13 октября. С. 6.

14 Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ восьмого созыва, Республика Алтай – Алтайский. 19 сентября 2021 г. Сведения для опубликования

Так, в Госдуме Республику Алтай представляли 4 человека от «Единой России» (Пеклеев С.Т., Белеков И.И., Букачаков Р.Б., Птицын Р.В.), по одному от КПРФ (Ромашкин В.В.), АПР (Лапшин М.И.), Демократический выбор России (Зубакин С.И.), а также кандидат от группы избирателей (Гнездилов М.З.).

Все депутаты были знакомы с законотворческой деятельностью. Их профессиональный путь показывает причастность к государственной службе, аграрному, промышленному и финансовому секторам. При этом имели опыт депутатской деятельности. Основную долю составляли избранные в возрасте от 43 до 64 лет.

Входили в состав руководства комитетов Думы: Зубакин С.И. (руководителем экспертного совета по страховому законодательству Комитета по бюджету, налогам, банкам и финансам).

С точки зрения гендерного представительства – все мужского пола. По национальному составу 3 чел. титульной национальности, русских – 5.

Депутаты Государственной Думы в процессе своей деятельности рассматривали обращения и проводили приём избирателей, вносили предложения в соответствующие органы государственной власти и местного самоуправления, информировали о своей деятельности население во время встреч с ним, а также через свои выступления в СМИ.

Таким образом, законодательные изменения выборов в Государственную Думу Федерального Собрания РФ внесли свою специфику. За рассматриваемый период менялась процедура ее формирования, а также требования к политическим партиям и участникам избирательного процесса. Безусловно, эти процессы влияли на структуру депутатского корпуса, существенно менялось количество представленных политических сил. При выборах депутатов Государственной Думы с 1993 по 2003 гг. применялась смешанная избирательная система, которая способствовала становлению и развитию многопартийности. В 2007 г. произошел переход от смешанной избирательной системы к пропорциональной. Система применялась до 2011 г. и сопровождалась увеличением заградительного барьера с 5 до 7%, что привело к сокращению числа партий, представленных в Госдуме. Все вышеперечисленные обстоятельства привели к возврату в 2016 г. смешанной избирательной системы. Вновь вернулось территориальное представительство, означающее, что избиратели знают своего депутата, т.к. голосовали по округу они за конкретного человека, а не список кандидатов, который за время полномочий может поменяться.

Практически во всех созывах российского парламента (кроме 6 созыва) 8 избранных от Республики Алтай защищали интересы своего региона.

Социальный и профессиональный портрет депутатов выглядит следующим образом: мужчина 51–52 года, представитель «Единой России», имеющий высшее образование, опыт работы в органах государственной власти и местного самоуправления.

За время работы в Государственной Думе депутаты от Республики Алтай принимали участие в обсуждении актуальных вопросов, входили в состав комиссий и комитетов, являлись инициаторами принятия ряда законопроектов.

Библиографический список:

1. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва 18 сентября 2016 г. Сведения об итогах голосования по единому избирательному округу Республики Алтай // Звезда Алтая. 2016. 30 сентября. С. 10–12.
2. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва, Республика Алтай – Алтайский. 19 сентября 2021 г. Сведения для опубликования полных данных протоколов единого округа // Звезда Алтая. 2021. 13 октября. С. 26, 27.
3. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва 18 сентября 2016 г. Сведения об итогах голосования по одномандатному избирательному округу Республики Алтай – Алтайский одномандатный избирательный округ № 2 // Звезда Алтая. 2016. 30 сентября. С. 12–14.
4. Выборы. Итоги. Проблемы. К 10-летию Избирательной комиссии Республики Алтай. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская респ. тип., 2003. 160 с.
5. Государственный архив Республики Алтай (Госархив). Ф. Р–687. Оп. 1. Д. 70. Л. 54–58.
6. Госархив РА. Ф. Р–687. Оп. 1. Д. 85. Л. 1.
7. Госархив РА. Ф. Р–687. Оп. 1. Д. 86. Л. 1.
8. Как распределяются думские мандаты? // Звезда Алтая. 2021. 29 сентября. С. 3.
9. Материалы I Съезда депутатов всех уровней Республики Алтай / отв. за вып. Г.Б. Чекурашев. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 2013. 131 с.
10. О результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва по одномандатному избирательному округу Республика Алтай – Алтайский одномандатный избирательный округ № 2 // Звезда Алтая. 2021. 13 октября. С. 6.
11. О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3–ФЗ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. // URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 05.09.2022).
12. Об итогах выборов депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ по Горно-Алтайскому одномандатному избирательному округу № 2 // Звезда Алтая. 1995. 29 декабря. С. 1.
13. Об итогах дополнительных выборов депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ по Горно-Алтайскому одномандатному избирательному округу № 2 // Звезда Алтая. 1998. 10 июня. С. 3.
14. Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ (ГД ФС РФ) // URL: (Дата обращения: 02.09.2022).
15. Очерки по новейшей истории Республики Алтай (1991–2010 гг.) / редкол.: М.С. Каташев (отв. ред.), Н.О. Тадышева, Г.Б. Эшматова. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 2014. 544 с.
16. Первые дни в Думе // Звезда Алтая. 1994. 22 января. С. 1.
17. Российские регионы после выборов – 96. М.: Юрид. лит., 1997. 784 с.
18. Сообщение // Звезда Алтая. 1993а. 27 ноября. С. 1.
19. Сообщение // Звезда Алтая. 1993б. 23 декабря. С. 1.

Reference

1. Elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the seventh convocation on September 18, 2016. Information on the voting results for the single electoral district of the Altai Republic // Altai Star. 2016. September 30. P. 10–12.
2. Elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the eighth convocation, Altai Republic - Altai. September 19, 2021 Information for the publication of complete data of the protocols of the unified district // Altai Star. 2021. October 13. P. 26, 27.

3. Elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the seventh convocation on September 18, 2016. Information on the voting results for the single-mandate electoral district of the Altai Republic - Altai single-mandate electoral district No. 2 // *Altai Star*. 2016. September 30. P. 12-14.
4. Elections. Results. Problems. To the 10th anniversary of the Election Commission of the Altai Republic. Gorno-Altai: Gorno-Altai Republic. typ., 2003. 160 p.
5. State Archive of the Altai Republic (State Archive). F. R-687. Op. 1. D. 70. L. 54–58.
6. State Archive of the Republic of Armenia. F. R-687. Op. 1. D. 85. L. 1.
7. State Archive of the Republic of Armenia. F. R-687. Op. 1. D. 86. L. 1.
8. How are Duma mandates distributed? // *Star of Altai*. 2021. September 29. S. 3.
9. Materials of the 1st Congress of Deputies of All Levels of the Altai Republic / resp. per issue G.B. Chekurashev. Gorno-Altai: Gorno-Altai'skaya typ., 2013. 131 p.
10. On the results of the elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the eighth convocation in the single-mandate electoral district of the Altai Republic - Altai single-mandate electoral district No. 2 // *Altai Star*. 2021. October 13. P. 6.
11. On the status of a member of the Federation Council and the status of a deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: Federal Law of May 8, 1994 No. 3-FZ [Electronic resource] // SPS Consultant-Plus. // URL: <http://www.consultant.ru/> (09.05.2022).
12. On the results of the election of a deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation in the Gorno-Altai single-mandate electoral district No. 2 // *Altai Star*. 1995. December 29. P. 1.
13. On the results of the additional elections of a deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation in the Gorno-Altai single-mandate electoral district No. 2 // *Altai Star*. 1998. June 10. P. 3.
14. Official website of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation) // URL: <http://www.duma.gov.ru> (09.02.2022).
15. Essays on the modern history of the Altai Republic (1991–2010) / editorial board: M.S. Katashev (chief editor), N.O. Tadysheva, G.B. Eshmatova. Gorno-Altai: Gorno-Altai'skaya typ., 2014. 544 p.
16. First days in the Duma // *Altai Star*. 1994. January 22. S. 1.
17. Russian regions after the elections – 96. M.: Legal. lit., 1997. 784 p.
18. Message // *Altai Star*. 1993a. November 27. P. 1.
19. Message // *Altai Star*. 1993b. December 23. P. 1.

История международных отношений и всеобщая история

History of international relations and general history

Крыжановский А.В.

Кандидат исторических наук, доцент. Московский государственный институт международных отношений.

США и ЕС: испытание бананами (из истории американо-европейских торговых конфликтов)*

Аннотация. Американо-европейские торговые столкновения являются неотъемлемой частью трансатлантических отношений вследствие постоянного экономического соперничества Вашингтона и Брюсселя. Используя в качестве примера длившиеся на протяжении пятнадцати лет (1994-2009 гг.) «банановые войны» между США и ЕС, связанные с дискриминационными тарифами Европейского союза на ввоз бананов из государств, не входящих в зону АКТ (АКТ – Африка, Карибский бассейн, Тихоокеанский бассейн), автор предпринимает детальное исследование различных составляющих данного торгового конфликта – экономической, геополитической, международно-правовой и социокультурной. Особое внимание обращается на то, что уроки «банановых войн» заставляют задуматься о серьезных проблемах, выходящих далеко за пределы отдельно взятого торгового конфликта. Речь идет об исключительной важности применения принципа наибольшего благоприятствования, необходимости урегулирования торгово-экономических разногласий в рамках ВТО, растущей взаимозависимости США, ЕС и развивающихся государств в системе многосторонней торговли и, наконец, об устойчивых позициях экономического лоббизма в Соединенных Штатах. Формальное завершение американо-европейского противостояния, вопреки оптимистичным заявлениям высокопоставленных чиновников Европейской Комиссии, не служит надежной защитой от рецидива «банановых

* © Крыжановский А.В., 2024.

войн» в краткосрочной перспективе.

Ключевые слова: США, ЕС, трансатлантические отношения, американо-европейские торговые конфликты, «банановые войны», внешняя политика США, внешняя политика ЕС.

Kryzhanovskiy A. V.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Moscow State Institute of International Relations.

The USA and EU: ordeal by bananas (glimpses of the history of American-European trade conflicts)

Abstract. American-European trade clashes are an inseparable part of transatlantic relations due to the permanent economic competition between Washington and Brussels. Using as an example “banana wars” which lasted fifteen years (1994-2009) and were linked to the EU discriminatory tariffs on the bananas imported from non-ACP countries (ACP – Africa, the Caribbean region, the Pacific region) the author undertakes a detailed research of various components of the given trade conflict – economic, geopolitical, international legal, sociocultural. Special attention is paid to the fact that the lessons of «banana wars» induce reflections upon serious problems running far beyond the single trade conflict. The matter concerns such issues as critical importance of application of the most favoured nation principle, the need for settling trade disputes within the framework of WTO, growing interdependence of USA, EU and developing countries in the multilateral trade system and – last but not least – stable positions of economic lobbyism in the United States. Despite optimistic declarations of EC senior officials, a formal completion of American-European confrontation does not reliably protect against the relapse of “banana wars” in the short-term perspective.

Key words: USA, EU, transatlantic relations, American-European trade conflicts, “banana wars”, American foreign policy, EU foreign policy.

В череде торговых конфликтов, подтачивавших трансатлантические отношения, «банановые войны» между США и ЕС, безусловно, занимают

особое место. Неординарность ситуации состоит в том, что участники конфликта (за исключением мелких фермерских хозяйств в Испании и Греции, а также заморских территорий ЕС) не являются непосредственными производителями бананов и, на первый взгляд, торговля этими сельскохозяйственными продуктами, не должна была стать предметом длительной конфронтации, на протяжении которой дважды объявлялось о преодолении разногласий, но в итоге вместо финальной точки ставилось многоточие. Кроме того, вызывает интерес еще одно обстоятельство: если европейские страны постоянно участвовали в региональных и международных режимах регулирования торговли бананами, то Соединенные Штаты не вмешивались в эту сферу до 1994 г., предоставляя возможность частным компаниям вести конкурентную борьбу на американском рынке и обеспечивать приемлемые цены для потребителей. Соответственно, возникают закономерные вопросы: 1) почему в середине 1990-х гг. происходит резкое изменение позиции американского руководства в отношении торговли бананами? 2) по какой причине США ввязались в затяжной спор с основным торговым партнером (ЕС) и, вдобавок, подпортили свой имидж в глазах государств Карибского бассейна, если ставки Вашингтона в этой торгово-экономической игре, казалось бы, не заслуживали пристального внимания?

Чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо вспомнить важнейшие моменты новейшей истории банановой торговли в Европе.

13 февраля 1993 г., в соответствии с регулирующим постановлением Европейского Совета №404, был создан единый европейский (в пределах новообразованного Европейского Союза) режим торговли бананами [5, Р. 1-12]. До введения этого режима на территории ЕЭС существовали «открытые» (Германия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Ирландия, Дания) и «закрытые» (Великобритания, Франция, Италия, Испания, Португалия, Греция) режимы торговли бананами.

«Открытые» режимы предусматривали ввоз бананов со всего мира без каких-либо ограничений; диапазон тарифных ставок в соответствующих государствах варьировался от 0 (ФРГ, с 1990 г. – Германия) до 20 % (Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Ирландия, Дания); таким образом, все импортеры оказывались в равных условиях [2, Р. 2]. В рамках «закрытых» режимов устанавливались количественные ограничения (квоты) и лицензионные требования, а также вводились 20% пошлины на импорт бананов из тех стран, которые не входят в группу АКТ (АКТ - Африка, Карибский бассейн, Тихоокеанский бассейн). Бывшие европейские колонии, принадлежащие к географической зоне АКТ, пользовались правом беспошлинного ввоза бананов в страны с «закрытыми» режимами. Таким образом, «закрытые» режимы обеспечивали защиту торговых интересов младших партнеров европейских государств [2, Р. 4-10].

Корни «закрытых» режимов уходят в имперский период истории Великобритании. В начале XX в., стремясь противодействовать усилению экономического влияния США в своих колониях (в частности, на Ямайке), британское правительство стало оказывать поддержку компаниям, импортирующим сельскохозяйственную продукцию [10, Р. 35]. В 1952 г. Лондон ввел систему «открытого лицензирования», освобождавшую от получения лицензий торговцев бананами из государств «стерлинговой зоны». При этом, как отмечает Л. Гроссман, «импорт...бананов, произведенных в Центральной и Южной Америке (за исключением Бразилии), предполагавший оплату в долларах и тем самым истощавший резервы иностранной валюты, требовал выпуска специальных лицензий» [10, Р. 39]. Следовательно, британский режим торговли бананами был «открытым» в пределах Империи, но «закрытым» для «долларовых бананов». Согласно Гроссману, британский курс диктовался причинами коммерческого и некоммерческого характера: во-первых, речь шла о поддержке британских поставщиков бананов; во-вторых, преференциальный режим был направлен на борьбу с бедностью и достижение экономической стабильности в колониях Карибского бассейна [10, Р. 42]. Таким образом, в рамках бананового режима Великобритании произошло переплетение протекционистских императивов Лондона и моральных обязательств метрополии перед колониями.

В постимперский период Великобритания, равно как и ряд других европейских стран, проводила преференциальную таможенную политику в отношении бывших колоний.

В 1992 г., когда был подписан Маастрихтский договор о создании Европейского Союза, странам-участницам ЕС предстояло выработать единый подход к режиму торговли бананами. К этому времени фрагментированная европейская система уже была объявлена дискриминационной в отношении государств, не входящих в группу АКТ: при поддержке Соединенных Штатов, пока еще исполнявших роль заинтересованного наблюдателя, Коста-Рика, Колумбия, Никарагуа, Гватемала и Венесуэла оспорили ограничения, введенные на импорт бананов в ряде государств ЕС, на том основании, что они противоречат принципам ГАТТ. Иск, поданный этими странами в Третейскую группу ГАТТ, содержал обвинения в адрес Брюсселя, связанные с реализацией политики «двойных стандартов»: в одних государствах ограничения действуют, в других ограничения отсутствуют. В итоговом докладе Третейской группы признавалась правота истцов: «закрытые» банановые режимы ЕС нарушали базовые принципы международной торговли. Однако дальнейших санкций не последовало, поскольку Европейский Союз заблокировал принятие судебного решения в Органе по разрешению споров (ОРС) ГАТТ [13, Р. 145-166]. Необходимо отметить, что национальные ограничения теряли свою актуальность в свете форми-

ровавшейся общей таможенной политики Европейского Союза. Поэтому конфликт не обострился: Брюсселю как бы предоставляли шанс поработать над ошибками.

Однако после введения единого европейского режима торговли бананами ситуация принципиально не изменилась. Квота латиноамериканских стран составила 2 млн. тонн при тарифе 100 ЭКЮ за тонну; после израсходования этой квоты тариф повышался до 850 ЭКЮ за тонну. Вдобавок, на долю «долларовых бананов» приходилось 66,5 % лицензий. Страны АКТ оказались в более комфортных условиях: их суммарная квота составила 857700 тонн при нулевом тарифе; за пределами установленной квоты тариф повышался до 750 ЭКЮ за тонну. На «традиционных» поставщиков бананов из государств АКТ распространялось 30% лицензий (оставшиеся 3,5% резервировались для «новых импортеров») [10, Р. 54-55]. Таким образом, банановые магнаты из Центральной и Южной Америки имели все основания быть недовольными единым европейским режимом.

Внутри ЕС новый банановый режим установил хрупкий баланс между различными группами интересов. В Европейской Комиссии (ЕК) три генеральных директората соперничали за влияние на политику в сфере торговли бананами: Директорат сельского хозяйства стремился защитить интересы европейских производителей бананов (мелкие фермы в Испании и Греции, а также заморские территории ЕС – Мартиника, Гваделупа, Канарские острова, остров Мадейра); Директорат развития поддерживал группу АКТ; Директорат торговли ставил во главу угла переговоры по линии ГАТТ [15, Р. 410]. Разногласия коснулись и отдельных стран-участниц Европейского Союза: государства с «закрытыми» режимами отстаивали систему преференций, в то время как Германия и Бельгия выступали в пользу либерализации бананового режима. Промежуточную позицию заняли Нидерланды, предпочитавшие неограниченный импорт бананов, но при этом выражавшие обеспокоенность уровнем развития Суринама и Карибских стран.

По мнению О. Кадо и Д. Веббера, в процессе переговоров по созданию единого европейского рынка бананов, Директорат сельского хозяйства пользовался наибольшим влиянием, поскольку новый банановый режим был утвержден как часть «сделки» по сельскохозяйственным вопросам: Бельгии, Нидерландам, Дании, Германии и Португалии в обмен на одобрение протекционистского режима, предлагались либеральные уступки в других областях сельскохозяйственной торговли [3, Р. 13-14]. Но даже в такой ситуации итоговое решение удалось принять только на основе принципа квалифицированного большинства: в феврале 1993 г. Германия, Бельгия и Нидерланды, не удовлетворенные предложенными уступками, проголосовали против унификации торговли бананами [3, Р. 26]. Соответ-

ственно, можно сделать вывод о том, что единый европейский банановый режим возник в результате компромисса, достигнутого в ходе упорной борьбы между различными наднациональными группами и отдельными странами в рамках Европейского Союза.

Реакция заинтересованных государств на очередное издание протекционистского режима не заставила себя долго ждать. В качестве ответной меры латиноамериканская «пятерка» подала новый иск против ЕС в Третейскую группу. В феврале 1994 г. в результате проведенного разбирательства ОРС признал европейский режим торговли бананами, базирующийся на Ломейской конвенции 1975 г., несовместимым с нормами ГАТТ [14]. Параллельно завершались переговоры в рамках Уругвайского раунда ГАТТ, поэтому Европейский Союз вынужден был пойти на определенные уступки, чтобы минимизировать репутационные издержки. Брюссель умиротворил своих латиноамериканских оппонентов рамочными соглашениями по торговле бананами, которые подписали четверо из пяти истцов: Коста-Рика, Колумбия, Венесуэла и Никарагуа. Данные соглашения корректировали банановый режим ЕС с учетом интересов перечисленных государств: во-первых, им предоставлялись особые экспортные квоты; во-вторых, правительства стран-участниц соглашений получали право выдачи лицензий, то есть возможность самостоятельно определять, какие компании будут ввозить бананы на европейский рынок. Кроме того, по итогам Уругвайского раунда Европейский Союз увеличивал квоту стран, не входящих в зону АКТ, с 2 млн. до 2,1 млн. тонн в 1994 г., и до 2,2 млн. тонн в 1995 г., а тариф на «долларовые» бананы был снижен со 100 до 75 ЭКЮ за тонну [14]. В конечном счете Европейский Союз фактически заблокировал решение ОРС ГАТТ, распространив умеренные преференции на одну группу поставщиков бананов из Латинской Америки и оставив без каких-либо преференций другую группу латиноамериканских стран. Все это выявило серьезные неполадки в работе механизма по разрешению споров в рамках ГАТТ.

В обоих приведенных случаях Соединенные Штаты, разделяя недовольство своих латиноамериканских партнеров банановыми режимами ЕС, формально не принимали участия в конфликтах. Торговый представитель США Карла Хиллс расценила единый европейский режим как вопиющее нарушение принципов ГАТТ, но при этом не спешила переходить от враждебной риторики к практическим мерам, несмотря на то, что компания «Чикита Интернэшнл», крупнейший поставщик бананов в стране, пыталась оказать давление на торгового представителя с целью защиты собственных интересов. Пассивная позиция К. Хиллс объяснялась не только нежеланием портить отношения с ЕС, но и учетом мнений латиноамериканцев, которые высказывались против прямого вмешательства Белого

дома в конфликт из опасения остаться «третьими лишними» в трансатлантической распре.

Однако «Чикита» не собиралась отступать: объектами лоббирования в короткие сроки стали Конгресс и администрация США. В 1993-1994 гг. генеральный директор «Чикиты» Карл Линднер потратил 1 млн. долларов на подкуп конгрессменов и сенаторов, представлявших как Республиканскую, так и Демократическую партии. Летом 1994 г. К. Линднер трижды встречался с Мики Кантором, новым торговым представителем Соединенных Штатов. Тем не менее неофициальные переговоры, даже невзирая на посредничество небезызвестного Роберта Доула (кандидата на пост президента США и по совместительству хорошего знакомого Линднера), не принесли банановому миллиардеру ожидаемых дивидендов. Зато предшествующая «работа» с респектабельными представителями обеих палат Конгресса в конечном счете окупилась в августе 1994 г., когда группа из двенадцати сенаторов (включая Р. Доула) отправила М. Кантору официальное обращение с просьбой в соответствии с разделом 301 Закона о торговле 1974 г. начать расследование, касающееся ущерба, который наносит новый банановый режим Европейского Союза базирующимся в США ТНК [16, Р. 153].

Аналогичная просьба содержалась и в другом обращении, подписанном пятьюдесятью членами Палаты представителей. В нем, в частности, утверждалось следующее: «Точно выраженным намерением властей [ЕС – А.К.], занимающихся квотированием и лицензированием товаров, является извлечение дополнительных доходов и сокращение доли американских компаний на европейском рынке...» [16, Р. 153]. 2 сентября 1994 г., параллельно с обращением конгрессменов, «Чикита» и «Гавайская ассоциация банановой индустрии» (ГАБИ) подали петицию такого же содержания непосредственно в администрацию У. Клинтона. В этих условиях М. Кантор не решился чинить дальнейшие препятствия одному из банановых монополистов, и в октябре 1994 г. официально объявил, что Соединенные Штаты начинают расследование на основании раздела 301 Закона о торговле 1974 г. ввиду того, что Регулирующее постановление №404 в числе прочего носит дискриминационный характер в отношении компании «Чикита», ограничивая ее возможности по продаже латиноамериканских бананов в Западной Европе [12, Р. 9-11]. Правомерность использования данного закона в подобном случае обоснованно поставил под сомнение бывший посол США в ЕС Э. Гарднер, обративший внимание на то, что в триста первом разделе речь идет о возможном применении экономических санкций против государств, обременяющих либо ограничивающих американскую (выделено мной – А.К.) торговлю. Это подразумевает непосредственную реализацию определенных товаров компаниями Соеди-

ненных Штатов, но, как известно, бананами торгуют латиноамериканские фирмы, финансируемые «Чикитой» [9, Р. 51].

Примечательно, что другие крупные банановые компании США «Доул Фудз» (вопреки логике событий, не имеющая никакого отношения к Р. Доулу) и «Дель Монте» не присоединились к петиции, инициированной «Чикитой», хотя «Доул», например, столь же резко критиковала торговый режим, введенный Брюсселем. В отличие от «Чикиты», ее конкуренты, рассчитывая минимизировать потери на рынках ЕС, избрали перестраховочную тактику, заблаговременно вложив немалые средства в африканские банановые плантации и закупив европейские контейнеры для облегчения процедуры лицензирования. Как следствие, в 1991-1994 гг. доля «Дель Монте» и «Доул» в европейской торговле бананами увеличилась с 7,5 до 8% и с 11 до 15% соответственно, в то время как доля «Чикиты» уменьшилась с 25 до 18,5% [9, Р. 40, 51].

В январе 1995 г. М. Кантор снова выступил с громким заявлением: предварительное расследование показало, что европейский режим обходится американским компаниям «в сотни миллионов долларов». В переписке с торговым комиссаром ЕС Леоном Бриттаном торговый представитель США угрожал санкциями, если Вашингтон и Брюссель не смогут договориться [16, Р. 155]. Однако в октябре 1995 г., когда истек предусмотренный законом годичный срок расследования, санкции так и не были введены. Причину следует искать в формировании ВТО. Будучи одним из главных инициаторов создания этого торгового института, США, в случае применения односторонних санкций против ЕС, рисковали первыми нарушить только что установленный порядок разрешения споров в рамках Всемирной торговой организации. Все страны-участницы ВТО получили бы возможность обвинить Соединенные Штаты в игнорировании правил международной торговли. Такой сценарий явно не входил в планы Белого дома, не желавшего приносить в жертву «банановой войне» собственную репутацию. Напротив, усовершенствованный механизм разрешения споров, согласно которому один голосующий участник не обладал правом вето, лишил Европейский союз возможности заблокировать решение ОРС и предоставлял Белому дому хороший шанс легально наказать Брюссель.

Важно подчеркнуть, что вмешательство США в банановый конфликт имело не только экономическую и международно-правовую, но еще и геополитическую подоплеку: фигурантами американского расследования, помимо Европейского Союза, также оказались Коста-Рика и Колумбия. В глазах Вашингтона Брюссель бесцеремонно вторгся в традиционную сферу влияния США, заключив рамочные соглашения с латиноамериканскими странами, минуя Белый дом. Соответственно, два государства,

находившиеся в орбите банановых инвестиций США, и переметнувшиеся на сторону ЕС, подлежали такой же ответственности, как и основной конкурент сверхдержавы, которого в буквальном смысле требовалось поставить на место.

Поэтому в сентябре 1995 г., не дожидаясь формального завершения срока расследования, США совместно с Мексикой, Гондурасом и Гватемалой – странами, не подписавшими рамочные соглашения с ЕС, – подали иск на Европейский Союз в Третейскую группу ВТО. В январе 1996 г. к американскому иску присоединился Эквадор – крупнейший мировой экспортер бананов, что значительно усилило позиции «антиевропейского» блока. США и их латиноамериканские партнеры указывали, что единый европейский режим торговли бананами нарушает нормы, зафиксированные в ГАТТ, ГАТС, а также в Соглашении о процедурах лицензирования импорта (СПЛИ). В фокусе американской критики оказались избирательные преференции Европейского Союза, не распространявшиеся на те государства Латинской Америки, которые не подписали рамочных соглашений с ЕС [1, Р. 370]. Вдобавок, Соединенные Штаты призвали к порядку Коста-Рику и Колумбию, заключив с этими государствами «Меморандум о понимании»: в полном соответствии с американскими установками, Сан-Хосе и Богота обязались поддерживать отмену дискриминационных ограничений в европейской торговле бананами. Тем самым Вашингтону удалось внести раскол в ряды новоявленных партнеров Брюсселя.

Между тем в самих Соединенных Штатах, в первую очередь, в лице «карибского лобби», шел процесс формирования оппозиции жесткому курсу Белого дома в отношении бананового режима ЕС. Эмигрантов из стран Карибского бассейна поддерживали «черный кокос» Палаты представителей, а также различные группы антиглобалистов и экологов, традиционно выступающие против транснациональных корпораций. «Чикита» становилась удобной мишенью для критики: почему интересы лояльных США карибских государств приносятся в жертву интересам одной компании? «С тем небольшим количеством бананов, которые мы выращиваем, мы не можем лишить любую другую страну рабочих мест, но для нас это имеет огромное значение, – заявила бывший премьер-министр Доминики Юджиния Чарлз, прозрачно намекая на минимальные последствия европейских преференций для мировой торговли. В то же время посол Ямайки напомнил Белому дому о таком понятии, как справедливость: «Каждая страна, включая Соединенные Штаты осознает, что в условиях свободного рынка вы принимаете во внимание наличие уязвимых участников. Если маленький процент участников получает своего рода особое обращение, это не влияет на функционирование рынка [в целом – А.К.]» [16, Р. 159].

Карибские политики, вероятно, забыли, что во имя интересов одной

компании США способны не только пренебречь интересами соседних стран, но и устраивать в этих странах государственные перевороты, как показал опыт взаимоотношений «Юнайтед Фрут» (предшественницы «Чикиты») и Белого дома. В результате карибское лобби, значительно уступавшее по степени влияния на Конгресс и администрацию США своим оппонентам, потерпело поражение: «черный кокус», составленный в основном из демократов, не смог переубедить республиканских лидеров Конгресса, а карибские дипломаты не договорились с коллегами из Госдепартамента, которые солидаризировались с Управлением торгового представителя (УТПР). Реагируя на жалобы карибских стран, чиновники этого ведомства неоднократно утверждали, что европейские преференции в действительности приносят мало пользы реципиентам, поскольку из каждого доллара, потраченного ЕС на обслуживание преференциального режима, государства зоны АКТ получают всего лишь 7,5 цента [16, Р. 159]. Однако соотнести эти данные с возможными убытками карибских стран в условиях отмены преференций УТПР не посчитало нужным.

В конечном счете в мае 1997 г. Третьей группой установлена, что банановый режим ЕС нарушает правила ГАТТ и ГАТС: противозаконными были признаны европейская система лицензирования, а также квоты, предоставленные государствам АКТ [11, Р. 90]. В январе 1998 г. ОРС ВТО на основании доклада Третьей группы вынес вердикт в пользу США и латиноамериканских стран, обязав Европейский Союз к 1 января 1999 г. скорректировать режим торговли бананами с учетом требований ГАТТ и ГАТС, а также Соглашения о лицензировании импорта, заключенного по линии ВТО [7, Р. 12].

Тем не менее «работа над ошибками», проведенная Европейским Союзом, не устроила Соединенные Штаты. «Исправленная» версия бананового режима сохраняла, пусть и в несколько измененном виде, систему лицензирования и наряду с увеличением квоты латиноамериканских стран (до 2 млн. 553 тыс. тонн) увеличивала также и квоту государств группы АКТ. В заявлении торгового представителя США прямо указывалось, что меры, предпринятые ЕС, носят косметический характер и не затрагивают существа проблемы [18]. В этих условиях в январе 1999 г. США обратились в ОРС ВТО с просьбой санкционировать введение компенсационных пошлин на отдельные товары, импортируемые из ЕС, что позволило бы возместить наносимый американскому государству ущерб. Стоимость потерь оценивалась УТПР в 520 млн. долларов [7, Р. 12]. Ответные ходы Брюсселя – обвинение США в попытках ввести санкции в одностороннем порядке, «несмотря на отсутствие какого-либо многостороннего решения о несоответствии реализуемых ЕС мероприятий рекомендациям и постановлениям ОРС», а также опротестование суммы компенсации [8]. Итоговый вердикт

ОРС ВТО, вынесенный 6 апреля 1999 г., зафиксировал очередную трансатлантическую сделку, учитывавшую требования обеих сторон: новый вариант бананового режима ЕС квалифицировался как противоречащий нормам ВТО, но в то же время, по сравнению с первоначальными расчетами УТПР, возместительные выплаты сокращались почти на 2/3, и составили всего лишь 191,4 млн. долларов [7, Р. 12]. 9 апреля 1999 г. администрация США обнародовала перечень европейских товаров, на которые устанавливались стопроцентные пошлины (принадлежности для ванной, пластиковые предметы, картонки, бытовые электротермические чайники и кофеварки и др.) [7, Р. 12]. 19 апреля данный список был утвержден ВТО [11, Р. 90]. Казалось бы, сумма, из-за которой шел спор, не стоила обострения ситуации. Однако в тот момент Соединенные Штаты в первую очередь защищали легитимность ВТО. Логика Вашингтона была предельно простой: как подчеркивал директор по персоналу УТПР Питер Шер, если прежде Соединенные Штаты трижды подчинялись решениям ВТО и отказывались от реализации несправедливых торговых практик, не заменяя их другими мерами, несовместимыми с принципами международной торговли, то Европейский Союз должен поступить таким же образом в отношении торговли бананами; в противном случае участие стран ЕС во Всемирной торговой организации лишено всякого смысла [17].

В мае 2000 г., чтобы усилить давление на Брюссель, Конгресс США принял «Закон о торговле и развитии» (более известный под неофициальным названием «Закон о карусельных санкциях»), позволявший периодически менять европейские товары, подлежащие дополнительному таможенному обложению, но сохраняя при этом установленную ВТО общую стоимость пошлин [16, Р. 162]. Тем самым в «санкционную карусель» могли попасть любые европейские экспортеры. США не успели применить данный закон на практике именно потому, что Европейский Союз, опасаясь возможности его применения, начал постепенно вносить коррективы в свой «банановый режим». Летом 2000 г. ЕС ввел новую систему лицензирования импорта бананов, основанную на принципе: «первым пришел – первым обслужен», то есть экспортеры объявляли о своем намерении ввезти в страны ЕС определенное количество бананов, когда их суда уже были загружены товаром и спущены на воду [16, Р. 162].

Европейская инновация окончательно развела по разные стороны баррикад компании «Чикита» и «Доул». «Чикита» выступила против нового принципа на том основании, что ее лишают фиксированной квоты на европейском рынке. В то же время компания «Доул» воспринимала принцип «первым пришел-первым обслужен» как основу свободной и справедливой маркетинговой системы и обвиняла «Чикиту» в стремлении получить гарантированные преимущества над конкурентами. Последнее слово остава-

лось за администрацией У. Клинтона, которая вполне предсказуемо заняла сторону «Чикиты». «Мы разочарованы тем, что в очередной раз ЕС объявляет о неспособности выполнить обязательства по линии ВТО, касающиеся бананов, и [в качестве альтернативы – А.К.] выдвигает планы более детального изучения проблемы», - говорилось в одном из официальных заявлений УТПР [16, Р. 163]. Европейский Союз вновь занял выжидательную позицию, не спеша реагировать на упреки Вашингтона.

Смена администрации в Белом доме (январь 2001 г.) активизировала переговорный процесс, приостановленный в 2000 г. Новые чиновники, севшие за стол переговоров, нашли взаимопонимание быстрее, чем их предшественники. 11 апреля 2001 г. Роберт Зеллик (торговый представитель США) и Паскаль Лами (торговый комиссар ЕС) договорились о том, что Европейский Союз откажется от применения пресловутого принципа «первым пришел-первым обслужен». Это нанесло серьезный удар по компании «Доул», представитель которой язвительно заявил, что для УТПР главным вопросом является создание системы, заботящейся о «Чиките». «Уолл-стрит джорнэл» сопоставил финансовую активность К. Линднера и Д. Мэрдока (генеральный директор «Доул») в ходе предвыборной кампании 2000 г.: Линднер потратил 1 млн. 30 тыс. долларов на республиканцев и 677 тыс. долларов на демократов, в то время как Мэрдок – 134 тыс. долларов на республиканцев и 25 тыс. долларов на демократов [4]. В итоге подтвердилась хрестоматийная закономерность: тот, кто вложил больше средств в лоббистскую деятельность, оказался в выигрыше. Представители «Чикиты» оправдывали подобные финансовые операции тем, что им любой ценой требовалось вернуть свою долю на европейском рынке, так как банановый режим ЕС обошелся им в 1,5 млрд. долларов [4].

В преддверии Дохийского раунда ВТО шаг Брюсселя, сделанный на встречу Вашингтону, произвел позитивное впечатление на администрацию Дж. Буша-мл. Чтобы не осложнять и без того не обещающие быть легкими переговоры в Катаре, Соединенные Штаты приостановили действие возмездительных тарифов на товары ЕС.

Европейский Союз оценил широкий жест заокеанского партнера и ответил обязательством к январю 2006 г. заменить сложную систему квот и лицензирования импорта исключительно тарифным режимом торговли бананами, который должен был распространяться на все страны за пределами зоны АКТ; на протяжении переходного периода (2001-2005 гг.) сохранялся преференциальный режим торговли с группой АКТ [14]. Брюссель рассчитывал компенсировать предстоявшее упразднение квот и лицензий общим повышением тарифных ставок. Однако предложенные ЕС новые банановые тарифы – сначала 230 евро за тонну, чуть позже 187 евро за тонну – вызвали сопротивление со стороны латиноамериканских экспортеров.

В результате ОРС ВТО решениями от 1 августа и 27 октября 2005 г. признал проектируемые европейские тарифы не соответствующими минимальным требованиям доступа товаров на рынок [14].

Таким образом, ЕС не оправдал ожиданий Соединенных Штатов и латиноамериканских государств, что послужило причиной дальнейших разбирательств на уровне третейских групп ВТО, последовательно инициированных Эквадором, Колумбией, США и Панамой в 2006-2007 гг. Предпринятое ЕС снижение бананового тарифа до 176 евро за тонну больше напоминало паллиативную меру, чем попытку положить конец торговой войне [14].

В этой ситуации на помощь Вашингтону и Брюсселю подоспела министерская конференция ВТО, которая проходила в Женеве 30 ноября – 2 декабря 2009 г. 15 декабря 2009 г., после окончания переговоров представители ЕС и латиноамериканских стран подписали соглашение, которое принято считать итоговым компромиссом, завершившим пятнадцатилетнюю «банановую войну»: Европейский Союз выразил готовность поэтапно снижать банановый тариф со 176 до 114 евро за тонну к 2017-2019 гг. (в зависимости от эффективности Дохийского раунда ВТО), причем уже в 2009 г. тариф понижался до 148 евро за тонну; взамен латиноамериканские государства обязались впредь не требовать дальнейшего снижения тарифа и отозвать все иски, направленные против ЕС. Страны АКТ получали право беспощинной и не ограниченной квотами и лицензиями торговли бананами с Европейским Союзом. Чтобы поддержать бывшие колонии в условиях ужесточившейся конкуренции с Латинской Америкой, ЕС выделил АКТ транш на сумму 200 млн. евро [6].

Вашингтон, наконец-то удовлетворенный действиями Брюсселя, прекратил разбирательства, касающиеся бананового режима ЕС, в арбитражных инстанциях ВТО. Высокопоставленные чиновники Европейской Комиссии были единодушны в положительной оценке Женевского соглашения. Наиболее красноречиво, хотя и лаконично, высказался президент ЕК Ж. Барозу: «Я счастлив, что мы в конечном счете нашли способ решить спор из-за бананов с помощью компромисса, который работает [в интересах] всех сторон» [6].

Однако оптимизм европейских чиновников можно разделить лишь отчасти: уроки наиболее затяжного трансатлантического столкновения заставляют задуматься о серьезных проблемах, которые выходят за рамки отдельно взятого торгового конфликта.

Во-первых, речь идет об исключительной важности применения принципа наибольшего благоприятствования в международной торговле. До того, как была создана ВТО, дискриминационная практика ЕС в отношении латиноамериканских стран, ориентированных на экспорт бананов,

фактически поставила под угрозу функционирование системы международной торговли, подчиняющейся правилам ГАТТ. При этом Европейский Союз, прикрываясь заботой о развивающихся странах АКТ, действовал в интересах европейских ТНК, а Соединенные Штаты, выступая в роли защитника латиноамериканских государств, соответственно продвигали интересы своих компаний.

Во-вторых, банановый конфликт послужил наглядной иллюстрацией эффективности механизма урегулирования споров в рамках ВТО: если во времена ГАТТ ЕС мог пренебречь решениями третейской группы, предоставив оппонентам в виде компенсации символические уступки, то после создания ВТО арбитражные институты в конечном счете вынудили Брюссель значительно скорректировать режим торговли бананами.

В-третьих, банановая война продемонстрировала, что даже при наличии ВТО, и в ситуации, когда их претензии обоснованы международным правом, развивающимся странам трудно рассчитывать на успех без поддержки могущественных покровителей. Сохранение преференций для государств АКТ возможно только благодаря активной позиции Европейского Союза; в то же время выступление США на стороне латиноамериканских банановых экспортеров имело решающее значение в корректировке торгового режима ЕС. В свою очередь, Вашингтон и Брюссель становятся все более зависимыми от посреднических функций развивающихся стран в рамках ВТО, когда речь идет об урегулировании двусторонних экономических противоречий. Таким образом, уместно говорить об определенном уровне взаимозависимости США, ЕС и развивающихся стран в системе многосторонней торговли.

В-четвертых, вновь показал свою силу экономический лоббизм «по-американски»: вмешательство США в банановый конфликт и последующее активное противодействие ЕС во многом были обусловлены интересами компании «Чикита Интернэшнл»; хотя нельзя исключать и того варианта, при котором Белый дом не остался бы в стороне и в случае пассивности «Чикиты», исходя из репутационных интересов, диктующих создание образа законопослушного лидера ВТО.

В-пятых, с учетом грядущих финансовых проблем, связанных, в первую очередь, с выходом из состава ЕС Великобритании, являющейся одним из ключевых доноров и ведущей военной державой Европейского Союза, можно ожидать новую волну европейского протекционизма и, как следствие, повышение тарифов, в том числе и на ввоз бананов. Перефразируя известное высказывание М. Твена, слухи об окончательном урегулировании бананового конфликта сильно преувеличены. Торговые войны наверняка останутся вечными спутниками трансатлантических отношений.

Библиографический список / Reference

1. Alter K.J., Meunier S. Nested and Overlapping Regimes in the Transatlantic Banana Trade Dispute // Journal of European Public Policy. 2006. № 3.
2. Badinger H. Welfare Implications of the EU's Common Organization of the Market in Bananas for EU Members. IEF Working Paper №38. // URL: <http://fgr.wu-wien.ac.at/INSTITUT/ef/wp/WP38.pdf> (08.06.2021).
3. Cadot O., Webber D. Banana Splits: Policy Process, Particularistic Interests, Political Capture and Money in Transatlantic Trade Politics // Business and Politics. 2002. № 4.
4. Cooper H. Dole Fails to Find Much Appeal in Accord to End Banana War // Wall Street Journal, 13 April 2001. // URL: <http://www.wsj.com> (18.02.2021).
5. European Commission. Council Regulation (EEC) No.404/93 of 13 February 1993 on the Common Organization of the Market in Bananas // Official Journal of the European Communities. 25 February 1993. Vol. 36.
6. European Commission. Directorate-General for Trade. Ending the longest Trade Dispute in History: EU Initials Deal on Bananas with Latin American Countries. Brussels, 15 December 2009. // URL: <http://www.trade.ec.europa.eu> (04.07.2016).
7. European Commission. 1999 Report on United States barriers to Trade and Investment. Brussels: European Commission, 1999.
8. European Communities Regime for the Importation, Sale and Distribution of Bananas, Request for the Establishment of a Panel by the European Communities. WT/DS27/40 (98-5063). December 15, 1998. // URL: <http://www.wto.org> (26.04.2021).
9. Gardner A. A New Era in US-EU Relations? The Clinton Administration and the New Transatlantic Agenda. Aldershot: Avebury, 1997.
10. Grossman L. The Political Ecology of Bananas: Contract Farming, Peasants and Agrarian Change in the Eastern Caribbean. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1998.
11. Office of US Trade Representative. 2000 Report on Foreign Trade Barriers. Washington, DC: GPO, 2000.
12. Rosegrant S. Banana Wars: Challenges to the European Union's Banana Regime. Boston: Harvard University, Kennedy School of Government Case Study, 1999.
13. Salas M., Jackson J. Procedural Overview of the WTO EC-Banana Dispute // Journal of Economic Law. 2000. № 3.
14. Simi T.B., Kaushik A. The Banana War at the GATT/WTO. // URL: <http://www.cuts-citee.org> (20.06.2021).
15. Stevens C. Trade with Developing Countries. In Wallace W., Wallace H. (eds.). Policy Making in the EU. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 410.
16. Stovall J.G., Hathaway D.E. US Interests in the Banana Trade Controversy. In: Josling T.E., Taylor T.G. (eds.). Banana wars: the Anatomy of a Trade Dispute. Wallingford: CABI Publishing, 2003. P. 153.
17. USTR's Peter Scher Press Conference on EU Banana Regime. November 19, 1998. Available at: <http://www.useu.be> (10.03.2021).
18. USTR Statement on EC Banana Decision. July 01, 1998. Available at: <http://www.useu.be> (10.03.2021).

Тап Н.Д.

Аспирант, кафедра теории и истории международных отношений и внешней политики.

Дуву Ф.М.

Аспирант, кафедра теории и истории международных отношений и внешней политики. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Причины неэффективности международных организаций в разрешении кризисов в Африке: на примере ЭКОВАС*

Аннотация. В XIX веке африканский континент оказался в центре внимания колониальных империй, что определило их геополитические интересы. Однако борьба за ресурсы не закончилась с обретением африканскими странами независимости: в годы холодной войны они стали полем боя между советским и американским блоками, а бывшие метрополии и сегодня стремятся вмешиваться в их внутренние дела. Сегодня африканские государства сталкиваются с различными вызовами и угрозами: демографическими проблемами, проблемами международного терроризма, распространением инфекционных заболеваний и территориальными конфликтами. Для решения этих проблем африканские страны стремятся консолидироваться в рамках межгосударственных союзов, деятельность которых важно изучать в контексте становления современного многополярного мира: именно для этого было создано Экономическое сообщество государств Западной Африки (ЭКОВАС), главной целью которого было укрепление экономики. Однако эта организация превратилась в организацию, занимающуюся предотвращением и разрешением конфликтов. Цель данного исследования - выявить причины неэффективности этой региональной организации в разрешении кризисов в Западной Африке.

Ключевые слова: урегулирование, политические кризисы, неэффективность, международная организация, суверенитет, ЭКОВАС, Глобализация, Суверенные государства, финансовые трудности, электоральные кризисы.

* © Тап Н.Д., Дуву Ф.М., 2024.

Tape G.D.

Phd student, department of theory and history of international relations and foreign policy.

Duvu P.M.

Phd student, department of theory and history of international relations and foreign policy. Peoples' Friendship University of Russia.

Reasons for the ineffectiveness of international organisations in resolving crises in Africa: the case of ECOWAS

Abstract. In the 19th century, the African continent became the focus of attention of the colonial empires, which determined their geopolitical interests. However, the struggle for resources did not end when African countries gained their independence: during the Cold War, they became a battleground between the Soviet and American blocs, and the former metropolises are still seeking to interfere in their internal affairs today. Today, African states are faced with various challenges and threats: demographic problems, the problems of international terrorism, the spread of infectious diseases and territorial conflicts. To solve these problems, African countries are striving to consolidate themselves within the framework of inter-state unions, whose activities are important to study in the context of the emergence of a modern multipolar world: this is precisely why the Economic Community of West African States (ECOWAS) was created, with the main aim of strengthening the economy. However, the organization has evolved into one dedicated to conflict prevention and resolution. The aim of this study is to identify the reasons for the ineffectiveness of this regional organization in resolving crises in West Africa.

Key words: resolution, political crises, inefficiency, international organization, sovereignty, ECOWAS, Globalization, Sovereign States, financial difficulties, electoral crises.

После обретения независимости колоний Африка страдает от проблем, связанных с ее прошлым, экономикой, безопасностью и вооруженными конфликтами. Столкнувшись с этими ситуациями, континент решил работать над гармонизацией экономической политики и политики безопасности.

С этой целью были созданы континентальные и субрегиональные организации [1,3]. Для них характерно двойное движение - панафриканизм, в данном случае создание Организации африканского единства (ОАЕ), и субрегионализм [18, с. 352]. Первый относится к организациям, возникшим в период деколонизации. Так, в 1963 году, движимая панафриканской мечтой, была создана Организация африканского единства, которая сыграла важную роль в процессе деколонизации.

Согласно статье II Устава организации: «Целями Организации являются, в частности, укрепление единства и солидарности африканских государств, координация и активизация их сотрудничества и их усилий по обеспечению лучших условий жизни африканских народов»[1]. Но из-за отсутствия оперативных средств она породила второй тип региональной организации, призванием которой является содействие экономическому сотрудничеству государств-членов. Так, 28 мая 1975 года родилось Экономическое сообщество государств Западной Африки. Предотвращение и управление кризисами в целом и избирательными кризисами в частности на африканском континенте являются предметом растущего интереса и инициатив со стороны африканских государств и международного сообщества. В этой связи африканские субрегиональные организации, такие как ЭКОВАС, все больше вовлекаются в управление и разрешение конфликтов внутри государств и между ними.

Изначально ЭКОВАС была региональной организацией, в первую очередь занимавшейся развитием экономики стран-членов. Под давлением политических событий ЭКОВАС постепенно превратился в организацию, которая также отвечает за поиск решений многочисленных политических кризисов, угрожающих миру и безопасности в сообществе [3].

Действительно, 1990-е годы стали десятилетием демократических преобразований на африканском континенте, которые разные страны переживали по-разному. ЭКОВАС, даже в силу экономических причин, не мог не воплощать демократические ценности и отстаивать политические принципы, которые только начинали официально приниматься главами государств и правительств стран-членов.

Однако следует сказать, что, несмотря на внушительную правовую базу, которой располагает организация для предотвращения, регулирования и разрешения кризисов, ее деятельность и инициативы по улучшению благосостояний людей наталкиваются на множество препятствий. Другими словами, ЭКОВАС часто оказывается слабым и неспособным найти эффективные и устойчивые решения политических кризисов и конфликтов, с которыми он сталкивается [7].

Цель данной статьи - выявить и проанализировать причины неэффективности африканских международных организаций, в частности ЭКОВАС,

в разрешении кризисов в Западной Африке. Статья состоит из двух основных частей. В первой части статьи проводится обзор создания ЭКОВАС и эволюции его целей. Во второй части исследования рассматриваются основные недостатки организации в управлении кризисами в Западной Африке.

Идея перехода к экономической организации на африканском континенте в целом и в Западной Африке в частности не нова. Эта инициатива во многом обусловлена историей стран Западной Африки, их языковым и культурным разнообразием. Действительно, прошлое Африки отмечено колонизацией различными европейскими национальностями (португальской, испанской, английской, итальянской, голландской, немецкой, бельгийской и французской).

Эта колонизация оставила свой след на африканской земле в виде языкового и культурного наследия различных колонизированных стран. Вот почему в Западной Африке мы находим языковое разнообразие, в частности, французский, английский и португальский языки, не забывая о языках коренных народов, таких как хауса, мандинго, волоф, бауле...

Следует отметить, что задолго до колонизации в этой части континента уже существовали великие империи и королевства. К ним относятся империи Ганы, Мали, Сонгай и королевство Дагомея-Бенин. Сильная организация этих империй объясняет привязанность африканцев к культурным, языковым и экологическим факторам региона. Эта привязанность также является вектором возможностей в процессе интеграции, поскольку желание объединить усилия в политическом и экономическом плане всегда признавалось как шаг к созданию общего процветания в регионе [2].

С этой целью первые интеграционные усилия были предприняты в 1945 году с созданием франка КФА, который объединил франкоязычные страны в идее общего экономического и валютного союза. До начала 1972 года единственные договоры о горизонтальном сотрудничестве, существовавшие в Западной Африке, были настоящими придатками французского колониализма:

Западноафриканский таможенный союз, созданный французами во время колонизации, Консейль де л'Антанта, который объединял четыре франкоязычных государства. (Бенин, Буркина-Фасо, Кот-д'Ивуар и Нигер), и оба они управлялись из Парижа. К ним следует добавить Экономическое сообщество Западной Африки (СЕАО) [13].

Таким образом, это был небольшой круг бывших французских колониальных зависимых государств в Западной Африке. Это означает, что до создания этой региональной организации в 1975 году три сообщества, объединенные внутри и разделенные внешне тремя языками (французским, английским и португальским), абсолютно ничего не знали друг о друге. Благодаря воле и явной приверженности бывшего президента Нигерии

генерала Якубу Говона и его тоголезского коллеги Гнассингбе Эйадемы в зоне Западной Африки велась пропаганда и продвижение идеи политической и экономической организации. Благодаря их усилиям проекты были разработаны и даже легли в основу Лагосского договора 1975 года, который дал начало ЭКОВАС [5, 17].

В настоящее время ЭКОВАС состоит из восьми франкоязычных стран (Бенин, Буркина-Фасо, Кот-д'Ивуар, Гвинея, Мали, Нигер, Сенегал, Того), пяти англоязычных стран (Гамбия, Гана, Либерия, Сьерра-Леоне, Нигерия) и двух португалоязычных стран (Кабо-Верде, Гвинея-Бисау). Мавритания, которая была одним из членов-основателей, вышла из организации в 2000 году.

Организация состоит из восьми основных институтов: конференция глав государств и правительств, совет министров, парламент сообщества (6 августа 1994 года), экономический и социальный совет, суд (1991 год), комиссия (14 июня 2006 года), банк инвестиций и развития и Западноафриканская организация здравоохранения. Следует напомнить, что ЭКОВАС с самого начала имело очень сильные амбиции, ограниченные в основном экономической сферой [5].

Целью Сообщества было содействие сотрудничеству и развитию во всех областях экономической деятельности, особенно в промышленности, транспорте, телекоммуникациях, энергетике, сельском хозяйстве, природных ресурсах, торговле, валютно-финансовых вопросах, а также в социальной и культурной областях, с целью повышения уровня жизни его народов, повышения, укрепления и поддержания экономической стабильности, консолидации отношений между его членами и содействия прогрессу и развитию Африканского континента [3].

Для достижения этих целей Сообщество постепенно:

- Содействовать свободному перемещению товаров и людей между странами-членами;
- Постепенно отменять таможенные пошлины между странами-членами;
- Создать региональную транспортную и коммуникационную инфраструктуру для обеспечения свободного передвижения людей и товаров;
- Обеспечить единую валюту Сообщества в долгосрочной перспективе;
- Содействовать сотрудничеству и развитию во всех областях;
- Создать экономический и валютный союз и содействовать развитию частного сектора;
- Разработать общую экономическую политику и развивать коммуникации, энергетику и агропромышленные исследования.

Главы государств изначально отвели себе тридцать лет для достижения этих целей. Однако путь был долгим и сопряжен со многими препятствиями, которые в какой-то мере изменили амбиции Экономического сообщества западноафриканских государств.

Созданное в экономических целях для стимулирования развития региона, как уже говорилось выше, ЭКОВАС постепенно определилось с другим, не менее важным призванием: политическим развитием.

Действительно, это развитие зависит от обеспечения жизнеспособности мира и политической стабильности в регионе. В результате, Учитывая характер политических событий, а также контекст региональной безопасности, угрожающий стабильности и безопасности всего пространства сообщества, ЭКОВАС постепенно трансформировалось в организацию по урегулированию политических кризисов, безопасности и обороны. Последовательные политические кризисы, а также соперничество между правительствами в поисках регионального лидерства продемонстрировали необходимость реализации общей политики безопасности. затем все технические финансовые средства ... которые с самого начала предназначались для содействия и поощрения экономического развития, были использованы для продвижения, установления мира, а также борьбы с вооруженными конфликтами в регионе, потому что без мира, безопасности и политической стабильности, экономическое развитие были бы невозможны [8].

С этой целью государства-члены подписали в апреле 1978 года в Лагосе протокол о неприменении силы для разрешения конфликтов между государствами-членами и о неказании помощи в подрывной деятельности против третьего государства. Было бы иронично, если бы ЭКОВАС пыталось добиться экономического развития региона, в то время как он стагнирует перед лицом беспрецедентной политической нестабильности [4].

Следует сказать, что протокол, принятый для обеспечения стабильности региона, не всегда соблюдался некоторыми странами-членами, которые поддерживали или служили опорой для подрывной деятельности или восстаний против других стран-членов. Будь то Агачерский конфликт между Буркина-Фасо и Мали, или конфликт между Мавританией и Сенегалом, гражданские войны в Либерии, Сьерра-Леоне, Гвинее-Бисау, Кот-д'Ивуаре или, в частности, попытки дестабилизировать некоторые режимы, как, например, в Бенине, когда в 1977 году наемники высадились на берег. в Буркина-Фасо с убийством Томаса Санкары в 1987 году, в Гвинее-Бисау во время свержения, а затем убийства Нино Виера, или в Того во время попытки вторжения в 1986 году, этот протокол оказался неэффективным [4].

Что касается политического уровня в строгом смысле слова, то после либерийского кризиса, начавшегося в 1989 году, ЭКОВАС открыл для себя новое призвание, которое с большей вероятностью будет способствовать миру и стабильности в регионе. Это были западноафриканские миротворческие силы, широко известные как ЭКОМОГ [6].

ЭКОМОГ стал настоящим испытанием для региональной интеграции.

Вместо того чтобы вызвать энтузиазм среди стран-членов, отправка нигерийского военного контингента в Либерию вызвала раскол в организации. Идея заключалась в том, чтобы превратить экономическое сообщество в «глобальную зону безопасности», направив в Либерию миротворческие силы для обеспечения соблюдения режима прекращения огня [10].

По поводу военного вмешательства в Либерии возникло два лагеря и два мнения. Некоторые государства-члены были настроены очень враждебно по отношению к этой инициативе, ссылаясь на риск распространения конфликта на субрегион. Сьерра-Леоне, Гвинея, Гамбия и Кот-д'Ивуар (страны, граничащие с Либерией) не скрывали своих опасений, что конфликт распространится на регион [20].

Деполитизация международной сцены привела к политическим открытиям в Африке. Государства ЭКОВАС приняли политическую современность, отказавшись от монолитности и приняв конкурентную демократию с многопартийными выборами.

Это быстро привело к серии предвыборных конфликтов на политической арене, на фоне серьезных нарушений прав человека и распада государства. Эта беспрецедентная ситуация потребовала реорганизации договора с учетом императивов эффективного демократического управления.

Несмотря на новые цели и все меры, принятые для установления и поддержания политической стабильности в регионе, мы наблюдаем провал со стороны ЭКОВАС. Этот провал можно объяснить несколькими причинами:

Во-первых, финансовые трудности ЭКОВАС. Каждому политическому институту для функционирования необходимы ресурсы. По мнению всех специалистов, хорошо известно, что одна из основных причин неэффективности вмешательства организаций сообществ в разрешение западноафриканских кризисов кроется в неадекватности автономного финансирования действий по разрешению. Практически все региональные организации Африки испытывают проблемы с финансированием, что приводит к постоянной дисфункции и, в свою очередь, параличу их деятельности. Например, трудности с казначейством государств-членов привели к блокированию систем сборов и компенсаций. Если финансовые потребности институтов Сообщества не будут полностью удовлетворены, трудности или даже срыв интеграционного процесса станут неизбежными [11].

Что касается, в частности, Экономического сообщества западноафриканских государств, то следует отметить, что оно, наконец, столкнулось с ситуацией, которую никогда не понимало. Действительно, имея при рождении лишь экономическое призвание и не будучи экономически сильным, оно сталкивается с огромными трудностями в решении основных проблем субрегиона. Эти трудности носят финансовый характер, поскольку

ку разрешение конфликтов требует огромного бюджета, который мог бы поддержать социальные слои, переживающие кризис, военные операции, их амуницию и подготовку дипломатов или посредников [8].

Здесь следует отметить, что организация несколько раз страдала во время военных операций. Эти трудности можно объяснить тем, что новые независимые государства-члены ЭКОВАС не успели построить сильную экономику. в этом контексте экономическая слабость, многочисленные кризисы и конфликты всех видов и состояние незащищенности серьезно ограничили вклад государств-членов в коллективные действия.

Во-вторых, вопрос государственной суверенности и невозможная эффективность эковас. Действительно, привязанность африканских государств к священному принципу самоопределения и, как следствие, их отказ уступить часть своего национального суверенитета международным организациям ограничивают возможности ЭКОВАС в действиях. На это указывают Малам К. и Луаба Л. Н. [13], которые считают, что африканские региональные институты не способны удовлетворить требования подлинной региональной интеграции из-за преобладания национального суверенитета в органах, принимающих решения [16].

Здесь, как представляется, есть дипломатическая причина, характеризующаяся тем, что все международные организации на континенте имеют в качестве принципа уважение суверенитета государств-членов. Статья 3 Устава АС гласит: «Государства-члены для достижения поставленных целей торжественно подтверждают уважение суверенитета и территориальной целостности каждого государства и его неотъемлемого права на независимое существование» [2]. Такое положение может только ограничить сферу вмешательства международных организаций, особенно в их усилиях по разрешению кризисов.

Все государства ЭКОВАС одинаково твердо придерживаются принципа неосязаемости своего национального суверенитета. Это оправдывает неэффективность его вмешательства в разрешение политических конфликтов, особенно электоральных, которые они считают внутренним делом государства. Следовательно, главы государств и правительств не желают подчиняться внешним требованиям. В качестве иллюстрации следует отметить, что ЭКОВАС сталкивается с теми же трудностями в привлечении государств-членов к ответственности. Действительно, когда президент Нигера Мамаду Танджа демонстрирует намерение продлить свой мандат на три года и выступает против всех институтов государства, ЭКОВАС предупреждает его и поднимает угрозу санкций.

Несмотря на это, правительство Нигера 4 августа 2009 года организовало референдум продлении мандата Танджи и начало организовывать досрочные выборы в законодательные органы. На чрезвычайном самми-

те по нигеру главы государств потребовали приостановить проведение выборов в законодательные органы для развития политического диалога под страхом санкций, предусмотренных текстами. Ганджа проигнорировал эту угрозу и организовал выборы в законодательные органы 20 октября 2009 года, которые он, безусловно, выиграл [13, 12].

В-третьих, политические причины неэффективности ЭКОВАС в разрешении кризисов. Политические причины - это те, которые играют главную роль в бессилии вмешательства ЭКОВАС, и мы попытаемся развить некоторые аспекты этого. С одной стороны, неэффективность африканских международных организаций, и в частности ЭКОВАС, в разрешении электоральных конфликтов оправдывается противоречивой политической карьерой глав африканских государств. Действительно, редко можно найти главу государства на африканском континенте, чьи выборы или переизбрание не были предметом споров или подозрений в честности голосования, как со стороны населения, так и со стороны иностранных держав. Но, несмотря на эти критические замечания и вызовы, Конференция глав государств остается в основном безучастной, часто ограничиваясь призывом к спокойствию и просьбой к действующим президентам использовать мирные средства и правовые каналы для оспаривания результатов, а не вводить санкции или отказываться признавать президента, чье избрание или переизбрание находится под вопросом.

В лучшем случае, как в Того в 2005 году, организация просто призывает политических игроков разделить власть, назначив члена оппозиции премьер-министром (Иден Коджо). Это решение, которое является очень спорным, также было предложено Африканским союзом в Кении (назначение Райлы Одинги премьер-министром вместо Мваи Кобаки в 2009 году) и в Зимбабве (назначение Моргана Цвангираи премьер-министром вместо Роберта Мугабе в 2008 году) [13].

Молчание, наблюдаемое ЭКОВАС, или отказ наказывать плохо избранных президентов оправданы, потому что это действительно претенциозно и в то же время трудно критиковать другого, который находится в невыгодном положении, особенно если у него самого есть политическое прошлое или, лучше сказать, темное политическое прошлое.

С другой стороны, стоит выделить вмешательство западных держав во внутренние дела стран-членов ЭКОВАС, что, к сожалению, ставит под сомнение авторитет ЭКОВАС.

Действительно, вездесущность западных держав, и в особенности Франции, на первый взгляд кажется похвальной помощью, но на самом деле это разрушительное присутствие, обнажающее слабость ЭКОВАС [11].

Недавняя ситуация в Мали, потребовавшая немедленного вывода французских войск, наглядно демонстрирует, что Франция удержива-

ет ЭКОВАС [9]. Действительно, недовольная решением, принятым Мали против нее, и изо всех сил пытаюсь увидеть, как Мали сотрудничает с другими государствами, такими как Россия, Франция оказала давление на Африканский союз, Европейский союз и особенно ЭКОВАС, чтобы они ввели санкции против Мали [15, 19].

тем более очевидно, что во Франции Министр обороны Флоранс Парли объявила об этих санкциях еще до того, как администрация ЭКОВАС приняла такое решение [14].

Ключи к власти влияния находятся в руках бывших колониальных держав, а отсутствие поддержки конституционных институтов африканских государств работает не в пользу государств-членов организации. Это отсутствие гарантий и суверенного доверия показывает, что ЭКОВАС больше не актуален. Африка не узнает мира, если она не сможет решить сама, потому что разумно помнить, что тот, кто решает за вас без вас, решает против вас. Другим примером западного контроля является случай с Кот-д'Ивуаром, где решения Франции и ООН не принесли пользу стране, что привело к избирательному кризису в 2010 г [16]. Где был ЭКОВАС при принятии решения, которое должно было быть принято? Почему ЭКОВАС принял решение в пользу Аласана Драмана Уаттары? Разрешение конфликтов в этом субрегионе будет возможно только тогда, когда ЭКОВАС возьмет на себя ответственность и не уступит ее Западу.

Заключение

Из анализа видно, что при создании ЭКОВАС африканские государства выразили желание улучшить экономическую ситуацию и благосостояние людей в Западной Африке. Изначально поставив экономические цели, общество быстро осознало необходимость уделять больше внимания политической ситуации в регионе. Затем ЭКОВАС создало все необходимое для достижения своих целей, будь то на институциональном, нормативном, финансовом и других уровнях.

Однако можно сказать, что выполнение этой задачи оказалось более трудным, чем ожидалось, из-за многочисленных кризисов и конфликтов, охвативших субрегион. В результате в деятельности ЭКОВАС было выявлено множество недостатков. Эти недостатки представляют собой серьезную слабость в общем антикризисном управлении организацией. Некоторые из них связаны с институциональной структурой, которая оставляет мало пространства для маневра различным структурам, созданным для выявления и разрешения кризисов на начальном этапе, превентивно или иным образом, а также связаны с вездесущим присутствием Запада во внутренних делах различных стран-членов ЭКОВАС. Другие слабости связаны с важностью, которую государства придают священному принципу своего

суверенитета, и с отсутствием финансовых ресурсов для финансирования различных мероприятий.

Столкнувшись с дилеммой построения сильной экономики и обеспечения безопасности и благосостояния населения, ЭКОВАС имеет достаточно активов, чтобы выиграть пари. И это будет сделано путем завоевания доверия населения, урегулирования конфликтов и соблюдения своих стандартов.

Библиографический список:

1. Устав Организации африканского единства (ОАЕ) 25 мая 1963 года // URL: <https://www.peaceau.org/uploads/charte-de-l-oua-fr.pdf> (Дата обращения: 21.03.2023)
2. Учредительный акт Африканского союза от 11 июля 2000 года // URL: <https://www.peaceau.org/uploads/constitutive-act-fr.pdf> (Дата обращения: 21.03.2023)
3. Договор об Экономическом сообществе государств Западной Африки. Заключен в Лагосе 28 мая 1975 года. Зарегистрирован Нигерией 28 июня 1976 года // URL: <https://www.refworld.org/pdfid/4921802f2.pdf> (Дата обращения: 21.03.2023)
4. Протокол A/SP1/12/01 о демократии и надлежащем управлении, дополнительный к Протоколу, касающемуся механизма предупреждения, регулирования и разрешения конфликтов, поддержания мира и безопасности. // URL: <https://www.eisa.org/pdf/ecowas2001protocol1.pdf> (Дата обращения: 21.03.2023)
5. Пересмотренный договор ЭКОВАС от 1993 года. // URL: <https://www.ecowas.int/wp-content/uploads/2015/02/Traite-Revise.pdf> (Дата обращения: 21.03.2023)
6. Рамочная программа ЭКОВАС по предотвращению конфликтов, Положение MSC/REG.1/01/08, Комиссия ЭКОВАС, январь 2008 года. // URL: <https://www.ceja.ch/images/CEJA/DOCS/Bibliotheque/Legislation/Africaine/Texes%20Regionaux/DD/DD4.pdf> (Дата обращения: 21.03.2023)
7. KEUTCHA TCHAPNGA Célestin, «Droit constitutionnel et conflits politiques dans les États francophones d'Afrique noire», Revue française de droit constitutionnel, 2005/3 (№ 63). P. 451-491. DOI : 10.3917/rfdc.063.0451. // URL: <https://www.cairn.info/revue-francaise-de-droit-constitutionnel-2005-3-page-451.htm> (Дата обращения: 21.03.2023)
8. Aleman W. (s.d.). The Evolution of ECOWAS: How the Economic Organization Transitioned into Peace and Security. Lund // URL: <https://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordId=8930934&fileId=8933626> (Дата обращения: 21.03.2023)
9. Mvé ELLA Léandre, « Le rôle des organisations africaines dans la crise malienne », Civitas Europa, 2013/2 (N° 31), p. 123-144. DOI : 10.3917/civit.031.0123. // URL: <https://www.cairn.info/revue-civitas-europa-2013-2-page-123.htm> (Дата обращения: 21.03.2023)
10. 1990-2003: comment la guerre au Liberia a fait rentrer la Cedeao dans une nouvelle dimension. (2016, décembre 16). Jeune Afrique // URL: <https://www.jeuneafrique.com/384287/politique/1990-2003-guerre-liberia-a-rentre-cedeao-nouvelle-dimension/> (Дата обращения: 28.03.2023)
11. Védie H.-L. Forces et faiblesses de la CEDEAO en 2021. Policy Center for the New South. 2020, mars.
12. Crises et conflits en Afrique de l'Ouest : Quelle politique sécuritaire face aux menaces // URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/senegal/11465> (Дата обращения: 28.03.2023)
13. Malam K. & Luaba L.N., 1995, « Les institutions internationales Africaines // URL: https://www.revues-ufhb-ci.org/fichiers/FICHIR_ARTICLE_1315.pdf (Дата обращения: 28.03.2023)
14. Perelman M., Alexandre F. Florence Parly: la présence du groupe Wagner au Mali serait "inacceptable" [Florence Parly: The Presence of the Wagner Group in Mali Would Be "Unacceptable"]. L'Entretien, 6 December. 2021 // URL: <https://www.france24.com/fr/%25C3%25A9missions/l-entretien/20211206-florence-parly-la-pr%25C3%25A9sence-du-groupe-wagner-au-mali-serait-inacceptable> (Дата обращения: 28.03.2023)
15. Аду Я.Н., Мезяев А.Б. Конфликт между ЭКОВАС и Мали: международно-правовые и политические аспекты // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 1. // URL: <https://ioj.hse.ru/data/2023/05/11/2022932129/7%20Аду%20170-189.pdf> (Дата обращения: 21.01.2024)
16. KOKOROKO Dodzi, « Les élections disputées: réussites et échecs », Pouvoirs, 2009/2 (№ 9). P. 115-125. – DOI: 10.3917/pouv.129.0115. // URL: <https://www.cairn.info/revue-pouvoirs-2009-2-page-115.htm> (Дата обращения: 25.04.2023)
17. Ronceray M. «A bureaucratic bias ? EU election observation missions in Africa: between Independence and development industry», EU Diplomacy Papers, 2017. № 3. P. 4. // URL: https://www.coleurope.eu/sites/default/files/research-paper/edp_3_2017_ronceray_0.pdf (Дата обращения: 25.04.2023)
18. Валеев Р.М., Курдюков Г.И. Международное право. Особенная часть: Учебник для вузов. — М.: Статут,

2010. 352 с.

19. Bokeriya S. The UN-AU Partnership in Peacekeeping: Tendencies and Problems. *International Organisations Research Journal*, 2022. Vol. 17. № 2. P. 189-207. // URL: <https://iorj.hse.ru/data/2022/10/21/1672466286/8%20Bokeriya.pdf> (Дата обращения: 25.04.2023)
20. FOUCHER Vincent, «Difficiles successions en Afrique subsaharienne: persistance et reconstruction du pouvoir personnel», *Pouvoirs*, 2009/2 (№ 129). P. 127-137. – DOI: 10.3917/pouv.129.0127. // URL: <https://www.cairn.info/revue-pouvoirs-2009-2-page-127.htm> (Дата обращения: 25.04.2023)

Reference

1. Charter of the Organization of African Unity (OAU) May 25, 1963 // URL: <https://www.peaceau.org/uploads/charte-de-l-oua-fr.pdf> (03.21.2023)
2. Constitutive act of the African Union of July 11, 2000 // URL: <https://www.peaceau.org/uploads/constitutive-act-fr.pdf> (03.21.2023)
3. Treaty on the Economic Community of West African States. Imprisoned in Lagos on May 28, 1975. Registered by Nigeria on June 28, 1976 // URL: <https://www.refworld.org/pdfid/4921802f2.pdf> (03.21.2023)
4. Protocol A/SP1/12/01 on democracy and good governance, addition to the Protocol relating to the mechanism for the prevention, management and resolution of conflicts, the maintenance of peace and security. // URL: <https://www.eisa.org/pdf/ecowas2001protocol1.pdf> (03.21.2023)
5. Revised ECOWAS Treaty of 1993. // URL: <https://www.ecowas.int/wp-content/uploads/2015/02/Traite-Revise.pdf> (03.21.2023)
6. ECOWAS Framework for Conflict Prevention, Regulation MSC/REG.1/01/08, ECOWAS Commission, January 2008. // URL: <https://www.ceja.ch/images/CEJA/DOCS/Bibliotheque/Legislation/Africaine/Textes%20Regionaux/DD/DD4.pdf> (03.21.2023)
7. KEUTCHA TCHAPNGA Célestin, “Droit constitutionnel et conflits politiques dans les États francophones d’Afrique noire”, *Revue française de droit constitutionnel*, 2005/3 (№ 63). P. 451-491. DOI: 10.3917/rfdc.063.0451. // URL: <https://www.cairn.info/revue-francaise-de-droit-constitutionnel-2005-3-page-451.htm> (03.21.2023)
8. Aleman W. (s.d.). The Evolution of ECOWAS: How the Economic Organization Transitioned into Peace and Security. Lund // URL: <https://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordId=893934&fileId=8933626> (03.21.2023)
9. MVÉ ELLA Léandre, “Le rôle des organisations africaines dans la crise malienne”, *Civitas Europa*, 2013/2 (№ 31). P. 123-144. DOI: 10.3917/civit.031.0123. // URL: <https://www.cairn.info/revue-civitas-europa-2013-2-page-123.htm> (03.21.2023)
10. 1990-2003: comment la guerre au Liberia a fait rentrer la Cedeao dans une nouvelle dimension. (2016, December 16). *Jeune Afrique* // URL: <https://www.jeuneafrique.com/384287/politique/1990-2003-guerre-liberia-a-rentre-cedeao-nouvelle-dimension/> (03.28.2023)
11. Védie H.-L. Forces et faiblesses de la CEDEAO en 2021. Policy Center for the New South. 2020, mars.
12. Crises et conflits en Afrique de l’Ouest: Quelle politique sécuritaire face aux menaces // URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/senegal/11465> (03.28.2023)
13. Malam K. & Luaba L.N., 1995, “Les institutions internationales Africaines // URL: https://www.revues-ufhb-ci.org/fichiers/FICHIR_ARTICLE_1315.pdf (03.28.2023)
14. Perelman M., Alexandre F. Florence Parly: la présence du groupe Wagner au Mali serait “inacceptable” [Florence Parly: The Presence of the Wagner Group in Mali Would Be “Unacceptable”]. *L’Entretien*, 6 December. 2021 // URL: <https://www.france24.com/fr/%25C3%25A9missions/l-entretien/20211206-florence-parly-la-pr%25C3%25A9sence-du-groupe-wagner-au-mali-serait-inacceptable> (03.28.2023)
15. Adu Ya.N., Mezyaev A.B. The conflict between ECOWAS and Mali: international legal and political aspects // *Bulletin of international organizations*. 2023. Vol. 18. № 1. // URL: <https://iorj.hse.ru/data/2023/05/11/2022932129/7%20Adu%20170-189.pdf> (01.21.2024)
16. KOKOROKO Dodzi, “Les élections disputées: réussites et échecs”, *Pouvoirs*, 2009/2 (№ 129). P. 115-125. – DOI: 10.3917/pouv.129.0115. // URL: <https://www.cairn.info/revue-pouvoirs-2009-2-page-115.htm> (04.25.2023)
17. Ronceray M. “A bureaucratic bias? EU election observation missions in Africa: between Independence and development industry”, *EU Diplomacy Papers*, 2017. № 3. P. 4. // URL: https://www.coleurope.eu/sites/default/files/research-paper/edp_3_2017_ronceray_0.pdf (04.25.2023)
18. Valeev R.M., Kurdyukov G.I. International law. Special part: Textbook for universities. – M.: Statute, 2010. 352 p.
19. Bokeriya S. The UN-AU Partnership in Peacekeeping: Tendencies and Problems. *International Organizations Research Journal*, 2022. Vol. 17. № 2. P. 189-207. // URL: <https://iorj.hse.ru/data/2022/10/21/1672466286/8%20Bokeriya.pdf> (04.25.2023)
20. FOUCHER Vincent, “Difficiles successions en Afrique subsaharienne: persistance et reconstruction du pouvoir personnel”, *Pouvoirs*, 2009/2 (№ 129). P. 127-137. – DOI: 10.3917/pouv.129.0127. // URL: <https://www.cairn.info/revue-pouvoirs-2009-2-page-127.htm> (04.25.2023)

Нгойе С.Т.

Аспирант. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

**Эволюция политики России
в отношении стран Центральной Африки***

Аннотация. Эволюция российской политики в отношении стран Центральной Африки претерпела многогранную трансформацию, отражающую стратегическую перестройку и растущий интерес Москвы к региону. В последние годы Россия стратегически расширила свои дипломатические, экономические и военные связи с Центральной Африкой, что свидетельствует об отходе от относительного пренебрежения постсоветской эпохи. Краеугольным камнем является экономическое сотрудничество, в рамках которого Россия стремится получить доступ к богатым природным ресурсам региона. В частности, проект газопровода «Сила Сибири» служит примером усилий Москвы по укреплению энергетических связей и расширению экономического сотрудничества. Кроме того, военное измерение политики России в Центральной Африке проявляется в ее участии в инициативах по поддержанию мира и безопасности. Москва направляет военных советников и оборудование для оказания помощи в стабилизации обстановки в районах, подверженных конфликтам, способствуя укреплению связей с правительствами стран Центральной Африки.

В частности, углубляется военное сотрудничество с Центральноафриканской Республикой, где Россия проводит обучение и оказывает поддержку в укреплении аппарата безопасности страны. В дипломатическом плане Россия участвует в диалогах на высоком уровне и инициативах по укреплению партнерства, подчеркивая важность взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела. Создание дипломатических платформ, таких как саммит Россия-Африка, подчеркивает стремление Москвы к развитию дипломатических связей и укреплению своего влияния на континенте. Эволюция российской политики характеризуется отходом от транзакционного подхода к более комплексному и стратегическому взаимодействию.

Интересы Москвы в Центральной Африке выходят за рамки сиюминутных экономических выгод, охватывая геополитические соображения,

* © Нгойе С.Т., 2024.

динамику безопасности и проецирование влияния на глобальной арене. Использование «мягкой силы», включая культурные и образовательные обмены, еще больше иллюстрирует многогранный подход России к построению прочных партнерских отношений в регионе. Хотя экономические инициативы способствовали расширению присутствия России в Центральной Африке, именно сочетание экономических, военных и дипломатических усилий определяет нюансы эволюции политики Москвы. Стратегическое взаимодействие со странами Центральной Африки служит более широким геополитическим целям России, позиционируя ее как ключевого игрока на развивающемся африканском континенте. Эволюция российской политики в отношении Центральной Африки отражает динамичное взаимодействие, в котором экономические интересы уравниваются дипломатическими соображениями и соображениями безопасности, что знаменует собой значительное отклонение от исторических моделей.

Ключевые слова: Африка, Россия, отношения, сотрудничество, дипломатия, помощь, совместные проекты.

Ngoye S. T.

Postgraduate Student. Peoples' Friendship University of Russia.

Evolution of Russia's policy towards Central African

Abstract. The evolution of Russia's policy towards Central African countries has undergone a multifaceted transformation, reflecting Moscow's strategic recalibration and growing interest in the region. In recent years, Russia has strategically expanded its diplomatic, economic, and military engagements with Central Africa, signaling a departure from the relative neglect of the post-Soviet era. Economic collaboration serves as a cornerstone, with Russia seeking to secure access to the region's abundant natural resources. Notably, the Power of Siberia gas pipeline project exemplifies Moscow's efforts to strengthen energy ties and enhance economic cooperation. Furthermore, the military dimension of Russia's policy in Central Africa is evident through its involvement in peacekeeping and security initiatives. Moscow has deployed military advisors and equipment to assist in stabilizing conflict-prone areas, fostering closer ties with Central African governments.

The Central African Republic, in particular, has witnessed a deepening

of military cooperation, with Russia providing training and support to bolster the nation's security apparatus. Diplomatically, Russia has engaged in high-level dialogues and partnership-building initiatives, emphasizing the importance of mutual respect and non-interference in internal affairs. The creation of diplomatic platforms, such as the Russia-Africa Summit, underscores Moscow's commitment to fostering diplomatic ties and strengthening its influence on the continent. This evolution in Russia's policy is characterized by a departure from a transactional approach to a more comprehensive and strategic engagement.

Moscow's interests in Central Africa extend beyond immediate economic gains, encompassing geopolitical considerations, security dynamics, and the projection of influence in the global arena. The utilization of soft power, including cultural and educational exchanges, further illustrates Russia's multifaceted approach to building lasting partnerships in the region. While economic initiatives have contributed to Russia's increased presence in Central Africa, it is the combination of economic, military, and diplomatic efforts that defines the nuanced evolution of Moscow's policy. The strategic alignment with Central African countries serves Russia's broader geopolitical objectives, positioning it as a key player in the African continent's evolving landscape. The evolution of Russia's policy towards Central Africa reflects a dynamic engagement that balances economic interests with diplomatic and security considerations, marking a significant departure from historical patterns.

Key words: Africa, Russia, relations, cooperation, diplomacy, assistance, joint projects.

Introduction

The history of relations between Russia and the countries of Central Africa is characterized by a complex interaction of political, economic and diplomatic factors. Over the years, these interactions have evolved to reflect the changing dynamics of global politics and the strategic interests of both Russia and Central African countries. During the Cold War era, the Soviet Union, the predecessor of modern Russia, sought to expand its influence in various parts of the world, including Africa. In the Central African context, this often meant support for left-wing governments or movements espousing socialist ideology. Moscow provided military and economic assistance to several countries in the region, such as Angola and Mozambique, which were embroiled in conflicts with anti-communist forces. However, the end of the Cold War marked a significant shift in global geopolitics, which led to changes in Russia's approach to Africa. In the 1990s, when the Soviet Union collapsed, Russia

faced internal problems and went through a period of economic and political transformation [1].

This had consequences for its interaction with Central Africa, as Moscow's priorities shifted from ideological confrontation to pragmatic considerations. In the post-Cold War era, Russia has sought to revive and expand its presence in Africa, including Central Africa, although with an emphasis on economic interests rather than ideological orientation. The late 1990s and early 2000s saw increased diplomatic efforts as Russia sought to establish trade and economic ties with Central African countries. The Kremlin has sought to secure access to the region's rich natural resources, including oil, minerals and timber. One of the notable events of this period was the visit of Russian officials to the countries of Central Africa to explore opportunities for cooperation. Bilateral agreements were signed to promote economic cooperation, and discussions took place on issues ranging from energy partnerships to military cooperation.

These initiatives were part of Russia's broader strategy to diversify its global partnerships and expand its economic presence in emerging markets. However, the beginning of the 21st century also brought problems in Russia's relations with Central Africa. The region has faced challenges such as political instability, armed conflict and economic strife, which have affected the viability of Russian investment. In addition, the presence of other world powers, especially China, in Central Africa has increased competition for influence and resources. In recent years, Russia has continued efforts to strengthen ties with Central African countries, focusing on various sectors such as energy, infrastructure and defense. The Kremlin has pursued diplomatic initiatives, holding high-level visits and discussions aimed at deepening cooperation. Military cooperation, including the provision of weapons and training, has been a component of Russia's involvement in the region [2].

History of relations between Russia and the countries of Central Africa

At the same time, relations between Russia and Central Africa are subject to intense scrutiny and criticism. Some observers have expressed concerns about the nature of Russia's involvement, pointing to issues related to governance, human rights and the potential for escalating conflicts. The dynamics of this relationship remain complex and are determined by the interplay of geopolitical considerations, economic interests and regional issues. In conclusion, we note that the history of relations between Russia and the countries of Central Africa has undergone significant transformations, reflecting broader shifts in global geopolitics and Russian strategic priorities. Russia's engagement with Central Africa has evolved from the ideological confrontation of the Cold War to the pragmatic pursuit of economic interests in the post-Soviet era. The current landscape is characterized by a combination of diplomatic initiatives, economic co-

operation and military action, with both opportunities and challenges shaping the trajectory of these relations in the coming years.

Strengthening relations between Russia and the countries of Central Africa has become a prominent feature of recent years, reflecting mutual interest in developing diplomatic ties, economic cooperation and strategic partnerships. This evolution in relations marks a departure from the dynamics of the post-Cold War era and highlights a changing geopolitical landscape. Diplomatically, Russia is actively developing closer ties with Central African countries. High-level visits and diplomatic dialogues have played a decisive role in strengthening mutual understanding and developing cooperation. This interaction paved the way for the signing of bilateral agreements covering a number of areas including trade, investment and cultural exchange. Economic cooperation is a key factor in strengthening relations. Russia has expressed great interest in harnessing the economic potential of Central Africa, especially in sectors such as energy, minerals and infrastructure [3].

The region's rich natural resources, including oil, gas and minerals, offer opportunities for mutually beneficial partnerships. Bilateral agreements were concluded to facilitate trade and investment with a focus on promoting economic growth and development. In the energy sector, Russia is developing partnerships with Central African countries to ensure access to valuable resources. Agreements related to oil exploration and production were signed, allowing Russian companies to participate in the development of the region's energy sector. Such cooperation contributes to the energy security of both Russia and Central Africa by promoting a symbiotic relationship that serves the economic interests of both sides. Infrastructure development is another key to strengthening relations. Russia has demonstrated its readiness to participate in projects that contribute to strengthening ties and development of Central African countries. Investments in transportation, telecommunications, and other critical infrastructure contribute to the overall economic development of the region.

Such initiatives not only benefit the participating countries, but also contribute to Russia's broader strategy to expand its economic presence in emerging markets. Military cooperation has also played a role in strengthening ties between Russia and Central Africa. Components of this cooperation included arms sales, military training programs, and joint exercises. These initiatives are often touted as contributing to the security and stability of the region, addressing common problems such as terrorism and transnational crime. Military partnership serves as a means of building trust and cooperation, strengthening the overall relationship between Russia and Central Africa. Cultural and educational exchanges have further deepened ties between the two regions. These initiatives aim to develop connections between people, promoting a better understanding of each other's cultures and traditions.

Academic partnerships and exchange programs contribute to the development of education in Central African countries, while creating opportunities for the exchange of knowledge and experience.

Despite positive developments in strengthening relations, problems remain. Central Africa faces challenges such as political instability, governance problems and economic vulnerability. Solving these problems requires a detailed approach from both Russia and the participating Central African countries. Russia's commitment to long-term partnerships that promote sustainable development will be essential to addressing these challenges and building resilience in the face of uncertainty. In conclusion, recent efforts to strengthen relations between Russia and the countries of Central Africa reflect a multifaceted approach covering diplomatic, economic, military and cultural dimensions. The mutual interests underlying this interaction highlight the strategic importance that both sides attach to developing cooperative ties. As this relationship continues to evolve, the success of this strengthening will depend on the ability of Russia and Central African countries to solve problems, capitalize on opportunities, and lay the foundation for strong and mutually beneficial cooperation [4].

Russia's efforts to strengthen ties with Central African countries have materialized through a number of specific cooperation initiatives spanning the diplomatic, economic, military and cultural spheres. This multifaceted approach aims to promote mutual benefit and strengthen the overall relationship between Russia and Central African countries. Diplomatically, Russia has participated in high-level dialogues and diplomatic visits, exemplified by the visit of the Russian Foreign Minister to the Central African Republic (CAR) in 2018. This diplomatic exchange laid the foundation for deepening political understanding and cooperation. Likewise, Russia has strengthened ties with the Democratic Republic of Congo (DRC) through diplomatic channels, signaling a commitment to deepening bilateral relations.

Economically, Russia is seeking strategic partnerships, especially in the energy sector. In 2019, the Russian state-owned company Rosatom signed an agreement with Rwanda to study the possibility of building a Center for Nuclear Science and Technology. This agreement underscores Russia's interest in supporting the development of Rwanda's energy infrastructure through nuclear technology. In addition, Russia sought economic cooperation with Angola, paying particular attention to the oil and gas sector. Russian energy companies are in talks with Angolan authorities to explore opportunities for joint ventures and investments. Military cooperation has also become a key aspect of Russia's interaction with Central Africa [5].

It is noteworthy that Russia supplied military equipment and offered training to the armed forces of the Central African Republic. The presence of Rus-

sian military trainers in the CAR signifies a commitment to building local capacity and addressing security concerns. In 2020, Russia provided military assistance to the DRC, helping to strengthen the country's defense capabilities. Economic cooperation extends to infrastructure development, with Russia actively participating in projects aimed at expanding ties in the region. An example is cooperation between Russia and the Central African Republic on infrastructure projects, including the construction of roads and the development of hydroelectric power stations.

These initiatives contribute to the economic development of the CARs and are consistent with Russia's broader strategy to expand its economic presence in emerging markets. In the cultural sphere, Russia promotes educational exchanges and cultural initiatives to deepen ties between people. This includes scholarships for students from Central Africa to study at Russian universities, as well as promoting educational partnerships that promote human capital development. Russia has also held cultural events in cooperation with Central African countries, promoting a common understanding of each other's traditions and heritage. These specific examples of cooperation illustrate the dynamic nature of Russia's interaction with Central Africa. Initiatives are varied: from diplomatic visits to specific economic projects and military partnerships. Collaboration is not limited to one sector, but includes a holistic approach to address the multi-faceted needs and opportunities in the region. The development of these partnerships is indicative of a broader trend that began in the second half of the 2010s.

Strengthening relations between Russia and the countries of Central Africa

Russia's increased focus on Africa, as outlined in its Africa Strategy, marked a strategic shift towards strengthening closer ties with African countries, including the states of Central Africa. This new emphasis coincides with efforts to diversify Russia's global partnerships and expand its presence in emerging markets. As these collaborative efforts continue to unfold, signs of a positive trajectory are emerging. The signing of bilateral agreements, the implementation of joint projects and sustained diplomatic contacts indicate a growing commitment on both sides. However, challenges remain, and the success of these initiatives will depend on the ability to navigate complex geopolitical dynamics, address economic and security challenges, and ensure equitable sharing of the benefits of cooperation. In conclusion, we note that Russia's interaction with the countries of Central Africa is characterized by specific and targeted cooperation initiatives in the diplomatic, economic, military and cultural spheres.

The diverse nature of this collaboration reflects an integrated approach to

building strong and mutually beneficial relationships. As these efforts continue to develop, they have the potential to shape the region's geopolitical landscape, promoting stability, economic growth and expanded global partnerships. Russia's interaction with Egypt is characterized by strengthening military and economic ties. In 2018, Russia and Egypt signed a comprehensive partnership and strategic cooperation agreement, signaling a commitment to strengthening bilateral relations. Military cooperation includes arms deals and joint military exercises, while economic cooperation includes joint infrastructure projects and discussions of nuclear energy cooperation [6].

Russia's involvement in Sudan extends to economic and military cooperation. Russian companies have shown interest in Sudan's energy sector by signing oil exploration and production agreements. In addition, Russia has provided military support to Sudan, contributing to efforts to address security issues in the region. This multifaceted interaction is consistent with Russia's broader strategy to secure economic interests and develop strategic partnerships. In the Central African Republic, Russia has expanded its involvement through a combination of military assistance and infrastructure development. Russia has provided military training and support to the CAR government, contributing to stability efforts. At the same time, Russian companies are engaged in infrastructure projects, including the construction of roads and hydroelectric power stations. This dual approach illustrates Russia's comprehensive strategy to address security challenges while promoting the country's economic development.

Russia's involvement in Libya has been characterized by diplomatic mediation and exploration of economic opportunities. Moscow is making diplomatic efforts to resolve conflicts and is seeking to participate in the reconstruction process. Economic cooperation includes discussions on energy projects and infrastructure development. Russia's involvement in Libya reflects its desire for influence in regional geopolitics and economic diversification. Russia's interaction with Mozambique is focused on cooperation in the fields of energy and security. Russian energy companies have invested in Mozambique's gas sector, signing exploration and production agreements. In addition, Russia has expressed interest in contributing to security efforts in the region, which is in line with Mozambique's goals of countering insurgency and promoting stability.

Angola has become a key partner of Russia in Africa, especially in the energy sector. Russian companies are negotiating with Angolan authorities about joint ventures and investments in oil and gas projects. This economic cooperation underscores Russia's interest in providing access to Angola's significant energy resources and contributing to the country's economic development. Russia's interaction with South Africa is characterized by cooperation in the field of nuclear energy. In 2014, Russia and South Africa signed

an intergovernmental agreement on strategic partnership and cooperation in nuclear energy. The agreement outlines plans to build nuclear power plants in South Africa, highlighting Russia's role in supporting the development of the country's energy infrastructure [7].

Nigeria has become an important partner of Russia in the field of defense and counter-terrorism. Arms deals between the two countries included the sale of military equipment to address Nigeria's security concerns. Russia expressed its readiness to support Nigeria in its efforts to combat terrorism and maintain regional stability. Russia's engagement with Ethiopia extends to nuclear energy cooperation and broader economic cooperation. Discussions about building a nuclear power plant in Ethiopia highlight Russia's interest in supporting the country's energy needs. The economic partnership covers various sectors, promoting economic diversification and infrastructure development in Ethiopia.

Russia's interaction with Zimbabwe involves military cooperation and investment in the country's natural resources. Agreements on military-technical cooperation were complemented by discussions on investment in Zimbabwe's mining sector. This multifaceted approach is consistent with Russia's strategy to secure access to resources while developing strategic partnerships. Moscow consistently endeavors to underpin its foreign policy with economic means, albeit no longer possessing the extensive economic capacities of the Soviet Union. While Russia's trade turnover with African states increased from \$5.7 billion in 2009 to \$20 billion in 2018, it remains relatively modest compared to Sino-African trade (around \$200 billion) or Africa's trade with the United States (approximately \$300 billion). Russia's primary competitive advantage lies in its flexibility, as the Kremlin refrains from imposing political conditionalities often emphasized by the United States and Europe. Unlike Beijing, Moscow avoids creating debt traps for its partners [8].

New priorities of Russian foreign policy

Similarly, Russia lacks the resources for significant development aid and investment programs, unlike the European Union, Japan, China, and the United States, which collectively allocate tens of billions of dollars for Africa. During the Russia-Africa Summit, President Putin announced the symbolic gesture of forgiving \$20 billion in Soviet-era debts owed by African states. However, given the unlikely repayment of these debts, this gesture served more as a symbolic act. Despite Russia's comparatively limited economic significance, some of its companies, often supported by the Kremlin, have achieved notable successes in Africa. For instance, Rosatom signed agreements with Ethiopia for the construction of a nuclear power plant and with Rwanda for a Science and Technology Center during the Russia-Africa Summit. The state-owned geological com-

pany, Rosgeo, secured cooperation agreements with South Sudan, Equatorial Guinea, and Rwanda.

Additionally, Alrosa, a diamond mining company, operates in Angola and Zimbabwe, while Rosneft, the state-owned oil company, collaborates in developing over 20 oil extraction facilities in Nigeria. However, the most significant role Africa plays in Russia's perspective is as a market for arms exports. Arms sales are a crucial source of revenue for the Russian economy and serve as both a foreign policy and economic tool. By exporting weapons, Moscow can bind other states, create long-term dependencies, and support pro-Russian regimes. Many African states that were allies of Moscow during the Soviet era still operate armies equipped with outdated Soviet weaponry. Russia continues to sell weapons to these countries, sometimes using arms sales as a substitute for debt collection. For instance, when Moscow forgave Algeria's old debts of \$4.7 billion in 2006, it simultaneously secured several defense contracts, solidifying key positions in Algeria's agricultural and energy sectors. In 2017, the two countries even agreed on the delivery of Iskander-E tactical long-range missiles. After the Sochi Summit, Russia confirmed its supply of weapons to 20 African countries, including Uganda, Rwanda, Angola, and Mozambique [9].

The total value of arms exports in 2019 amounted to \$4 billion, constituting approximately one-fifth of the total trade volume. Algeria has been the largest buyer of Russian weapons in Africa over the past decade, accounting for around 75% of all arms imports from Russia. Uganda is another significant purchaser, acquiring various Russian weapons, including T-55 and T-90 tanks, as well as rockets for Suchoi Su-30 fighter-bombers. Meanwhile, Egypt primarily acquires air defense systems such as radar technology, rockets, and other equipment. Libya, under Muammar al-Gaddafi, was once the most important market for Russian weapons. However, with the dictator's fall, Moscow lost approximately \$4 billion worth of pre-contracted arms deals, highlighting Russia's aversion to externally supported regime changes due to potential economic losses. The most popular Russian military product in Africa is helicopters, including Mi-8/17 military transport helicopters and Mi-24/35 attack helicopters.

Moscow appears willing to sell military helicopters to any buyer capable of payment, including Zambia, Chad, Angola, and numerous other countries. Nigeria, on the sidelines of the Sochi Summit, signed a contract for twelve Mi-35 attack helicopters. In addition to modern weaponry, Russia also sells outdated, long-retired weapons to Africa. Given the low-tech conflicts on the continent, even Cold War-era weapons remain useful. Small arms, mortars, armored vehicles, and obsolete tanks find utility in these conflicts. Sudan possesses the largest arsenal of old Soviet weapons, regularly acquiring Russian-made engines to keep T-55 tanks and BTR-80 transport vehicles operational. Although Russia does not have official military bases in Africa, private Russian military compa-

nies and mercenary groups are active in various armed conflicts. The notorious “Wagner Group”, a private security and military company with close ties to the Russian Military Intelligence Service (GU, formerly GRU), already operated in the Central African Republic, South Sudan, Mozambique and Libya [10].

Despite its supposedly private status, the Wagner group acts more like a Russian proxy army. In the Central African Republic, South Sudan and Mozambique, Wagner mercenaries support the central governments in security matters, military training and reportedly in active combat. The head of the mercenary army, the Russian oligarch Yevgeny Prigozhin, regularly receives advantageous mining and oil production contracts as well as generous donations in return. For the Kremlin, the use of private military companies such as the Wagner Group offers several advantages. Firstly, in contrast to official military operations, the Russian government does not have to publicly justify the operations of the supposedly autonomous mercenary troops. Secondly, the use of a proxy army makes it possible to internationally deny Russian involvement in the conflicts in Africa. The Wagner group is so closely linked to the GU that it even uses joint training facilities, with Wagner recruiter Dmitri Utkin being a former intelligence officer.

The mercenary army’s largest operation is currently taking place in Libya. Estimates vary, but it is likely that at least 1,500 Wagner mercenaries are active, not only providing support services but also actively participating in combat operations. US sources also report regular Russian land forces in Libya, although reliable information on this is difficult to obtain. The peculiarity of Russia’s involvement in Libya is that Russia does not support the UN-recognized government in Tripoli, but rather the forces of General Khalifa Haftar, who is fighting against the central government. The motivations for Russia’s involvement in Libya are diverse. These include the intention to secure a strategically important military base in North Africa and the Middle East, similar to what has already happened in Syria. Russia is also seeking concessions for oil production and would like to establish a checkpoint for migration flows from sub-Saharan Africa to Europe. These factors make Libya an extremely attractive destination for Moscow [11].

Conclusion

In conclusion, the evolution of Russia’s policy towards Central Africa represents a strategic recalibration that has unfolded on multiple fronts, underscoring Moscow’s concerted efforts to establish a robust presence in the region. The trajectory of this evolution reveals a departure from historical patterns, with Russia demonstrating a newfound commitment to diplomatic, economic, and military engagements with Central African nations. On the economic front, Russia’s pursuit of resource partnerships in Central Africa is emblematic of

a strategic shift. The engagement in the Power of Siberia gas pipeline project exemplifies Moscow's endeavors to secure energy resources, underscoring the economic underpinnings of its evolving policy. Through strategic economic initiatives, Russia seeks not only to meet its domestic energy needs but also to establish a long-term economic foothold in the resource-rich Central African countries. In the military arena, Russia's deepening involvement in security and peacekeeping efforts signifies a departure from a passive role to an active participant in addressing regional conflicts [12].

The Central African Republic stands out as a focal point of military cooperation, where Russia has provided essential training and support. This military engagement aligns with Moscow's broader strategy to enhance its geopolitical influence and contribute to stability in a region marred by internal conflicts. Diplomatically, the creation of platforms like the Russia-Africa Summit highlights Moscow's commitment to nurturing diplomatic ties with Central African nations. Through high-level dialogues, Russia emphasizes principles of mutual respect and non-interference, positioning itself as a reliable diplomatic partner. The diplomatic dimension of Russia's evolving policy serves not only to strengthen bilateral relations but also to assert its influence in the global arena, positioning Moscow as an indispensable player in African affairs. This multifaceted approach signifies a strategic departure from the transactional engagements of the past. While economic interests remain paramount, Russia recognizes the interdependence of economic, military, and diplomatic elements in shaping a comprehensive foreign policy.

The evolution of Russia's policy towards Central Africa reflects a more nuanced and sophisticated understanding of the region's geopolitical dynamics. Importantly, Moscow's policy evolution is characterized by a pragmatic flexibility. Unlike some Western powers, Russia refrains from imposing political conditionalities on its engagements, offering Central African nations an alternative to traditional partners. The absence of debt traps and the flexibility to navigate regional complexities without overt political demands enhance Russia's appeal as a strategic partner in the eyes of Central African governments. Cultivating cultural and educational ties as part of its soft power strategy, Russia is investing in building lasting relationships beyond immediate economic gains. This long-term vision aligns with Russia's broader ambition to foster not just economic dependencies but also cultural affinities, contributing to a more sustainable and enduring influence in Central Africa. As Russia solidifies its position in Central Africa, it becomes increasingly clear that Moscow views the region not merely as a resource reservoir but as a strategic theater for global influence. The geopolitical implications of Russia's evolving policy extend beyond the African continent, as Moscow strategically positions itself as a key player in the broader multipolar world order. In the complex interplay of economic expan-

sion, military cooperation, and diplomatic maneuvers, Russia's evolving policy towards Central Africa demonstrates a departure from historical disinterest to a dynamic and multifaceted engagement. Moscow's recalibration reflects a strategic understanding that the convergence of economic, military, and diplomatic elements is essential for the realization of its geopolitical ambitions. Central Africa, once on the periphery of Russian interests, now occupies a central stage in the unfolding narrative of Russia's global resurgence [13].

Библиографический список / Reference

1. Matusevich Maxim. Russia in Africa: A Search for Continuity in a Post-Cold War Era. *Insight Turkey*, 2019. 21. 10.25253/99.2019211.03. (11.20.2023).
2. Abdel Aziz G.A. The Saudi-US Alliance challenges and resilience, 2011: 2019. *Review of Economics and Political Science*, ahead of print, 2019. // URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/REPS-04-2019-0057/full/pdf?title=the-saudi-us-alliance-challenges-and-resilience-2011-2019> (11.20.2023).
3. Adeoye A. UN Vote on Russia Invasion Shows a Changing Africa. *Chatman House*, 2022. 7 March // URL: <https://www.chathamhouse.org/2022/03/un-vote-russia-invasion-shows-changing-africa> (11.20.2023).
4. Al Jazeera CAR Rebel Leader Declares Autonomous State. *Al Jazeera*, 2015. 15 December // URL: <https://www.aljazeera.com/news/2015/12/15/car-rebel-leader-declares-autonomous-state> (11.20.2023).
5. Altfeld M.F. The Decision to Ally: A Theory and Test. *Western Political Quarterly*, 1984. № 37 (4). P. 523-544. (11.20.2023).
6. Barnet M.N. & Levy J.S. Domestic Sources of Alliances and Alignments: The Case of Egypt, 1962-73. *International Organization*, 1991. № 45 (3). P. 369-395. (11.20.2023).
7. Bax P. Russia's Influence in the Central African Republic. *International Crisis Group*, 2021. 3 December // URL: <https://www.crisisgroup.org/africa/central-africa/central-african-republic/russias-influence-central-african-republic> (11/20/2023).
8. BBC Russia Sends 300 Military Instructors to Central African Republic. *BBC News*, 2020. 22 December // URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-55412720> (11.20.2023).
9. BBC Russia in Africa: What's behind Moscow's Push into the Continent? *BBC News*, 2020. 22 December // URL: <https://www.bbc.co.uk/news/world-45035889> (11.20.2023).
10. BBC Central African Republic's Capital in 'Apocalyptic Situation' as Rebels Close In. *BBC News*, 2021. 30 January // URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-55872485> (11.20.2023).
11. Bach D. Africa in International Relations: The Frontier as Concept and Metaphor. *South African Journal of International Affairs*, 2013. № 20 (1). P. 1-22.
12. Bessenyo J. The Africa Policy of Russia. *Terrorism and Political Violence*, 2019. № 31 (1). P. 132-153.
13. Borshchevskaya A. Russian Activities in Africa. In: Peterson, N. (ed.): *Russian Strategic Intentions*, 2019. P. 62-69. // URL: <https://www.politico.com/f/?id=0000016b-a5a1-d241-adff-fdf908e00001> (11.20.2023).

Чжу Вэньцин

Магистр, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Актуальные вопросы международной политики в контексте глобализационных процессов*

Аннотация. В данной статье осмысливается сущность процесса глобализации в контексте международных отношений, рассматривается природа глобализационного процесса и сферы, которые он затрагивает. В статье утверждается, что глобализация радикально изменила аспекты международной политики, существовавший до «холодной войны». Проанализировав причины и тенденции развития глобализации, в статье делается вывод, что политическая глобализация, захватывающая уровень международных отношений, скорее, негативный фактор политического развития, чем позитивный, поскольку в глобализационном мире существует иерархия и взаимозависимость государств друг от друга. Более того, все процессы в системе международных отношений одобряются или не одобряются Соединенными Штатами Америки – государством, которое объявила себя «лидером мира», что полностью нивелирует теорию глобализации. Проблема доминирования в мире одной державы поставила вопрос создания глобального правительства, которое направит процесс международных отношений в нужное русло, установив новый мировой порядок и обеспечив миру стабильное политическое развитие.

Ключевые слова: глобализация, глобализационный процесс, мировая политическая система, международные отношения, мировой порядок.

Zhu Wenqing

Master, Lomonosov Moscow State University.

Actual issues of international policy in the context of globalization processes

* © Чжу Вэньцин, 2024.

Abstract. This article comprehends the essence of the globalization process in the context of international relations, considers the nature of the globalization process and the spheres it affects. The article argues that globalization has radically changed the aspects of international politics that existed before the Cold War. Having analyzed the causes and trends of globalization development, the article concludes that political globalization, which captures the level of international relations, is rather a negative factor of political development than a positive one, because in the globalization world there is a hierarchy and interdependence of states on each other. Moreover, all processes in the system of international relations are approved or disapproved by the United States of America, a state that has declared itself the “leader of the world”, which completely nullifies the theory of globalization. The problem of domination in the world by one power has raised the issue of creating a global government that will direct the process of international relations in the right direction, establishing a new world order and providing the world with a stable political development.

Key words: globalization, globalization process, world political system, international relations, world order.

К концу 90-х годов XX века тема глобализации «перестала быть только предметом теоретических споров и политических дискуссий. Она не воспринимается теперь как миф или риторический прием и стала социальной реальностью, с которой нужно считаться, хотя ее облик по-прежнему остается весьма расплывчатым» [4, с. 5].

Глобализация приобрела особую значимость в последние четверть века, т.е. в период становления мировой экономики и революции в области коммуникаций. Это было время, когда, как пишут американские политологи, «завершилось фундаментальное идеологическое противостояние, оказывающее большое влияние на международные отношения, центробежной силой которых являлись два государства – США и многонациональное образование, известное как Советский Союз или СССР, в котором основная роль отводилась России» [12, р. 7]. Окончание холодной войны, которое пришлось на конец 1980-х годов, совпало с ростом глобализации, а последний период – примерно двадцать пять лет – стал временем ее стремительного развития, что зависело от технологических, политических, экономических и культурных взаимодействий всех государств. Это привело к тому, что ортодоксальные представления о международных отношениях были поставлены под сомнение.

Действительно, долгое время, т.е. почти весь двадцатый век, изучение международных отношений строилось на строгом разделении внутренней

и внешней политики, локальной и международной арен, национальной и мировой стратегии. С началом глобализации стало понятно, что международные события часто влияют на внутреннюю политику страны, а внутренние проблемы государства могут выйти на международный уровень и иметь далеко идущие последствия.

Как же влияет глобализация на международные отношения XXI столетия? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сначала выяснить, что такое глобализация.

Термин *глобализация* происходит от английского слова *global* (< лат. *globus*), означающего «всемирный». В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой прилагательное *глобальный* определяется как «общий, всесторонний» и как «распространенный на весь земной шар» [5, с. 132].

Традиционно под глобализацией понимают «влияние и воздействие общечеловеческих, мировых (глобальных) процессов на судьбы отдельных стран и народов, а также всего человечества в целом» [7, с. 212].

Понятие глобализации появилось в 1980-е годы в Гарвардской школе бизнеса, но войдя в международный научный лексикон, это слово, в первую очередь, имело отношение к глобальной деятельности транснациональных корпораций (ТНК), став, таким образом, отражением динамичных изменений в экономической сфере и отождествлением глобальной экономики. Однако глобализация изначально является многофакторным и разнонаправленным процессом, который не может быть сведен только к одной сфере. Поэтому со временем феномен глобализации начал выходить за экономические рамки, оказывая влияние на все сферы общественной жизни.

Глобализация как расширение, интенсификация и углубление мировой взаимозависимости и взаимосвязанности, проявляется во всех аспектах современной жизни и является одной из ключевых трансформаций современного социума [3]. По мнению Н.А. Шестаковой, глобализация есть «процесс становления единого социального пространства, в результате чего усиливается зависимость друг от друга стран, наций, культур», что «влечет за собой изменения в ролевых функциях национальных государств и их граждан» [9, с. 364]. По мысли данного исследователя, глобализация приводит к тому, что «все больше набирает силу мышление нового типа – глобальное мышление. Люди начинают осознавать объективные интересы мирового сообщества как единого целого. В основе подобных процессов – задача противостоять социальным, политическим, технологическим, экологическим, культурным проблемам современности» [9, с. 364]. Таким образом, глобализация, в которой отражается реальная взаимозависимость мира, стран и народов друг от друга, является новой эпохой развития

человеческих отношений и «неизбежным, фатально predetermined процессом, «универсализирующим или нивелирующим все различия – от экономических до культурных» [8, с. 115].

Итак, глобализация – это

- быстрая интеграция мировой экономики для создания «безграничной» экономической среды,
- быстрые и значительные инновации и рост международных электронных коммуникаций;
- растущее политическое осознание глобальной взаимозависимости человечества [12].

Политические процессы глобализации – это процессы, происходящие в контексте политического аспекта мировой политики, в результате которых происходит структурная трансформация глобальной политической системы и появление новых глобальных политических акторов, развитие политических отношений и взаимозависимости между ними, формирующих глобальную политическую архитектуру и иерархию [2, с. 22].

Мировая политическая система постепенно эволюционирует в глобальную политическую систему, увеличивая число глобальных политических акторов и вовлекая новых участников в глобальный политический процесс, который имеет динамичный нелинейный характер нарастания и усложнения политических отношений между всеми элементами формирующейся глобальной политической системы [2, с. 22-23].

Сегодня глобализационные процессы все больше и более и более затрагивают сферу международных отношений, поскольку в политической жизни современного общества, как правило, границы, ранее воздвигнутые между государствами, раздвигаются в процессе решения насущных проблем миропорядка – таких как изменение климата, транснациональный терроризм, торгово-экономические отношения, затрагивающие целую сеть государств и т.п.

Решение общих проблем, связанных с поддержанием безопасности и порядка в мировой системе, действия локальных правительств, которые могут повлиять на безопасность и процветание сообществ в отдаленных частях земного шара, приводят к глобализации политики, если понимать под политикой комплекс действий, который связан, главным образом, с достижением порядка и справедливости, а не с ограничением территориальных границ [12].

Однако, влиятельный зарубежный социолог Ульрих Бек, много писавший о глобализации, считает, что если понимать под глобализацией коллективные процессы, посредством которых суверенные национальные государства поглощаются транснациональными акторами, используемыми своей властью и определенные рычаги давления и уничтожающими при этом

национальную идентичность этих государств, то в таком концептуальном виде глобализация способна подорвать одну из ключевых идей международных отношений – идею коллективной безопасности [11].

По мнению У. Бека [11], процесс глобализации характеризуется

- географической экспансией и все более уплотняющейся международной торговлей, а также глобальным объединением финансовых рынков и растущей мощью транснациональных корпораций

- постоянным развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ);

- всеобщими требованиями соблюдения прав человека, хотя принцип демократии, к которому апеллируют антиглобалисты, реализуется лишь на словах;

- возникновением постнациональной, полицентричной мировой политики, в которой транснациональные акторы (корпорации, неправительственные организации, Организация Объединенных Наций) становятся все более влиятельными и зачастую подавляют региональные власти;

- проблемой обнищания населения;

- проблемой глобального разрушения окружающей среды;

- вспышкой региональных и локальных конфликтов, приведших к вооруженным столкновениям.

Таким образом, глобализация, усиление которой зависит от тесной взаимосвязи между государственными и негосударственными субъектами, является многомерным процессом, затрагивающим технологические, политические, экономические и культурные вопросы. Но вопросы международной политики в контексте глобализационных процессов стоят наиболее остро.

По мнению Д. Стоуна и С. Лэди, «глобальные сети государственной политики» следует понимать как «распространение административных практик и процессов формирования и реализации политики, выходящих за рамки традиционных политических процессов национальных государств, но часто пересекающихся с ними. За этими политическими процессами стоят новые формальные и неформальные институты и акторы, часто сотрудничающие с национальными государственными администрациями, но иногда и совершенно независимые от них» [13, с. 839]. К таким субъектам относятся: органы публичной власти, международные организации, многонациональные бизнес-корпорации и различные субъекты гражданского общества, включая неправительственные организации, профессиональные ассоциации и религиозные группы. Общим для всех них является то, что они объединяются для достижения того, чего не может достичь ни один из них сам по себе. Иными словами, глобальные сети публичной политики могут объединять как государственных, так и негосударственных

акторов для достижения общих целей. Координирует деятельность этих субъектов, преследующих самые разные цели, Организация Объединенных Наций. И в то же время ООН является «местом встречи» многих важных негосударственных акторов, которые разделяют озабоченность глобальной политикой.

Изучая глобализационные процессы, затрагивающие международные отношения, исследователи поднимают вопрос о создании глобального правительства. В настоящее время наиболее остро встает проблема доминирования в мире одной державы, установившей мировой порядок по своему образу и подобию, т.е. гегемонии. По мысли А.Я. Пинчука, «в условиях глобализации по мере осознания того, что начинает формироваться новый мировой порядок, усиливается конкурентная борьба за право направлять процесс его формирования в мире и отдельных регионах. В результате исчезает система сдерживания и выстраивается откровенно гегемонистская модель мироустройства» [6, с. 105].

Еще во второй половине XX века глобальным лидером и «сверхдержавой» объявили себя Соединенные Штаты Америки. И по сей день США диктуют всему миру правила внешней и внутренней политики, не считаясь с особенностями развития стран, которые попали под «жернова» американского диктаторства. Взятый США курс на гегемонию приводит к дестабилизации международных отношений, в связи с чем возникает вопрос о целесообразности лидерства вообще и американского лидерства в частности.

Зарубежные и российские политологи давно ведут дискуссию о том, что нужна кооперация ведущих мировых держав в установлении и поддержании такого мирового порядка, который бы обеспечивал решение глобальных проблем и удерживал мир от конфликтов и войн, гарантировал стабильное экономическое и политическое развитие. Они считают, что всем государствам мира, прежде всего, ведущим мировым державам, необходимо объединиться и заняться обсуждением реально стоящих проблем и путей их решения, признавая равенство всех участников глобального политического процесса, число которых давно превысило формат «двадцатки».

Итак, одним из аспектов мирового развития является глобализация. На сегодняшней день существует много теорий глобализации. Однако, природа этого феномена до конца неясна. Характер процессов, лежащих в основе глобализации, позволяет сделать вывод, что глобализация проявляется в функционировании социума на национальном и транснациональном уровнях и усилении транснационального взаимодействия во всех сферах жизнедеятельности – политической, экономической, социальной, культурной, экологической. На уровне международных отношений глобализации

проявляется через интегрирование в политический процесс все большего количества его участников, в первую очередь, государств. При этом, несмотря на противоречивость глобализационных процессов, одним из условий глобализации должно стать равноправное взаимодействие всех акторов международной политики. Только глобализационное сотрудничество на равных условиях поможет сформировать единую целостность глобализованного мира.

Библиографический список:

1. Дробот Г.А. Глобализация: понятие, этапы, противоречия, оценки // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 2. С. 105-127.
2. Ильин И.В., Леонова О.Г. Тенденции развития глобализационных политических процессов // Век глобализации. 2015. № 1. С. 21-35.
3. Кирьянова Л.Г. Общество в контексте глобально-локальных отношений. – Томск: Дельтаплан, 2007. 137 с.
4. Малиновский П.В. Глобализация 90-х годов: время выбора (вступительная статья) // Глобализация. Контуры XXI века. Т. 2. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2001. С. 4-49.
5. Ожегов С.М., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
6. Пинчук А.Ю. Соотношение процессов глобализации и нового мирового порядка // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. № 6А. С. 102-109.
7. Социологическая энциклопедия / Науч. ред. В.Н. Иванов и др.: В 2-х т. – М.: Мысль, 2003. Т. 1. 696 с.
8. Чешков М. Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы // Pro et Contra, 1999. № 4. Т. 4. С. 114-127.
9. Шестакова Н.А. Диалог культур в условиях глобализации // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты: межвуз. сб. науч. тр. с междунар. участием. Вып. 7. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. С. 364-367.
10. Baylis J. The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations. – UK: Oxford University Press, 2005. 648 с.
11. Beck U. What is Globalization? – Cambridge: Polity, 2000. 1192 p.
12. Haynes J., Hough P., Malik Sh., Pettiford L. World Politics. International Relations and Globalisation in the 21st Century. – Los Angeles–London: SAGE Publications, 2017. 19 p.
13. Stone D., Ladi S. Global public policy and transnational administration // Public Administration. Special Issue: “Symposium: Global Policy and Transnational Administration”. 2015. № 93 (4). P. 839-855.
14. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. «Предметное поле государственного управления в системе политических наук» // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 10 (184). С. 57-61.
15. Шушленков Н.О., Рябова Е.Л. Роль фактора времени в политической культуре // Культура Мира. 2022. Т. 10. № 26 (1). С. 75-86.
16. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геопсихология и геополитика цветных линий // Казачество. 2022. № 59 (2). С. 9-18.
17. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экономическое, политическое и кросс-культурное значение отелей // Альманах Крым. 2022. № 31. С. 61-72.
18. Рябова Е.И., Рябова Е.Л. Дихотомия культуры: конфликт ценностей экологии и экономики // Альманах Крым. 2022. № 32. С. 11-19.
19. Бирюков С.В., Рябова Е.Л. Феномен лидерства в контексте современных кризисов и вызовов // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 1 (151). С. 9-19.
20. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Эволюция дипломатического подарка как индикатор изменений в международных отношениях // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 6 (156). С. 45-54.
21. Рябова Е.Л. Международный круглый стол на тему «внешняя политика России в условиях обострения международной обстановки» // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 5 (167). С. 52-55.
22. Байханов, И.Б. Формирование цифровых компетенций в условиях трансформации образовательных систем // Миссия конфессий, 2021. Т. 10. № 7 (56). С. 705-712.

Reference

1. Drobot G.A. Globalization: concept, stages, contradictions, assessments // Social and humanitarian knowledge. 2008. № 2. P. 105-127.
2. Ilyin I.V., Leonova O.G. Trends in the development of globalization political processes // Century of Globaliza-

- tion. 2015. № 1. P. 21-35.
3. Kiryanova L.G. Society in the context of global-local relations. – Tomsk: Hang Glider, 2007. 137 p.
4. Malinovsky P.V. Globalization of the 90s: time of choice (introductory article) // Globalization. Contours of the 21st century. Vol. 2. – M.: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2001. P. 4-49.
5. Ozhegov S.M. Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. – M.: LLC “A TEMP”, 2006. 944 p.
6. Pinchuk A.Yu. Correlation between the processes of globalization and the new world order // Theories and problems of political research. 2017. Vol. 6. № 6A. P. 102-109.
7. Sociological encyclopedia / Scientific. ed. V.N. Ivanov et al.: In 2 volumes - M.: Mysl, 2003. Vol. 1. 696 p.
8. Cheshkov M. Globalization: essence, current phase, prospects // Pro et Contra, 1999. № 4. T. 4. P. 114-127.
9. Shestakova N.A. Dialogue of cultures in the context of globalization // Linguistic and extralinguistic problems of communication: theoretical and applied aspects: interuniversity. Sat. scientific tr. with international participation. Vol. 7. – Saransk: Mordov Publishing House. Univ., 2009. P. 364-367.
10. Baylis J. The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations. – UK: Oxford University Press, 2005. 648 c.
11. Beck U. What is Globalization? – Cambridge: Polity, 2000. 1192 p.
12. Haynes J., Hough P., Malik Sh., Pettiford L. World Politics. International Relations and Globalisation in the 21st Century. – Los Angeles–London: SAGE Publications, 2017. 19 p.
13. Stone D., Ladi S. Global public policy and transnational administration // Public Administration. Special Issue: “Symposium: Global Policy and Transnational Administration”. 2015. № 93 (4). P. 839-855.
14. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. “Subject field of public administration in the system of political sciences” // Ethnosocium and interethnic culture. 2023. № 10 (184). P. 57-61.
15. Shchuplenkov N.O., Ryabova E.L. The role of the time factor in political culture // Culture of the World. 2022. Vol. 10. № 26 (1). P. 75-86.
16. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopsychology and geopolitics of colored lines // Cossacks. 2022. № 59 (2). P. 9-18.
17. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Economic, political and cross-cultural significance of hotels // Almanac Crimea. 2022. № 31. P. 61-72.
18. Ryabova E.L., Ryabova E.L. Dichotomy of culture: conflict between the values of ecology and economics // Almanac Crimea. 2022. № 32. P. 11-19.
19. Biryukov S.V., Ryabova E.L. The phenomenon of leadership in the context of modern crises and challenges // Ethnosocium and interethnic culture. 2021. № 1 (151). P. 9-19.
20. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The evolution of a diplomatic gift as an indicator of changes in international relations // Ethnosocium and interethnic culture. 2021. № 6 (156). P. 45-54.
21. Ryabova E.L. International round table on the topic “Russian foreign policy in the context of aggravated international situation” // Ethnosocium and interethnic culture. 2022. № 5 (167). P. 52-55.
22. Baykhanov, I.B. Formation of digital competencies in the conditions of transformation of educational systems // Mission of Confessions, 2021. Vol. 10. № 7 (56). P. 705-712.

Крестовников В.А.

Аспирант, Московский Городской Педагогический Университет.

Древнегерманская религиозная трансформация*

Аннотация. В статье анализируется древнегерманская религиозная трансформация – изменение роли верховного божества и появление сюжета о «Гибели богов» после трёхлетней зимы. Задачей исследования становится обоснование примерных хронологических границ отмеченных изменений, а также поиск анализ вероятных причин трансформации. Выделяется и сравнивается античная и средневековая источниковая база о германо-скандинавском язычестве, отмечаются актуальные современные научные публикации по теме. Далее сопоставляются данные о древнегерманских религиозных представлениях через сравнение дошедших до настоящего времени средневековых скандинавских саг с реконструируемой праиндоевропейской мифологией, выделяются специфические германские инновации. Затем анализируются вероятные причины мифологических изменений: столкновения с Римом, выделение прослойки профессиональных воинов на фоне экономического развития общества германцев, климатические перемены и начало событий Великого переселения народов. В качестве заключения даётся обобщённая хронология религиозной трансформации.

Ключевые слова: мифология, германское язычество, древние германцы, индоевропейцы, скальдическая поэзия.

Krestovnikov V.A.

Graduate Student. Moscow City Pedagogical University.

Ancient German religious transformation

Abstract. The article analyzes the ancient German religious transformation – the change in the role of the supreme deity and the appearance of the plot

* © Крестовников В.А., 2024.

about the “Death of the Gods” after a three-year winter. The task of the study is to substantiate the approximate chronological boundaries of the noted changes, as well as to search for an analysis of the probable causes of the transformation. The ancient and medieval source base on German-Scandinavian paganism is highlighted and compared, and relevant modern scientific publications on the topic are noted. Next, data on ancient Germanic religious beliefs are compared by comparing the medieval Scandinavian sagas that have come down to the present time with the reconstructed proto-Indo-European mythology, and specific Germanic innovations are highlighted. Then the probable causes of mythological changes are analyzed: clashes with Rome, the allocation of a stratum of professional warriors against the background of the economic development of German society, climatic changes and the beginning of the events of the Great Migration of Peoples. As a conclusion, a generalized chronology of religious transformation is given.

Key words: mythology, Germanic paganism, ancient Germans, Indo-Europeans, skaldic poetry.

Германо-скандинавское язычество привлекает внимание как профессиональных исследователей, так и общественности. На мифологию викингов часто ссылается массовая культура. Между тем, процесс развития германо-скандинавского язычества не был статичным. Учёные, сравнивающие данные о верованиях германцев по материалам античных авторов и средневековых саг, обращают внимание на высокую степень различия исходных и последующих данных. За период, разделяющий жизни авторов, произошла серьёзная трансформация германской системы верований. Ещё более отличается германо-скандинавское язычество от реконструируемого с достаточно высокой степенью надёжности праиндоевропейского. Основная проблема в сравнительной мифологии при сопоставлении индоевропейского и германо-скандинавского язычества – сильно изменённое иерархическое положение божеств и наличие довольно нетипичного для индоевропейцев сюжета о «Гибели богов».

Задача работы – попытаться определить примерное время трансформации и её вероятные причины: изменения в обществе, климатические перемены, во внешнеполитической обстановке.

Современные историки и религиоведы вынуждены опираться на сравнительно малый круг письменных источников. Античные историки оставили отрывочные и противоречивые сведения о германской системе верований. Известны ранние свидетельства Страбона о германских или кельто-германских обрядах кимбров и тевтонов [8]. Позднее отрывочные

сведения оставил Юлий Цезарь, напрямую контактировавший с германцами во время завоевания Римом Галлии [11]. Чуть более подробно пишет о верованиях германцев Тацит [9]. Позднеантичные авторы практически не касаются германского язычества, поскольку к этому периоду в Средиземноморье распространяется христианство с традиционным монотеистическим негативным отношением к многобожию, а сами германцы, регулярно контактирующие с Римом, активно обращаются в новую религию.

Более поздние средневековые сочинения и героический эпос описывают позднейшее состояние германо-скандинавской мифологии. Сюда можно отнести героический эпос: поэмы Видсид и Беовульф, Песнь о Нибелунгах. Близки к ним сведения из скандинавских саг, в том числе – исландские Эдды (сюжетная линия о Сигурде семантически дублирует историю Зигфрида из Песни о Нибелунгах, но отличается в деталях). Некоторую информацию дают Адам Бременский [1] и Саксон Грамматик [5, 6].

Германцы не оставили собственных письменных сведений о своей мифологии, за исключением поздних лаконичных рунических надписей и изображений на камне. Античные авторы, будучи носителями схожего языческого мировоззрения, но с развитой системой мифологии и письменной культуры, не отмечали в германском язычестве особой «ценности». Более того, иногда авторы сознательно пытались соотнести своих собственных божеств с описываемыми германскими по совпадению функций, что не всегда справедливо и научно оправдано. Тем не менее, даже эти фрагментарные данные чрезвычайно важны. К сожалению, подавляющее большинство сведений о средневековом язычестве написано в эпоху его угасания или даже позднее, в XII-XIII вв. Средневековые хронисты (за исключением Исландии, где отмечалась удивительная религиозная толерантность) не ставили перед собой задачи сохранения языческих практик, а потому не оставили исчерпывающей информации о верованиях скандинавов до христианизации. Даже скальд Снорри Стурлуссон собирал отдельные оставшиеся фрагменты сказаний и пытался скомпилировать их в более или менее целостный, непротиворечивый и отчасти искусственный сюжетный цикл, а божеств – в стройный «пантеон» [7]. Те сюжеты и мифологемы, что дошли до наших дней, серьёзно расходятся с античными данными.

Систематизацию и научное (в современном смысле) обобщение данных о германо-скандинавском язычестве, сбор фольклора и его издание провёл британский исследователь Бенджамин Торп. При этом, в современном издании «Нордической мифологии» Торпа было допущено ненаучное предисловие с оккультным неязыческим подтекстом [10, 3-20]. Даже сегодня его наследие остаётся актуальным для историков, несмотря на появление новых данных и реконструкций германского язычества и более современных, точных, беспристрастных методов изучения источников.

Огромный вклад в развитие индоевропеистики и религиоведения внёс исследователь Ж. Дюмезиль. Сопоставляя данные индоевропейских религиозных систем, Дюмезиль выводит теорию трёх божественных функций, в соответствии с которой и сравнивает инновации в последующих верованиях индоевропейских народов, включая германо-скандинавское язычество [2, 137-153].

В том или ином виде проблему германо-скандинавского язычества затрагивали практически все авторы, комплексно изучающие быт, культуру, общество и военное дело германцев или эпохи викингов. Оно анализируется, к примеру, в трудах А.Я. Гуревича, Г.С. Лебедева, А.А. Сванидзе, П. Сойера, Д. Хейвуда и др. Публикуются и «узконаправленные» современные исследования мифологии, в частности – «Дух викингов» Д. МакКоя или «Мифы языческой Скандинавии» В.Я. Петрухина. Историография по данной тематике сталкивается с болезненной нехваткой источникового материала. Это делает предполагаемые реконструкции божеств, их функций и сюжеты менее точными, чем в индоевропейских греческой или ведической мифологиях с собственной развитой письменной традицией. Более того, отсутствие политического единства у германцев, слабые экономические связи, относительно низкий уровень развития производительных сил в целом, неразвитая письменность неизбежно свидетельствуют об отсутствии единого чёткого пантеона для всех племён, вариативности сюжетов и высокой вероятности серьёзного расхождения в верованиях разных племён. На сегодняшний день в распоряжении исследователей – фрагментарные сведения как об античной германской языческой традиции, так и о хронологически отдалённых от них представлениях средневековых скандинавов и англосаксов, находящихся на стадии активной христианизации и лишь отчасти сохраняющих реликты древних культов.

Сопоставление мифологических элементов реконструированного праиндоевропейского и более позднего германского язычества, как уже указывалось, демонстрирует заметную дифференциацию. Основное «нововведение» германцев – радикальная перемена в иерархии. Большинство божественных архетипов вполне узнаваемы для специалистов, работающих с индоевропейской мифологической системой, но их место меняется. *Dyeus – предполагаемый индоевропейский бог дня, света, «бог-отец», с высокой достоверностью реконструируется как глава богов в праиндоевропейском язычестве [3, 66] (согласно Ж. Дюмезилю, реконструируется форма *Dyu или *Deiwo [2, 146]). К этому же корню относится и наименование асардских жрецов-диев [4, 59].

Согласно теории трёх функций, это божество отвечало за закон и справедливый суд, т.е. примерно соответствовало общественной роли жрецов, служителей культа (Ж. Дюмезиль выделял функции: отправление сакраль-

ных действий, военную деятельность и экономическую [2, 25]). Тиваз (Тюр) считается германо-скандинавским этимологическим и функциональным «преемником» Дьеуса (что, в частности, отмечает В.Я. Петрухин [4, 25]), сохранился в поздних средневековых сагах, хотя и теряет свои функции и становится второстепенным богом. В функциях Тюра остались лишь соблюдение клятв и справедливая война. На место верховного божества встаёт фигура Одина-Вотана. Д. МакКой отмечает, что в поздних сагах Тюр мог даже выступать в роли сына Одина [3, 66].

Образ Одина чрезвычайно сложен для анализа и восприятия. Возможно, именно о нём говорит Тацит, упоминая, что германцы более всего почитают Меркурия, а так же поклоняются Геркулесу [4, 17-18]. Один – бог дружины, его имя трактуется как «яростный», «одухотворённый» (причём, как в бою, так и в искусстве поэзии [3, 39]). Возможно, связано с прагерманск. *woda – «ум, вдохновение» [2, 144-145]. Бог считается покровителем дружины. В отличие от монотеистических богов, Один обладает такими качествами, как неистовство, коварство, жадность. Д. МакКой отмечает, что Одина не заботили правосудие, уважение традиций и справедливость [3, 37]. Не исключено, что образ Одина был в той или иной степени перенят у финно-угорских народов в ходе ранних контактов с германцами, поскольку новый верховный бог имеет сильные колдовские шаманские способности. Оружие Одина – копьё, спутники – вороны Хугин и Муин («Мыслящий» и «Помнящий»). «Отодвинув» фигуру Тюра, Один и сам стал называться «Тюром [племени] гаутов», т.е. их богом [4, 36], а именем старого божества называют впоследствии всех богов.

В отличие от Одина, Тюр-Тиваз не использовал магию и оборотничество, звался «примирителем людей», хотя в поздних сагах, отмечает Дюмезиль, бог права и силы мог восприниматься иронично (например, в «Перебранке Локи») [2, 147].

Данное изменение, в несколько иных формах, отмечается и у иных индоевропейских народов [4, 61]. В некоторых религиозных традициях фигура бога-отца (или «дня-отца») сливается с образом бога погоды-громовержца: в античной, возможно – в славянской, кельтской; в ведической традиции Дьеус-Дьяус фигурирует как божество с редуцированными функциями, в авестийской – и вовсе исчезает. Тем не менее, и у иранцев, и у славян предполагается своя собственная трансформация: словом «дэвы» иранцы стали называть противников асуров и верховного бога Ахура-Мазды (в индуизме – напротив, дэвы – положительные существа, асуры – враждебные [4, 26]); у славян предполагается низведение дивов до уровня низших божеств, а само верховное божество в исторический период представлено уже Перуном – так же княжеским, дружинным богом [4, 59]. Тем не менее, данные о славянской мифологии ещё более

фрагментарны и неточны. Условное деление на «своих» и «чужих», «враждебных» божеств известно и в Скандинавии как противостояние асов и ванов. Вполне возможно, это была общая инновация для некоторых индоевропейских народов ещё в дописьменный период.

Имя праиндоевропейского бога погоды и грозы реконструируется как «Перквунос» и хорошо сохранилось в балтском, славянском, хеттском и ведическом пантеоне. В германо-скандинавской традиции фигура громовержца сохраняется, но переосмыляется его имя (Тор-Донар, «гром» [3, 43]). По одной из версий, мать Тора звали Фьёргунн [4, 26]. Этимология имени, предположительно, отсылает к высокой лесистой горе – месту почитания громовержца. Помимо иного имени, Тор мог получить часть «героических функций», поскольку лично сражается с великанами, мировым змеем и защищает людей. Из всех праиндоевропейских божеств архетип громовержца, сражающегося со змеем, встречается наиболее часто. Как предполагают сторонники т.н. «теории основного мифа», сюжет этой борьбы с хтоническим змеем являлся узловым мифологическим сюжетом индоевропейцев, что находит многочисленные косвенные подтверждения в сравнительной мифологии. Таким образом, «основной миф» можно считать исконным и не подвергшимся серьёзным изменениям в последующий период развития германского язычества.

Остался и атрибут громовержца – праиндоевропейская дубина или палица трансформируется в молот Мьёлльнир («молния») [3, 44]. Ж. Дюмезиль отмечает, что Тор, защищавший людей от великанов и отвечавший за хорошую погоду, широко почитался крестьянами [2, 139-140].

Божественные близнецы в скандинавской мифологии – ваны Фрейя и Фрейр. Согласно данным сравнительной мифологии, их существование так же с высокой точностью подтверждается у индоевропейцев. Возможные мифологические «когнаты» - диоскуры у греков, балтийские ашвины и т.п. Мифологический дуализм отмечен у германцев и в античный период в виде упоминаемого Тацитом божества Туисто [4, 15-16]. Согласно Тациту, одно из свевских племён напрямую поклонялось божественным братьям-близнецам в священной роще [4, 32].

Уже упоминавшееся дуалистическое разделение мира богов (асы и ваны) в сравнении с другими мифологиями так же позволяет предположить исконность этого представления, не связанную непосредственно с германской религиозной трансформацией. Тем не менее, Д. МакКой считает, что разделение богов на два племени относится скорее к эпохе викингов [3, 316].

Остаётся у германцев и отголосок т.н. «основного мифа» - противостояние громовержца Тора с хтоническим змеем (в сагах – Ёрмунганд, хотя Эдды знают и других змеев, а в эпосе о Сигурде и вовсе фигурирует дракон) [3, 45].

«Низшая» мифология германцев хорошо отражена в поздних источниках. Однако, сопоставить данные о ней с праиндоевропейской практически невозможно даже при помощи сравнительного метода. По всей видимости, духи природы, хтонические силы и волшебные существа так же активно присутствовали в верованиях индоевропейцев, а их функции не претерпели значительных изменений. Очень древним считается образ старух-прядильщиц, отвечающих за нити жизни людей.

Таким образом, основным изменением становится смена господствующего божества. Тиваз-Тюр теряет властные и судебные функции в пользу Одина-Вотана [4, 27]. Другие архетипы не подверглись столь сильным изменениям. Далее попытаемся проанализировать возможные причины этой религиозной трансформации и дать её примерную датировку.

Подчёркнутая автономность от остального общества и элитарность дружины отмечалась поклонением своему собственному божеству (в отличие от мирных жителей, которым покровительствует Тор). Факт смещения Тюра фигурой Одина может объясняться возросшей ролью боевых отрядов, в силу экономических и политических причин обособившихся от остального племени.

Чёткой и надёжной датировки данной перемены историческая наука на сегодняшний день дать не может в силу малого количества исходных данных источников и их хронологической «оторванности» друг от друга. Наиболее вероятная хронологическая привязка трансформации – период ранних контактов с Римом или чуть позднее, т.е. II – I вв. до н.э. В доказательство этой точки зрения можно привести следующие аргументы:

Страбон не сообщает сведений о каком-то особом верховном божестве кимвров и тевтонов. При этом, автор ссылается на необычные для него гадательные практики и ритуалы, наличие жрецов и седовласых прорицательниц [8, 267-269]. Следовательно, для носителя родственной античной традиции, где главным божеством оставался Зевс-Юпитер (этимологический «преемник» Дьеуса, взявший часть функций громовника), это изменение могло выглядеть особенно примечательным, в отличие от отдельных обрядов прорицателей. Следовательно, автор не нашёл каких-либо примечательных особенностей в верховном «пантеоне» германцев.

Далее, Тацит упоминает Меркурия как верховного бога германцев [2, 141]. Необходимо учитывать склонность античных авторов по приведению иноземных божеств к собственным архетипам. Частичное совпадение функций проникающего во все концы света Меркурия и Одина-Вотана, возможно, свидетельствует о появлении нового культа. При этом, особой категории жрецов, как друидов у галлов, писавший чуть ранее Цезарь не отмечает [4, 9-10]. Напротив, готский историк Иордан, говоря о дохристианских верованиях готов, называет их главным божеством Марса – бога

войны [4, 35-36]. Этот образ так же отсылает к другой ипостаси Одина – «сеятеля раздоров», бога воинов.

Резкое изменение внешнеполитического фона после захвата римлянами Галлии и выхода к границам рейнских племён германцев, вероятно, стало катализатором ускоренного социально-экономического роста, расслоения населения и выделения военных вождей и «дружинной» знати. При этом, по данным на позднюю эпоху викингов, скандинавская дружина будет являться носителем специфической воинской идеологии с собственным верховным богом – Одином.

Косвенным свидетельством появления культа Одина или близкого ему по функциям божества дружины (по крайней мере - у приграничных племён) может служить сообщение Цезаря о боязни германцев «потерять вкус к войне», «уступить крестьянской алчности» на фоне мирного земледелия [2, 151].

Лангобардский историк Павел Диакон, описывая противостояние виригов и вандалов, сообщает, что обе стороны призывали на помощь Годана или Гводана [4, 45]. Наконец, о боге Водане как предке саксонских вождей уже прямо пишет англосаксонский историк и церковный деятель VIII в. Беда Достопочтенный [4, 43]. Таким образом, в постримский период культ Одина уже надёжно фиксируется в источниках.

Далее, вследствие постоянных столкновений с римлянами на лимесе, главенствующее положение военной знати неизбежно закрепляется, формируются предпосылки для укрепления политической власти военных вождей и создания если не ранних государственных образований, то крупных племенных союзов (например, «государство» Маробода). Интересно, что ещё Цезарь отмечал слабую хозяйственно-техническую базу германцев [11, 70], отдававших предпочтение кочевому скотоводству, а не оседлому земледелию, что ни экономически, ни политически не предполагает наличия единовластия и существования устойчивой военной аристократии, способной принять эту власть. С другой стороны, если упомянутое почитание Меркурия отнести к ранним свидетельствам культа Одина и принять во внимание тот факт, что Цезарь контактировал с наиболее воинственными племенами захватчиков, пришедших из-за Рейна (вероятно, уже имевших прослойку-прообраз военной элиты), можно выдвинуть предположение о зарождении этого культа в ту же эпоху, когда писал автор.

Это означает, что выделение и возвышение в иерархии образа божества военной дружины могло начаться после сокрушительных походов кимвров и тевтонов. Затем эта трансформация, вероятно, распространяется на приграничные германские племена (что, предположительно, и фиксирует Цезарь). Позднее, с III в. и далее, когда уже существуют устойчивые торговые связи с Империей, оформляются постоянные племенные союзы с чётко

выделенной экономической и военной элитой, а германцы начинают принимать участие в военной службе Риму, «инновация» распространяется и на остальные германские территории. Более того, в 260 – 270-е гг. отмечается высокая активность не только на лимесе, но и столкновения с готами на Балканах и в Причерноморье, что так же могло повлиять на мировоззрение германцев, столкнувшихся с позднеантичной военной машиной.

События Великого переселения народов, затронувшие готов и большинство «континентальных» германских племён, так же хорошо известны в скандинавских сагах и героическом эпосе, что говорит о вероятности существования более или менее устойчивых военных, культурных и экономических контактов между германцами. Учитывая это обстоятельство, а также широкое распространение службы германцев из разных регионов в качестве римских федератов, предполагается сравнительно быстрое перенятие идеи верховенства «военного бога» большинством племён.

Другая религиозная трансформация – появление сюжета о «Гибели богов» после трёхлетней зимы, известного в скальдической традиции как Рагнарёк, может считаться чуть более поздним нововведением, хотя и тесно связанным с образом Одина. Причиной появления сюжета считается роковое наложение двух факторов: климатического и политического. Так, на рубеже IV – V вв. оканчивается период римского климатического оптимума (возможно, так же сыгравшего роль в становлении германских племенных союзов и выделении военной знати), а с 360-х гг. под давлением гуннов начинается длительный период войн и миграций, известный в историографии как Великое переселение народов. В новых внешнеполитических и климатических условиях германцы становятся активными участниками переселения и завоеваний (не в последнюю очередь – в силу демографических причин), что приведёт к падению Рима в 480-е гг.

В.Я. Петрухин осторожно предполагает, что к этому же периоду относится мифологема о разрушительном противостоянии богов-асов и ванов [4, 120]. Таким образом, появление сюжета о конце времён наложило на напряжённую политическую обстановку и резкую смену образа жизни целых народов.

Теоретически, возможно и влияние на германскую традицию христианской идеи Второго пришествия Христа и Страшного суда, что в совокупности с политическими и климатическими изменениями и создаёт образ столь специфического фаталистического события. Д. МакКой считает, что сама концепция Рагнарёка зародилась задолго до христианизации, однако испытала сильное влияние позднее, когда к ней добавляется идея о возрождении мира после катастрофы [3, 312]. Самое непосредственное участие в подготовке к «Гибели богов» принимает, по данным саг, новый бог военной аристократии Один.

Обобщённая картина древнегерманской религиозно трансформации может быть представлена следующим образом. Германское язычество претерпело существенные изменения по сравнению с предковой праиндоевропейской «религией», но сохранило большую часть божественных архетипов, кроме фигуры главного бога. Нечто подобное можно наблюдать и в иных индоевропейских религиозных системах. Основная причина трансформации – выделение военной знати и занятие привилегированного положения в обществе ранними германскими дружинниками. Роль этих отрядов резко возрастает на фоне столкновений с Римом как более развитой в военно-техническом и экономическом отношениях цивилизацией.

Предполагаемой хронологической нижней границей изменений в пантеоне германцев, таким образом, становится период начала римско-германских контактов во время вторжения кимвров и тевтонов. Можно предположить, что в дальнейшем, по ходу развития экспансии Римского государства в Галлию и вдоль Рейна в период с I в. до н.э. (походы Цезаря) по III в. н.э. (активность германцев на лимесе во время гражданской войны в Риме, столкновения готов с императором Аврелианом, начало практики найма в римскую армию германцев-федератов), данное нововведение распространилось и на остальные области племенного расселения германцев, включая отдалённую Скандинавию. В последующем Вендельском периоде VI-VIII вв. существование фигуры Одина уже отмечено и в археологическом материале (характерное изображение на пластине шлема всадника с воронами и копьём [3, 157]), в предшествующий – не фиксируется надёжно.

Такую инновацию, как «Гибель богов» и предшествующую ей трёхлетнюю зиму, вероятно, можно связать с окончанием периода римского климатического оптимума и началом событий Великого переселения народов в IV веке, которые хорошо отражены в германском эпосе. В то же время, в IV веке в Римской империи прекращаются гонения на христиан, их религия постепенно вытесняет остальные культы. Теоретически, библейская концепция Страшного Суда также могла оказать влияние на контактирующие с Римом племена, а затем распространиться и на отдалённые германские земли – накладываясь на традиционные верования. Это позволяет предположить, что процесс религиозной трансформации германского язычества не был одномоментным, а изменение положения верховного божества хронологически предшествует появлению идеи долгой зимы и конца времён.

Исходя из этих данных, выделение божества дружины можно отнести к периоду II – I вв. до н.э., а его распространение среди германских племён – к III-V вв. н.э. Появление сюжета о Рагнарёке наиболее оправдано хронологически привязывается к событиям IV – V вв. На фоне становления мифо-

логемы «Гибели богов», вероятно, образ Одина-Вотана получает дальнейшее развитие, и архетипический бог дружины становится предводителем божественных сил в борьбе с хтоническими. Это означает, что образ Одина прошёл длительный путь трансформации и постепенно его фигура занимает главенствующее положение, хотя основными почитателями бога оставалась германо-скандинавская дружина.

Библиографический список:

1. Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники / Пер. с лат. И.В. Дьяконова, Л.В. Разумовской. – М.: «СПСЛ», «Русская панорама», 2011. 584 с.
2. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев / Ж. Дюмезиль; Пер. с франц. Т. В. Цивьян. — М.: ГРВЛ «Наука», 1986. 234 с.
3. МакКой Д. Дух викингов. Введение в мифологию и религию Скандинавии / Д. МакКой; пер. с англ. В. Краснянской. – М.: АСТ, 2022. 336 с.
4. Петрухин В.Я. Мифы языческой Скандинавии / В.Я. Петрухин. – М.: Эксмо, Яуза, 2023. 480 с.
5. Саксон Грамматик. Деяния данов в 2-х т. Т.1: Книги I-X / Пер. с лат. и ком. А.С. Досаева. – М.: «СПСЛ», «Русская панорама», 2017. 606 с.
6. Саксон Грамматик. Деяния данов в 2-х т. Т.2: Книги XI-XVI / Пер. с лат. и ком. А.С. Досаева. – М.: «СПСЛ», «Русская панорама», 2017. 616 с.
7. Снорри Стурлуссон. Круг Земной / Изд. под. М.И. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский; Отв. ред. М.И. Стеблин-Каменский. – М.: Наука, 1980. 691 с.
8. Страбон. География в 17 книгах / Пер. и ком. Г.А. Стратановского. М.: Ладомир, 1994. 941 с.
9. Тацит П. К. Сочинения в двух томах. Т.1. / Пер. А.С. Бобовича. – Л.: Наука, 1969. 444 с.
10. Торп Б. Нордическая мифология / Б. Торп; пер. с англ. Е.С. Лазарева, Ю.Р. Соколова. – М.: Вече, 2022. 560 с.
11. Цезарь Г. Юлий. Записки Юлия Цезаря / Пер. и ком. М.М. Покровского; отв. ред. И.И. Толстой. – Изд-во Ак. Наук СССР, 1948. 559 с.

Reference

1. Adam of Bremen, Helmold of Bossau, Arnold of Lubeck. Slavic Chronicles / Trans. from lat. I.V. Dyakonova, L.V. Razumovskaya. – M.: "SPSL", "Russian Panorama", 2011. 584 p.
2. Dumezil J. Supreme gods of the Indo-Europeans / J. Dumezil; Per. from French T. V. Tsivyan. - M.: GRVL "Nauka", 1986. 234 p.
3. McCoy D. Spirit of the Vikings. Introduction to the mythology and religion of Scandinavia / D. McCoy; lane from English V. Krasnyanskaya. – M.: AST, 2022. 336 p.
4. Petrukhin V.Ya. Myths of pagan Scandinavia / V.Ya. Petrukhin. – M.: Eksmo, Yauza, 2023. 480 p.
5. Saxon Grammar. Acts of the Danes in 2 volumes. T.1: Books I-X / Trans. from lat. and com. A.S. Dosayev. – M.: "SPSL", "Russian Panorama", 2017. 606 p.
6. Saxon Grammar. Acts of the Danes in 2 volumes. T.2: Books XI-XVI / Trans. from lat. and com. A.S. Dosayev. – M.: "SPSL", "Russian Panorama", 2017. 616 p.
7. Snorri Sturlusson. Circle of the Earth / Ed. under. M.I. AND I. Gurevich, Yu.K. Kuzmenko, O.A. Smirnikskaya, M.I. Steblin-Kamensky; Rep. ed. M.I. Steblin-Kamensky. – M.: Nauka, 1980. 691 p.
8. Strabo. Geography in 17 books / Transl. and com. G.A. Stratanovsky. M.: Lodomir, 1994. 941 p.
9. Tacitus P.K. Works in two volumes. T.1. / Per. A.S. Bobovich. – L.: Nauka, 1969. 444 p.
10. Thorp B. Nordic mythology / B. Thorp; lane from English E.S. Lazareva, Yu.R. Sokolova. – M.: Vechе, 2022. 560 p.
11. Caesar G. Julius. Notes of Julius Caesar / Trans. and com. MM. Pokrovsky; resp. ed. I.I. Tolstoy. – Publishing House Ak. Sciences of the USSR, 1948. 559 p.

Аннотации

Резцова Н.В.

Индикации тактильного поведения коммуникантов в англоязычном лингвокультурном ареале: функциональный и лексический аспекты

Данная статья ставит своей целью исследование гаптических индикаций, вербализирующих тактильное поведение персонажей в коммуникативных актах в англоязычном прозаическом тексте. Анализируется функциональный потенциал языковых средств, номинирующих ситуации тактильного поведения, ослабляющих или усиливающих процесс коммуникативной связи. Проводится морфосинтагматический анализ гаптических интикаций с целью установления частотности типов синтагм в структуре предложения. Особое внимание уделяется обзору языкового спектра коммуникативно-тактильных маркеров.

Ключевые слова: невербальная семиотика, гаптические индикации, коммуникативно-тактильные маркеры, функциональный потенциал, литературная коммуникация, языковой спектр, морфосинтагматический анализ.

Лукина М.Н.

О некоторых вопросах национальной специфики языка в восприятии картины мира

В статье структурно и содержательно рассмотрено формирование коммуникативной компетенции на основе изучения средств языка и влияния грамматики на формирование личности и национального характера. Язык раскрывает определенные черты личности. Он не только подтверждает само существование национального характера как явления, но и вывечивает его малозаметные аспекты и грани.

Ключевые слова: разнообразие языковых средств, национальный характер, система средств выражения, восприятие картины мира, диалог двух культур, родной язык, языковая личность.

Сон Ён Иль

Морфолого-синтаксические свойства союза что...что

В современных реалиях возрастает интерес к русскому языку как иностранному в силу укрепления России на международной арене, возвышения ее статуса в сфере политики, экономики, науки и технологий. Иностранцы желают учиться в России, мировой бизнес имеет тенденцию к сближению с российскими предприятиями, соответственно, русский язык постепенно приобретает международный статус.

Стоит отметить, что русский язык является многогранным, интересным, красивым, но одним из самых сложных языков в мире. Его флективный характер, а также разветвленная система падежей, синонимно-антонимических парадигм и тропов делает его максимально сложным для восприятия иностранным слушателем. Кроме того, многообразие союзов также является непростоим материалом для иностранцев, желающих освоить русский язык на высоком профессиональном уровне.

Актуальность данной статьи заключается в настоятельной необходимости изучения морфолого-синтаксических характеристик союзов для более качественного восприятия русскоязычного материала иностранными обучающимися.

Предметом исследования является союз что...что в русском языке.

Объектом работы являются морфологические и синтаксические характеристики союза что...что.

Научная новизна исследования заключается в качественном описании вышеуказанных характеристик союза что...что для более качественного восприятия материала иностранными слушателями.

Практическая значимость работы представлена возможностью использования материа-

лов работы в академическом процессе обучения иностранцев русскому языку.

Ключевые слова: союзы, морфолого-синтаксические характеристики, речь, иностранные слушатели, восприятие, усвоение, парадигма, развитие.

Иванова М.Е.

Чубарова Ю.Е.

Соборность как социальное основание державности, гражданственности и патриотизма

Соборность – одна из ключевых ценностей русской традиционной культуры, для которой не существует аналогов в западном гуманитарном мышлении. Цель статьи – проанализировать становление и развитие содержания этого термина. Показано, что суть соборности – в объединении её носителей вокруг общего социального идеала. Подобным образом понимаемая соборность может трактоваться в качестве социального основания гражданственности и патриотизма. В первую очередь это касается таких видов соборности, как державность и гражданственность. Выявлено соотношение содержания соборности, державности, гражданственности, патриотизма. Охарактеризованы ведущие подходы отечественных исследователей к структуре и содержанию соборности и державности.

Ключевые слова: патриотизм, соборность, социальный идеал, державность, гражданственность.

Хуан Сянюань

К вопросу о диалектных словарях

В современном мире изучение языка является одной из важнейших задач. Однако, при освоении языкового материала мы сталкиваемся с проблемой понимания его смысла и контекста. Возникает потребность в создании инструментов, которые помогут нам более глубоко понять язык и его диалектные особенности. В данном ключе нам помогают диалектные словари. Они представляют собой особый вид лексикографических справочников, которые включают в себя лексические единицы и определения, связанные с диалектологией, предусматривающей лингвистические особенности в зависимости от региона функционирования того или иного языка. Вопрос о диалектных словарях является актуальным и интересным, поскольку они представляют собой инструмент для понимания и анализа сложных и противоречивых явлений в различных областях лингвистического знания, таким образом, являясь решением для более глубокого изучения и познания языка. Именно указанные вопросы рассматриваются в данной работе.

Актуальность исследования заключается в возрастающем интересе к языкам и их диалектам, особенностям их функционирования в контексте языковых систем, а также к описанию всех языковых особенностей в диалектных словарях.

Предметом исследования представлены диалектные словари, их особенности и назначение. Новизна работы заключается в описании становления подобных словарей в сопоставительном плане, их исторического развития и назначения в современных реалиях.

Практическая значимость исследования представлена возможностью использования материала и рекомендаций, указанных в работе, в учебном процессе и исследовательских лингвистических практиках.

Ключевые слова: диалектный словарь, диалектология, сопоставление, история, лингвистические категории, развитие.

Крота О.А.

Шагина Ю.В.

Цифровые технологии в преподавании дисциплин гуманитарного цикла

В статье рассматривается термин «цифровые технологии». Авторы приходят к выводу, что информационные технологии в современном образовании можно считать «основопола-

гающим моментом в преподавании социально-гуманитарных дисциплин, поскольку они повышают качество обучения, а также сокращают время изучения данных дисциплин». Авторы убеждены, что преподавание дисциплин гуманитарного цикла - важная часть тех процессов, которые приводят к образованию структуры культурного в социальный потенциал как образовательного учреждения, так и региона, нации, целого общества. Авторы пришли к выводу, что современные IT-технологии способствуют появлению в гуманитарном образовании новых направлений. Обозначенный процесс отвечает требованиям современного образования, где каждый должен не только владеть знаниями, но и приобретать их самостоятельно. Процесс информатизации – главный механизм, позволяющий реализовать новую образовательную модель в гуманитарном образовании. При этом можно прийти к выводу о том, что IT-технологии в современном гуманитарном образовании занимают значительное место, что проявляется в появлении программных продуктов, получении обучающимися современных инструментов, способствующих повышению качества исследований в области гуманитарных наук.

Ключевые слова: IT-технологии, гуманитарные науки, цифровизация, информатизация, модернизация образования, цифровизация, методы, механизмы.

Кирухин Д.В.

Полозова В.П.

Старкова Е.А.

Егорова Л.В.

Гаврилова Ю.В.

Возможности диалога в медийном пространстве на примере авторского проекта «Chronica Magistri»

В статье рассматривается проблема взаимоотношений современного педагога и его обучающихся в медийном пространстве социальной сети «ВКонтакте» при ведении авторского проекта «Chronica Magistri», представляющего собой паблик, содержащий контент которого анализирует допущенные ошибки, привлекает внимание к изучаемой дисциплине и является площадкой для неформальной коммуникации. Авторы обращают внимание на возросший интерес к различным аспектам изучения иностранных языков. Несмотря на то, что названный проект реализуется на добровольной основе в свободное время и на собственные средства, к перспективам его развития можно отнести не только расширение аудитории, но и добавление новых учебных и методических материалов, публикацию переводов и источников, размещение образовательного и научно-популярного контента, связанного с историей развития иностранных языков и культур разных стран, а также разнообразных мультимедийных аудио- и видеоматериалов.

Ключевые слова: преподавание иностранных языков в языковом вузе, латинский язык, английский язык, антиковедение, сеть Интернет, социальные сети и блоги, социальная сеть «ВКонтакте», проект Chronica Magistri.

Губкина В.С.

Из истории исследования семантических типов предикатов

В современном мире лингвистическая семантика представлена разными течениями и школами. Представляется важным некое синтезирование и согласование различных подходов, сравнение различных методов и приемов. Существенная роль в данном вопросе отводится выявлению семантических категорий и способов их выражения в конкретном языке. Но структура содержания этих категорий, их статус в языке и роль речемыслительной деятельности еще недостаточно изучены.

Ключевые слова: активная грамматика, продуктивные речевые действия, ономазиологический подход, русский язык как иностранный, пропозитивные смыслы, пропозиция.

Кобзева О.В.

Федорова Е.Л.

Чистякова Н.А.

Семантические универсалии и специфические национальные особенности фразеологических единиц с компонентом «душа» и «сердце» во французском, английском и русском языках

В статье рассмотрены разнообразные фразеологические единицы, которые способствуют не только увеличению лексического запаса слов на иностранном языке, но и является средством расширения лингвокультурологического кругозора студентов. Целью данной работы стало исследование корпуса фразеологических единиц с компонентом «душа» и «сердце» в разных языках и разработка алгоритма обучения данному феномену студенческой аудитории. В работе подчеркивается важная идея о том, что национально-культурный план фразеологических единиц русского, французского и английского языков облегчает процесс овладения фоновыми знаниями страны изучаемого языка, его истории и культуры, а также позволяет определить универсальные и национально-специфические черты фразеологии. Метод сопоставительного анализа семантики фразеологических единиц дает возможность выявить лингвистические и экстралингвистические причины сходств и различий фразеологизмов в разных лингвокультурах.

Ключевые слова: фразеологические единицы, метод сопоставительного анализа, экстралингвистические причины, семантические универсалии, лингвокультурологического кругозор студентов.

Расул Фрэд Исмаил Расул

Реакция на референдум Иракского Курдистана в российских СМИ

В статье рассматриваются вопросы отношений между Регионом Курдистан и Центральным правительством Ирака, которые привели к иракско-курдскому референдуму 2017 года. Автор разъясняет причины напряженности между двумя сторонами. Проводится анализ публикаций российских СМИ на тему референдума и его последствий, которые показывают позицию России по данным вопросам. Результаты исследования подчеркивают сложность ситуации и необходимость дипломатического урегулирования курдского вопроса, где Россия может сыграть важную роль. Рекомендации направлены на усиление международного посредничества и диалога для смягчения конфликта и содействия стабильности. В заключении подчеркивается курдское право на самоопределение в рамках глобальной поддержки и региональной стабильности с охватом многоаспектного дискурса, связанного с иракско-курдскими отношениями.

Ключевые слова: Иракский Курдистан, независимость курдов, референдум, курды, Ирак, российские СМИ.

Даренская И.В.

«Диалог с властью»/ «диалог с народом» в контексте мобилизационных механизмов в индустриальных городах Урала в период «великого перелома»

В статье на основе привлечения широкого круга источников анализируются формы диалога власти и общества в ходе проведения мобилизационных кампаний раннесоветской эпохи. Автор рассматривает формы, которые были распространены на Урале в период «великого перелома»: собрания как формат общественных форумов с двухсторонней коммуникацией, диалог власти и общества на страницах средств массовой информации и посредством отправки «писем во власть». На основе анализа организационно-распорядительных, аналитических материалов, «эго-документов» и городского фольклора рассмотрены вербальные и невербальные реакции населения индустриальных городов на предлагаемые формы взаимодействия, проанализированы причины участия/неучастия, сопоставлены мотивы власти и общества поддер-

живать диалоговый формат. Трактую мобилизационные кампании как действия руководства страны по вовлечению в процесс форсированных преобразований населения с целью получения политического и экономического результата, автор доказывает необходимость руководства страны поддерживать диалог с обществом как инструмент реализации задач кампаний.

Ключевые слова: власть, мобилизационные кампании, «великий перелом», диалог, собрания.

Арутюнян М.Н.

Дармилова Э.Н.

Урчукова С.Р.

Проблемы становления и развития российской общественной мысли на рубеже XVIII-XIX столетий

Развитие общественной мысли и формирование основных политических течений, как и всей русской культуры XVIII-XIX вв. определялось идеологией эпохи Просвещения с ее концепциями о верховной роли знания и разума в жизни каждого человека и общества в целом, свободы и равенства всех людей, вниманием к человеческой личности.

Ключевые слова: власть, общество, государство, общественная мысль, история России.

Нарцисс М.С.

Частная жизнь сельского (белого) духовенства Вологодской епархии в XVII веке

В статье рассмотрены особенности частной жизни сельского (белого) духовенства Вологодской епархии XVII века. Целью исследования стало рассмотрение роли и места сельских священнослужителей во взаимосвязи с приходом и крестьянской общиной на основе исторических источников того времени: Сборника актов Северного края. На основе использования источниковедческого и исторического метода анализа и синтеза проанализировано положение приходского духовенства и особенности их статуса, а также взаимоотношения с их окружением, в том числе с церковными старостами. Роль сельского священника рассмотрена как духовника общины, показано, что в XVII веке происходит зарождение традиций церковного семейного служения и передачи прихода от отца к сыну. Результатами исследования стало выявление особенностей частной жизни белого духовенства Северного края, которому были присущи такие же бытования, как и у другой части населения (крестьян): рождение, свадьба, смерть, возделывание земли, но и некоторым из них были присущи такие пороки мирской жизни, как пьянство, воровство, прелюбодеяние, они могли стать жертвой оговора.

Ключевые слова: сельское духовенство, белое духовенство, Вологодская епархия, священник, приход, община, десятильник, келарь, архиерей, дьяк.

Горохов В.М.

К вопросу об искажении текста приговора Международного военного трибунала в сборниках материалов «Нюрнбергский процесс»

В статье рассмотрен текст приговора Международного военного трибунала из сборников материалов «Нюрнбергский процесс» разных лет издания и выполнено его сравнение с приговором Международного военного трибунала, оглашенным 30 сентября – 1 октября 1946 г. Сделан вывод о том, что данные документы не являются аутентичными. Отмечается вероятная связь искажения текста приговора с попыткой сторонних сил скрыть ряд преступлений нацистского режима Гитлера против народа Советского Союза. Ставится вопрос об отсутствии подлинника приговора Международного военного трибунала в Государственном архиве РФ.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, военные преступления, Нюрнбергский процесс, приговор Международного военного трибунала, особое мнение судьи Никитченко.

Алиих АлааВорожейкина Т.М.**Очерк истории сельскохозяйственного учета**

Данное исследование исследует доктрину «агрономического учета», которая распространилась во Франции в первой половине девятнадцатого века. Оптимизировать их производительную эффективность. Таким образом, агрономический учет воплощает более широкое понятие «урожайности» как часть энергичного понимания производства, которое привело к английской «сельскохозяйственной революции», которая началась в шестнадцатом веке, но получила распространение с конца семнадцатого века. Историки часто говорят, что в Англии произошла сельскохозяйственная революция. В этой статье сравниваются системы рабства в США и соответствующие им эмансипации. учетные функции. В Египте была определена основа, на которой основывались концепции бухгалтерского учета, как это стало ясно во время египетской революции против британской оккупации, поскольку Египет тогда превратился в сельскохозяйственный экономический комплекс. Обсуждались основные характеристики экономического роста, структурные преобразования сельскохозяйственного сектора и появление бухгалтерской отчетности.

Ключевые слова: история, аграрная эпоха, сельскохозяйственный учет, бухгалтерская запись, бухгалтерские записи.

Бедретдинова Л.Н.**Зарубежная поездка Соловьева в 1842-1844 гг.**

В данной работе рассмотрена поездка за границу Сергея Михайловича Соловьева, его знакомство с научной деятельностью зарубежных историков и философов как фактор влияния на зарождение его исторической концепции.

Ключевые слова: историческая концепция, статьи, письма, архивы.

Патракеев А.В.**Деятельность фабричных инспекторов в России в начале XX века**

В статье проводится анализ деятельности фабричных инспекторов в России в начале XX века. Цель исследования – изучение истории развития института фабричной инспекции в начале XX века. Были рассмотрены основные направления деятельности фабричной инспекции, проблема подчинения предприятий ее надзору и возможности освобождения из-под него, вопрос кадрового состава фабричных инспекторов. В ходе работы установлено: исследователи вопроса деятельности фабричной инспекции в России в начале XX века проявляли единодушие в том, что фабричные инспекторы являлись важным звеном в системе охраны труда. Данная статья может быть полезна исследователям вопроса положения рабочих в России в начале XX века.

Ключевые слова: фабричная инспекция, фабричные инспекторы, контрольно-ревизионная деятельность, посредническая деятельность.

Феклистова И.В.Богданов С.В.

Мотивация активных коллаборационистов на оккупированной немецкими захватчиками советской территории (на материалах уголовных дел УКГБ СССР по Белгородской области)

В статье рассматривается проблема добровольного активного сотрудничества отдельных советских граждан с немецкими захватчиками и союзниками Третьего рейха в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется мотивации отдельных советских граждан – жителей Курской области перейти на сторону фашистской Германии. В качестве инфор-

мационной базы исследования выступают архивно-следственные дела изменников Родины, которые были расследованы сотрудниками органов государственной безопасности Белгородской области. Среди осужденных лиц были бывшие сотрудники спецслужб нацистской Германии – 725-й внешней команды тайной полевой полиции, жандармерии, секретные агенты службы безопасности нацистской Германии (СД), военной разведки (Абвера), русской вспомогательной полиции и т.д. Среди осужденных лиц были бывшие сотрудники спецслужб нацистской Германии – 725-й внешней команды тайной полевой полиции (ГФП), жандармерии, секретные агенты службы безопасности нацистской Германии (СД), военной разведки (Абвера), русской вспомогательной полиции и т.д.

Ключевые слова: немецкая оккупация, коллаборационизм, ГФП, Курская область, КГБ СССР.

Эшматова Г.Б.

Депутаты от Республики Алтай в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации

В статье рассмотрен порядок формирования Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, содержится анализ основных изменений в вопросе допуска избирательных объединений к участию в выборах в нижнюю палату парламента. На основе официальных данных изучены социально-профессиональные характеристики депутатов Государственной Думы всех восьми созывов, избранных от Республики Алтай. Исследование показало, что победу на выборах одерживают крупные политические партии, для которых новое избирательное законодательство является идеальным условием для ведения избирательной кампании.

Ключевые слова: Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, представительство регионов, избирательная система, выборы, мандат, депутаты, политические партии, социальный состав.

Крыжановский А.В.

США и ЕС: испытание бананами (из истории американо-европейских торговых конфликтов)

Американо-европейские торговые столкновения являются неотъемлемой частью трансатлантических отношений вследствие постоянного экономического соперничества Вашингтона и Брюсселя. Используя в качестве примера длившиеся на протяжении пятнадцати лет (1994-2009 гг.) «банановые войны» между США и ЕС, связанные с дискриминационными тарифами Европейского союза на ввоз бананов из государств, не входящих в зону АКТ (АКТ – Африка, Карибский бассейн, Тихоокеанский бассейн), автор предпринимает детальное исследование различных составляющих данного торгового конфликта – экономической, геополитической, международно-правовой и социокультурной. Особое внимание обращается на то, что уроки «банановых войн» заставляют задуматься о серьезных проблемах, выходящих далеко за пределы отдельно взятого торгового конфликта. Речь идет об исключительной важности применения принципа наибольшего благоприятствования, необходимости урегулирования торгово-экономических разногласий в рамках ВТО, растущей взаимозависимости США, ЕС и развивающихся государств в системе многосторонней торговли и, наконец, об устойчивых позициях экономического лоббизма в Соединенных Штатах. Формальное завершение американо-европейского противостояния, вопреки оптимистичным заявлениям высокопоставленных чиновников Европейской Комиссии, не служит надежной защитой от рецидива «банановых войн» в краткосрочной перспективе.

Ключевые слова: США, ЕС, трансатлантические отношения, американо-европейские торговые конфликты, «банановые войны», внешняя политика США, внешняя политика ЕС.

Тан Н.Д.

Дубу Ф.М.

Причины неэффективности международных организаций в разрешении кризисов в Африке: на примере ЭКОВАС

В XIX веке африканский континент оказался в центре внимания колониальных империй, что определило их геополитические интересы. Однако борьба за ресурсы не закончилась с обретением африканскими странами независимости: в годы холодной войны они стали полем боя между советским и американским блоками, а бывшие метрополии и сегодня стремятся вмешиваться в их внутренние дела. Сегодня африканские государства сталкиваются с различными вызовами и угрозами: демографическими проблемами, проблемами международного терроризма, распространением инфекционных заболеваний и территориальными конфликтами. Для решения этих проблем африканские страны стремятся консолидироваться в рамках межгосударственных союзов, деятельность которых важно изучать в контексте становления современного многополярного мира: именно для этого было создано Экономическое сообщество государств Западной Африки (ЭКОВАС), главной целью которого было укрепление экономики. Однако эта организация превратилась в организацию, занимающуюся предотвращением и разрешением конфликтов. Цель данного исследования - выявить причины неэффективности этой региональной организации в разрешении кризисов в Западной Африке.

Ключевые слова: урегулирование, политические кризисы, неэффективность, международная организация, суверенитет, ЭКОВАС, Глобализация, Суверенные государства, финансовые трудности, электроральные кризисы.

Нгойе С.Т.

Эволюция политики России в отношении стран Центральной Африки

Эволюция российской политики в отношении стран Центральной Африки претерпела многогранную трансформацию, отражающую стратегическую перестройку и растущий интерес Москвы к региону. В последние годы Россия стратегически расширила свои дипломатические, экономические и военные связи с Центральной Африкой, что свидетельствует об отходе от относительного пренебрежения постсоветской эпохи. Краеугольным камнем является экономическое сотрудничество, в рамках которого Россия стремится получить доступ к богатым природным ресурсам региона. В частности, проект газопровода «Сила Сибири» служит примером усилий Москвы по укреплению энергетических связей и расширению экономического сотрудничества. Кроме того, военное измерение политики России в Центральной Африке проявляется в ее участии в инициативах по поддержанию мира и безопасности. Москва направляет военных советников и оборудование для оказания помощи в стабилизации обстановки в районах, подверженных конфликтам, способствует укреплению связей с правительствами стран Центральной Африки.

В частности, углубляется военное сотрудничество с Центральноафриканской Республикой, где Россия проводит обучение и оказывает поддержку в укреплении аппарата безопасности страны. В дипломатическом плане Россия участвует в диалогах на высоком уровне и инициативах по укреплению партнерства, подчеркивая важность взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела. Создание дипломатических платформ, таких как саммит Россия-Африка, подчеркивает стремление Москвы к развитию дипломатических связей и укреплению своего влияния на континенте. Эволюция российской политики характеризуется отходом от транзакционного подхода к более комплексному и стратегическому взаимодействию.

Интересы Москвы в Центральной Африке выходят за рамки сиюминутных экономических выгод, охватывая геополитические соображения, динамику безопасности и проецирование влияния на глобальной арене. Использование «мягкой силы», включая культурные и образовательные обмены, еще больше иллюстрирует многогранный подход России к постро-

нию прочных партнерских отношений в регионе. Хотя экономические инициативы способствовали расширению присутствия России в Центральной Африке, именно сочетание экономических, военных и дипломатических усилий определяет нюансы эволюции политики Москвы. Стратегическое взаимодействие со странами Центральной Африки служит более широким геополитическим целям России, позиционируя ее как ключевого игрока на развивающемся африканском континенте. Эволюция российской политики в отношении Центральной Африки отражает динамичное взаимодействие, в котором экономические интересы уравновешиваются дипломатическими соображениями и соображениями безопасности, что знаменует собой значительное отклонение от исторических моделей.

Ключевые слова: Африка, Россия, отношения, сотрудничество, дипломатия, помощь, совместные проекты.

Чжу Вэньцин

Актуальные вопросы международной политики в контексте глобализационных процессов

В данной статье осмысливается сущность процесса глобализации в контексте международных отношений, рассматривается природа глобализационного процесса и сферы, которые он затрагивает. В статье утверждается, что глобализация радикально изменила аспекты международной политики, существовавший до «холодной войны». Проанализировав причины и тенденции развития глобализации, в статье делается вывод, что политическая глобализация, захватывающая уровень международных отношений, скорее, негативный фактор политического развития, чем позитивный, поскольку в глобализационном мире существует иерархия и взаимозависимость государств друг от друга. Более того, все процессы в системе международных отношений одобряются или не одобряются Соединенными Штатами Америки – государством, которое объявила себя «лидером мира», что полностью нивелирует теорию глобализации. Проблема доминирования в мире одной державы поставила вопрос создания глобального правительства, которое направит процесс международных отношений в нужное русло, установив новый мировой порядок и обеспечив миру стабильное политическое развитие.

Ключевые слова: глобализация, глобализационный процесс, мировая политическая система, международные отношения, мировой порядок.

Крестовников В.А.

Древнегерманская религиозная трансформация

В статье анализируется древнегерманская религиозная трансформация – изменение роли верховного божества и появление сюжета о «Гибели богов» после трёхлетней зимы. Задачей исследования становится обоснование примерных хронологических границ отмеченных изменений, а также поиск анализ вероятных причин трансформации. Выделяется и сравнивается античная и средневековая источниковая база о германо-скандинавском язычестве, отмечаются актуальные современные научные публикации по теме. Далее сопоставляются данные о древнегерманских религиозных представлениях через сравнение дошедших до настоящего времени средневековых скандинавских саг с реконструируемой праиндоевропейской мифологией, выделяются специфические германские инновации. Затем анализируются вероятные причины мифологических изменений: столкновения с Римом, выделение прослойки профессиональных воинов на фоне экономического развития общества германцев, климатические перемены и начало событий Великого переселения народов. В качестве заключения даётся обобщённая хронология религиозной трансформации.

Ключевые слова: мифология, германское язычество, древние германцы, индоевропейцы, скальдическая поэзия.

Abstracts

Rezeпова N.V.

Indications of tactile behavior of communicants in the English-speaking linguistic and cultural area: functional and lexical aspects

This article aims to study haptic indications that verbalize the tactile behavior of characters in communicative acts in English prose text. The functional potential of linguistic means that nominate situations of tactile behavior, weakening or strengthening the process of communicative communication is analyzed. A morphosyntagmatic analysis of haptic indications is carried out in order to establish the frequency of types of syntagmas in the structure of the sentence. Particular attention is paid to the review of the linguistic spectrum of communicative-tactile markers.

Key words: nonverbal semiotics, haptic indications, communicative-tactile markers, functional potential, literary communication, language spectrum, morphosyntagmatic analysis.

Lukina M.N.

On some issues of the national specificity of language in the perception of the worldview

The article is devoted to the problem of mutual understanding between peoples, the difficulties of clashing belief between cultures, the influence of grammar on the formation of personality and national character.

Key words: variety of linguistic means, national character, system of means expression, perception of the worldview, dialog between two cultures, native language, linguistic personality.

Song Yong II

Morphological and syntactic properties of the conjunction that...that

In modern realities, interest in Russian as a foreign language is growing due to the strengthening of Russia in the international arena, the elevation of its status in the sphere of politics, economics, science and technology. Foreign students want to study in Russia, global business tends to move closer to Russian enterprises, and accordingly, the Russian language is gradually acquiring international status.

It is worth noting that the Russian language is multifaceted, interesting, beautiful, but one of the most difficult languages in the world. Its inflectional nature, as well as an extensive system of cases, synonymous-antonymic paradigms and tropes makes it extremely difficult for a foreign listener to understand. In addition, the variety of unions is also difficult material for foreigners who want to master the Russian language at a high professional level.

The relevance of this article lies in the urgent need to study the morphological and syntactic characteristics of conjunctions for a better perception of Russian-language material by foreign students.

The subject of the study is the conjunction that...that in the Russian language.

The object of the work is the morphological and syntactic characteristics of the conjunction that...that.

The scientific novelty of the study lies in the qualitative description of the above characteristics of the union that...that for a better perception of the material by foreign listeners.

The practical significance of the work is represented by the possibility of using the work materials in the academic process of teaching foreigners the Russian language.

Key words: conjunctions, morphological-syntactic characteristics, speech, foreign listeners, perception, assimilation, paradigm, development.

Ivanova M.E.

Chubarova Yu.E.

Conciliarity as the social foundation for sovereignty, citizenship and patriotism

Conciliarity is one of the key features of the traditional culture of Russia. It is unprecedented in the western cultures. The article aims at analyzing the origins and development of the scope of the notion. The article argues the purpose of conciliarity is to unite people by introducing common social ideal. The conciliarity understood as such underlies the formation of citizenship and patriotism. First of all, it includes such notions as sovereignty and patriotism. The article reveals the scope of the relative notions of conciliarity, sovereignty, citizenship, and patriotism. The article analyzes the approaches of the leading domestic researchers to conciliarity and sovereignty.

Key words: patriotism, conciliarity, social ideal, sovereignty, citizenship.

Huang Xiangyuan

On the issue of dialectal dictionaries

In the modern world, learning a language is one of the most important tasks. However, when studying linguistic material, we are faced with the problem of understanding its meaning and context. There is a need to create tools that will help us more deeply understand language and its dialectal features.

Dialectal dictionaries are a special type of lexicographic reference books that include terms and definitions related to dialectology, which provides linguistic features depending on the region of operation of a particular language. The issue of dialectal dictionaries is relevant and interesting, since they represent a tool for understanding and analyzing complex and contradictory phenomena in various areas of linguistic knowledge, thus being a solution for a deeper study of language. In this paper we will consider the issue of dialectal dictionaries and their role in language learning.

The relevance of the study lies in the growing interest to languages and their dialects, the peculiarities of their functioning in the context of language systems, as well as in the description of all linguistic features in dialectal dictionaries.

The subject of the study is dialectal dictionaries, their features and purpose.

The novelty of the work lies in the description of the formation of such dictionaries in a comparative manner, their historical development, and purpose in modern realities.

The practical significance of the study is represented by the possibility of using the material and recommendations specified in the work in the educational process and research practices.

Key words: dialectal dictionary, dialectology, comparison, history, linguistic categories, development.

Kropta O.A.

Shagina Y.V.

Digital technologies in teaching humanities disciplines

The article discusses the term “digital technologies”. The authors conclude that information technologies in modern education can be considered “a fundamental moment in the teaching of social and humanitarian disciplines, since they improve the quality of education, as well as reduce the time spent studying these disciplines.” The authors are convinced that teaching disciplines of the humanities cycle is an important part of those processes that lead to the formation of a cultural structure in the social potential as an educational institution.

The authors came to the conclusion that modern IT technologies contribute to the emergence of new directions in humanitarian education. This process meets the requirements of modern education, where everyone must not only possess knowledge, but also acquire it independently. The process of informatization is the main mechanism that allows us to implement a new educational model in humanitarian education. We can conclude that IT technologies occupy a significant place in modern humanitarian education, which is manifested in the appearance of software products, the acquisition by students of modern tools that contribute to improving the quality of research in the field of humanities.

Key words: IT technologies, humanities, digitalization, informatization, modernization of education, digitalization, methods, mechanisms.

Kiryukhin D.V.

Polozova V.P.

Starkova E.A.

Egorova L.V.

Gavrilova Y.V.

Possibilities of dialogue in the media space on the example of the author's project "chronica magistri"

The article examines the problem of the relationship between a modern teacher and his students in the media space of the social network "Vkontakte" when conducting the author's project "Chronica Magistri", which is a public page which content analyzes mistakes made, draws attention to the discipline being studied and is a platform for informal communication. The authors draw attention to the increased interest in various aspects of learning foreign languages in recent years. Despite the fact that the named project is being implemented on a voluntary basis in the free time and at the authors' own expense, the prospects for its development include not only expanding the audience, but also adding new educational and methodological materials, publishing new translations and sources, posting educational and scientific materials, popular content related to the history of the development of foreign languages and cultures of different countries, as well as a variety of multimedia audio and video materials.

Key words: teaching foreign languages at a non-linguistic university, Latin, English, classical studies, Internet, social networks and blogs, social network "Vkontakte", Chronica Magistri project.

Gubkina V.S.

From the history of research of semantic types of predicate

In the modern world, linguistic semantics is represented by different movements and schools. It seems important to synthesize and harmonize various approaches and compare various methods and techniques. A significant role in this issue is given to the identification of semantic categories and ways of expressing them in a particular language. But the structure of the content of these categories, their status in language and the role of speech and mental activity have not yet been sufficiently studied. Issues of the semantic category are constantly in the attention of philologists. However, as far as we know, there are no fundamental studies on this topic.

Key words: active grammar, productive speech acts, onomasiological approach, Russian as a foreign language, positive meanings, proposition.

Kobzeva O.V.

Fedorova E.L.

Chistyakova N.A.

Semantic universals and specific national features of phraseological units with the component "soul" and "heart" in French, English and Russian

The article examines a variety of phraseological units that not only contribute to increasing the vocabulary of words in a foreign language, but are also a means of expanding the linguistic and cultural horizons of students. The purpose of this work was to study the corpus of phraseological units with the component "soul" and "heart" in different languages and to develop a step-by-step algorithm for teaching this phenomenon to students. The work emphasizes the important idea that the national-cultural plan of phraseological units of the Russian, French and English languages, facilitates the process of mastering background knowledge of the country of the language being studied, its history and culture, and also allows us to determine the universal and nationally specific features of phraseol-

ogy. The method of comparative analysis of the semantics of phraseological units makes it possible to identify linguistic and extralinguistic reasons for the similarities and differences of phraseological units in different linguistic cultures.

Key words: phraseological units, method of comparative analysis, extralinguistic reasons, semantic universals, linguistic and cultural horizons of students.

Rasul Fryad Ismail Rasul

Reaction to the Iraqi Kurdistan referendum in the Russian media

The article examines the issues of relations between the Kurdistan Region and the Central Government of Iraq, which led to the Iraqi-Kurdish referendum in 2017. The author explains the reasons for the tension between the two sides. The analysis of Russian media publications on the referendum and its consequences, which show Russia's position on these issues, is carried out. The results of the study highlight the complexity of the situation and the need for a diplomatic settlement of the Kurdish issue, where Russia can play an important role. The recommendations aim to strengthen international mediation and dialogue to mitigate conflict and promote stability. In conclusion, the Kurdish right to self-determination is emphasized within the framework of global support and regional stability, covering a multidimensional discourse related to Iraqi-Kurdish relations.

Key words: Iraqi Kurdistan, Kurdish independence, Referendum, Iraq, Russian media.

Darenskaia I.V.

“Dialogue with the people” in the context of mobilization mechanisms in the industrial cities of the Urals during the period of the “great turning point”

Based on the involvement of a wide range of archival materials, the article analyzes the forms of dialogue between government and society during the mobilization campaigns of the early Soviet era. The article examines the forms that were common in the Urals during the “great turning point”: meetings as a format of public forums with two-way communication, a dialogue between government and society on the pages of the media and by sending “letters to the authorities”. On the basis of organizational and administrative, analytical materials, “ego documents” and urban folklore, the verbal and non-verbal reactions of the population of industrial cities to the proposed forms of interaction are considered, the reasons for participation/non-participation are analyzed, the motives of the authorities and society to maintain a dialogue format are compared. Interpreting mobilization campaigns as actions of the country's leadership to involve the population in the process of forced transformations in order to obtain political and economic results, the author proves the need for the country's leadership to maintain a dialogue with society as a tool for implementing the objectives of the campaigns.

Key words: Power, mobilization campaigns, “great turning point”, dialogue.

Harutyunyan M.N.

Darmilova E.N.

Urchukova S.R.

Problems of formation and development of Russian public thought at the turn of the XVIII-XIX centuries

The development of public thought and the formation of the main political trends, as well as the entire Russian culture of the XVIII-XIX centuries, was determined by the ideology of the Enlightenment era with its concepts of the supreme role of knowledge and reason in the life of every person and society as a whole, freedom and equality of all people, attention to the human personality.

Key words: government, society, state, public thought, history of Russia.

Narcissus M.S.

The private life of the rural (white) clergy of the Vologda Diocese in the XVII century

The article examines the peculiarities of the private life of the rural (white) clergy of the Vologda diocese of the XVII century. The purpose of the study was to examine the role and place of rural clergy in relation to the parish and the peasant community based on historical sources of that time: the Collection of Acts of the Northern Territory. Based on the use of the source and historical method of analysis and synthesis, the position of the parish clergy and the peculiarities of their status, as well as the relationship with their environment, including church elders, are analyzed. The role of the village priest is considered as the confessor of the community, it is shown that in the XVII century the traditions of church family service and the transfer of the parish from father to son were born. The results of the study revealed the peculiarities of the private life of the white clergy of the Northern Territory, who had the same existence as the other part of the population (peasants): birth, wedding, death, cultivation of the land, but some of them also had such vices of worldly life as drunkenness, theft, adultery, they could become the victim of a slip of the tongue.

Key words: rural clergy, white clergy, Vologda diocese, priest, parish, community, decanter, cellarer, bishop, deacon.

Gorokhov V.I.M.

On the issue of distorting the text of the Verdict of the International Military Tribunal in the Collections of Materials “Nuremberg Trials”

The article examines the text of the verdict of the International Military Tribunal from collections of materials “The Nuremberg Trials” of different years of publication and compares it with the verdict of the International Military Tribunal, announced on September 30 – October 1, 1946. It is concluded that these documents are not authentic. A probable connection between the distortion of the text of the verdict and an attempt by outside forces to hide a number of crimes of Hitler’s Nazi regime against the people of the Soviet Union is noted. The question is raised about the absence of the original verdict of the International Military Tribunal in the State Archives of the Russian Federation.

Key words: World War II, The Great Patriotic War, war crimes, Nuremberg Trials, Verdict of the International Military Tribunal, Dissenting Opinion of Judge Nikitchenko.

Alaa Alshikh

Vorozheykina T.M.

Essay on the history of agricultural accounting

This study examines the doctrine of “agronomic accounting” that spread to France in the first half of the nineteenth century. optimize their productive efficiency. Agronomic accounting thus embodies a broader concept of “yield” as part of the energetic understanding of production that led to the English “agricultural revolution” that began in the sixteenth century but gained momentum from the late seventeenth century. Historians often say that there was an agricultural revolution in England. This article compares the systems of slavery in the United States and their corresponding emancipations. accounting functions. In Egypt, the basis on which accounting concepts were based was defined, as became clear during the Egyptian revolution against the British occupation, as Egypt then became an agricultural economic complex. The main characteristics of economic growth, structural changes in the agricultural sector and the emergence of accounting reporting were discussed.

Key words: history, agricultural era, agricultural accounting, accounting record, accounting records.

Bedretdinova L.N.

Solovyov’s foreign trip in 1842-1844

This paper examines the trip abroad of Sergei Mikhailovich Solovyov, his acquaintance with the

scientific activities of foreign historians and philosophers as a factor influencing the emergence of his historical concept.

Key words: historical concept, articles, letters, archives.

Patrakeev A.V.

The activity of factory inspectors in Russia at the beginning of the XX-th century

The article analyzes the activities of factory inspectors in Russia at the beginning of the twentieth century. The purpose of the study is to study the history of the development of the institute of factory inspection in the early twentieth century. The main areas of activity of the factory inspection, the problem of subordination of enterprises to its supervision and the possibility of release from it, the issue of personnel of factory inspectors were considered. In the course of the work, it was established that researchers on the issue of factory inspection in Russia at the beginning of the twentieth century showed unanimity that factory inspectors were an important link in the labor protection system. This article may be useful to researchers of the situation of workers in Russia at the beginning of the twentieth century.

Key words: factory inspection, factory inspectors, control and auditing activities, mediation activities.

Feklistova I.V.

Bogdanov S.V.

Motivation of active collaborators in the soviet territory occupied by the German invaders (based on the materials of the criminal cases of the USSR KGB in the Belgorod Region)

The article deals with the problem of voluntary active cooperation of individual Soviet citizens with the German invaders and allies of the Third Reich during the Great Patriotic War. Particular attention is paid to the motivation of individual Soviet citizens - residents of the Kursk region to go over to the side of Nazi Germany. The information base of the study is the archival and investigative cases of traitors to the Motherland, which were investigated by employees of the state security bodies of the Belgorod region. Among the convicted persons were former employees of the secret services of Nazi Germany - the 725th external command of the secret field police (GFP), the gendarmerie, secret agents of the Nazi German security service (SD), military intelligence (Abwehr), Russian auxiliary police, etc.

Key words: German occupation, collaborationism, GFP, Kursk region, KGB of the USSR.

Eshmatova G.B.

Deputies from the Altai Republic in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation

The article examines the procedure for the formation of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, contains an analysis of the main changes in the issue of admission of electoral associations to participate in elections to the lower house of parliament. Based on official data, the socio-professional characteristics of the deputies of the State Duma of all eight convocations elected from the Altai Republic were studied. The study showed that major political parties are winning the elections, for which the new electoral legislation is an ideal condition for conducting an election campaign.

Key words: State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, representation of regions, electoral system, elections, mandate, deputies, political parties, social composition.

Kryzhanovskiy A.V.

The USA and EU: ordeal by bananas (glimpses of the history of American-European trade conflicts)

American-European trade clashes are an inseparable part of transatlantic relations due to the

permanent economic competition between Washington and Brussels. Using as an example “banana wars” which lasted fifteen years (1994-2009) and were linked to the EU discriminatory tariffs on the bananas imported from non-ACP countries (ACP – Africa, the Caribbean region, the Pacific region) the author undertakes a detailed research of various components of the given trade conflict – economic, geopolitical, international legal, sociocultural. Special attention is paid to the fact that the lessons of «banana wars» induce reflections upon serious problems running far beyond the single trade conflict. The matter concerns such issues as critical importance of application of the most favoured nation principle, the need for settling trade disputes within the framework of WTO, growing interdependence of USA, EU and developing countries in the multilateral trade system and – last but not least – stable positions of economic lobbyism in the United States. Despite optimistic declarations of EC senior officials, a formal completion of American-European confrontation does not reliably protect against the relapse of “banana wars” in the short-term perspective.

Key words: USA, EU, transatlantic relations, American-European trade conflicts, “banana wars”, American foreign policy, EU foreign policy.

Tape G.D.

Duvu P.M.

Reasons for the ineffectiveness of international organisations in resolving crises in Africa: the case of ECOWAS

In the 19th century, the African continent became the focus of attention of the colonial empires, which determined their geopolitical interests. However, the struggle for resources did not end when African countries gained their independence: during the Cold War, they became a battleground between the Soviet and American blocs, and the former metropolises are still seeking to interfere in their internal affairs today. Today, African states are faced with various challenges and threats: demographic problems, the problems of international terrorism, the spread of infectious diseases and territorial conflicts. To solve these problems, African countries are striving to consolidate themselves within the framework of inter-state unions, whose activities are important to study in the context of the emergence of a modern multipolar world: this is precisely why the Economic Community of West African States (ECOWAS) was created, with the main aim of strengthening the economy. However, the organization has evolved into one dedicated to conflict prevention and resolution. The aim of this study is to identify the reasons for the ineffectiveness of this regional organization in resolving crises in West Africa.

Key words: resolution, political crises, inefficiency, international organization, sovereignty, ECOWAS, Globalization, Sovereign States, financial difficulties, electoral crises.

Ngoye S.T.

Evolution of Russia’s policy towards Central African

The evolution of Russia’s policy towards Central African countries has undergone a multifaceted transformation, reflecting Moscow’s strategic recalibration and growing interest in the region. In recent years, Russia has strategically expanded its diplomatic, economic, and military engagements with Central Africa, signaling a departure from the relative neglect of the post-Soviet era. Economic collaboration serves as a cornerstone, with Russia seeking to secure access to the region’s abundant natural resources. Notably, the Power of Siberia gas pipeline project exemplifies Moscow’s efforts to strengthen energy ties and enhance economic cooperation. Furthermore, the military dimension of Russia’s policy in Central Africa is evident through its involvement in peacekeeping and security initiatives. Moscow has deployed military advisors and equipment to assist in stabilizing conflict-prone areas, fostering closer ties with Central African governments.

The Central African Republic, in particular, has witnessed a deepening of military cooperation, with Russia providing training and support to bolster the nation’s security apparatus. Diplomatically,

Russia has engaged in high-level dialogues and partnership-building initiatives, emphasizing the importance of mutual respect and non-interference in internal affairs. The creation of diplomatic platforms, such as the Russia-Africa Summit, underscores Moscow's commitment to fostering diplomatic ties and strengthening its influence on the continent. This evolution in Russia's policy is characterized by a departure from a transactional approach to a more comprehensive and strategic engagement.

Moscow's interests in Central Africa extend beyond immediate economic gains, encompassing geopolitical considerations, security dynamics, and the projection of influence in the global arena. The utilization of soft power, including cultural and educational exchanges, further illustrates Russia's multifaceted approach to building lasting partnerships in the region. While economic initiatives have contributed to Russia's increased presence in Central Africa, it is the combination of economic, military, and diplomatic efforts that defines the nuanced evolution of Moscow's policy. The strategic alignment with Central African countries serves Russia's broader geopolitical objectives, positioning it as a key player in the African continent's evolving landscape. The evolution of Russia's policy towards Central Africa reflects a dynamic engagement that balances economic interests with diplomatic and security considerations, marking a significant departure from historical patterns.

Key words: Africa, Russia, relations, cooperation, diplomacy, assistance, joint projects.

Zhu Wenqing

Actual issues of international policy in the context of globalization processes

This article comprehends the essence of the globalization process in the context of international relations, considers the nature of the globalization process and the spheres it affects. The article argues that globalization has radically changed the aspects of international politics that existed before the Cold War. Having analyzed the causes and trends of globalization development, the article concludes that political globalization, which captures the level of international relations, is rather a negative factor of political development than a positive one, because in the globalization world there is a hierarchy and interdependence of states on each other. Moreover, all processes in the system of international relations are approved or disapproved by the United States of America, a state that has declared itself the "leader of the world", which completely nullifies the theory of globalization. The problem of domination in the world by one power has raised the issue of creating a global government that will direct the process of international relations in the right direction, establishing a new world order and providing the world with a stable political development.

Key words: globalization, globalization process, world political system, international relations, world order.

Krestovnikov V.A.

Ancient German religious transformation

The article analyzes the ancient German religious transformation – the change in the role of the supreme deity and the appearance of the plot about the "Death of the Gods" after a three-year winter. The task of the study is to substantiate the approximate chronological boundaries of the noted changes, as well as to search for an analysis of the probable causes of the transformation. The ancient and medieval source base on German-Scandinavian paganism is highlighted and compared, and relevant modern scientific publications on the topic are noted. Next, data on ancient Germanic religious beliefs are compared by comparing the medieval Scandinavian sagas that have come down to the present time with the reconstructed proto-Indo-European mythology, and specific Germanic innovations are highlighted. Then the probable causes of mythological changes are analyzed: clashes with Rome, the allocation of a stratum of professional warriors against the background of the economic development of German society, climatic changes and the beginning of the events of the Great Migration of Peoples. As a conclusion, a generalized chronology of religious transformation is given.

Key words: mythology, Germanic paganism, ancient Germans, Indo-Europeans, skaldic poetry.

Авторы

Алиших Алаа - аспирант. Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва.

Арутюнян М.Н. - кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиал СПИ (Ставропольский государственный педагогический институт) в г. Железноводске.

Бедретдинова Л.Н. - кандидат исторических наук, ОАНО ВО «Московский социально-психологический университет».

Богданов С.В. - доктор исторических наук, профессор Губкинского филиала, НИТУ «Московский институт стали и сплавов».

Ворожейкина Т.М. - доктор экономических наук, доцент. Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва.

Гаврилова Ю.В. - преподаватель кафедры туризма и гостеприимства. Нижегородский государственный инженерно-экономический университет, г. Княгинино.

Горохов В.М. - старейшина русской общины. Независимый исследователь. Военная академия Министерства обороны Российской Федерации, Ростов-на-Дону.

Губкина В.С. - преподаватель кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Даренская И.В. - кандидат исторических наук. Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», г. Нижний Тагил.

Дармилова Э.Н. - кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин. Северо-Кавказская государственная академия.

Дуву Ф.М. - аспирант, кафедра теории и истории международных отношений и внешней политики. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Егорова Л.В. - старший преподаватель кафедры языкознания и иностранных языков. Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Нижний Новгород.

Иванова М.Е. - старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Кирюхин Д.В. - доцент кафедры «Иностранные языки», кандидат исторических наук, доцент. Нижегородский государственный агротехнологический университет, г. Нижний Новгород.

Кобзева О.В. - кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет.

Крестовников В.А. - аспирант, Московский Городской Педагогический Университет.

Кропота О.А. - доцент кафедры «Педагогика и методика профессионального обучения». ФГБОУ ВО Волгоградский государственный аграрный университет, Волгоград.

Крыжановский А.В. - кандидат исторических наук, доцент. Московский государственный институт международных отношений.

Лукина М.Н. - старший преподаватель. ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», Институт зарубежной филологии и регионоведения, г. Якутск.

Нарцисс М.С. - аспирант. Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук.

Нгойе С.Т. - аспирант. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Патракеев А.В. - аспирант, Вологодский государственный университет.

Полозова В.П. - заведующий кафедрой «Иностранные языки, кандидат филологических наук, доцент. Нижегородский государственный агротехнологический университет, г. Нижний Новгород.

Расул Фрэд Исмаил Расул - магистр, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Резепова Н.В. - доцент кафедры иностранных языков №2 ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», доцент кафедры русского и иностранного языков. ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет кинематографии имени С.А. Герасимова (ВГИК)».

Сон Ён Иль - соискатель. Тихоокеанский государственный университет, Инчхон, Республика Корея.

Старкова Е.А. - старший преподаватель кафедры «Иностранные языки». Нижегородский государственный агротехнологический университет, г. Нижний Новгород.

Тан Н.Д. - аспирант, кафедра теории и истории международных отношений и внешней политики.

Урчукова С.Р. - кандидат политических наук, заведующая кафедрой экономики и менеджмента, Институт деловой карьеры, филиал в Карачаево-Черкесской республике.

Федорова Е.Л. - кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания, ФГБОУ ВО Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина.

Феклистова И.В. - соискатель кафедры российской истории и документоведения, НИУ Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Хуан Сянюань - магистр. Хэйлуцзянский университет.

Чжу Вэньцин - магистр, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Чистякова Н.А. - старший преподаватель кафедры филологии (факультет лингвистики), МФПУ «Синергия». Член экспертного совета журнала «Управление образованием: теория и практика».

Чубарова Ю.Е. - доцент кафедры теории речи и перевода, ФГБОУ ВО Московский государственный университет имени Н.П. Огарёва, Саранск.

Шагина Ю.В. - доцент кафедры «Педагогика и методика профессионального обучения». ФГБОУ ВО Волгоградский государственный аграрный университет, Волгоград.

Эшматова Г.Б. - кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Бюджетное научное учреждение Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики имени С.С. Суразакова». Республика Алтай, г. Горно-Алтайск.

Authors

Alaa Alshikh, Graduate student. Russian State Agrarian University — Moscow State Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev.

Bedretdinova L.N., Candidate of Historical Sciences. Moscow Social-Psychological University.

Bogdanov S.V., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Gubkin branch, NUST “Moscow Institute of Steel and Alloys”.

Chistyakova N.A., Senior Lecturer, Department of Philology (Faculty of Linguistics), MFPU “Synergy”. Member of the expert council of the journal “Education Management: Theory and Practice”.

Chubarova Yu.E., Associate Professor, Department of Speech Theory and Translation, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Moscow State University named after N.P. Ogareva, Saransk.

Darmilova E.N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities. North Caucasus State Academy.

Darenskaia I.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhny Tagil.

Duvu P.M., Phd student, department of theory and history of international relations and foreign policy. Peoples’ Friendship University of Russia.

Egorova L.V., Senior Lecturer at the Department of Linguistics and Foreign Languages. Volga branch of the Russian State University of Justice, Nizhny Novgorod, Russia.

Eshmatova G.B., Candidate of Political Sciences, Senior staff scientist, Scientific research institute of Altaic studies, by name of S.S. Surazakov (Budgetari scientific institution).

Fedorova E.L., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education State Institute of Russian Language named after A.S. Pushkin.

Feklistova I.V., Candidate of the Department of Russian History and Documentation of the National Research University of Belarus.

Gavrilova Y.V., Lecturer at the Department of Tourism and Hospitality. Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics, Knyaginino.

Gorokhov V.M., The elder of the Russian community. Independent investigator. Military Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Rostov-on-Don.

Gubkina V.S., Lecturer at the Department of Comparative Language Studies, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies. Lomonosov Moscow State University.

Harutyunyan M.N., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines branch of the SSPI in Zheleznovodsk.

Huang Xiangyuan, Master. Heilongjiang University.

Ivanova M.E., Senior Lecturer, Department of Foreign Languages № 2. Plekhanov Russian Economic University.

Kiryukhin D.V., Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Nizhny Novgorod State Agrotechnological University, Nizhny Novgorod.

Kobzeva O.V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, National Research Moscow State University of Civil Engineering.

Krestovnikov V.A., Graduate Student. Moscow City Pedagogical University.

Kropta O.A., Associate Professor of the Department of Pedagogy and Methods of Vocational Training. Volgograd State Agrarian University, Volgograd.

Kryzhanovskiy A.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Moscow State Institute of International Relations.

Lukina M.N., Senior Teacher, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Institute of Foreign Philology and Regional Studies, Yakutsk.

Narcissus M.S., PhD student, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

Ngoye S.T., Postgraduate Student. Peoples' Friendship University of Russia.

Patrakeev A.V., Postgraduate, Vologda State University.

Polozova V.P., Head of the Department of Foreign Languages, Candidate of Philosophy, Associate Professor. Nizhny Novgorod State Agrotechnological University, Nizhny Novgorod.

Rasul Fryad Ismail Rasul, Master, Peoples' Friendship University of Russia.

Rezepova N.V., Associate Professor of Chair of Foreign Languages № 2. The Plekhanov Russian University of Economics, Associate Professor of Chair of Russian and Foreign Languages. Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov.

Shagina Y.V., Associate Professor of the Department of Pedagogy and Methods of Vocational Training. Volgograd State Agrarian University, Volgograd.

Song Yong Il, Pacific national university. Incheon, Republic of Korea.

Starkova E.A., Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages. Nizhny Novgorod State Agrotechnological University, Nizhny Novgorod.

Tape G.D., Phd student, department of theory and history of international relations and foreign policy.

Urchukova S.R., Candidate of Political Sciences, Head of the Department of Economics and Management, Institute of Business Career, branch in the Karachay-Cherkess Republic.

Vorozheykina T.M., Doctor of economic science. Russian State Agrarian University — Moscow State Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev.

Zhu Wenqing, Master, Lomonosov Moscow State University.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЭТНОСОЦИУМ»**

Журнал «ЭТНОСОЦИУМ и межнациональная культура»
входит в Перечень ВАК РФ

В составе редакционного совета ведущие государственные, общественные деятели, выдающиеся российские и зарубежные ученые. В работе журнала участвуют все регионы России, страны Латинской Америки, Китая, Европы. Журнал распространяется во всех органах государственной власти России (во всех регионах), в посольствах зарубежных стран и за рубежом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ:

создание, регистрацию, издание и продвижение журналов и альманахов; помощь во всех вопросах, в том числе в юридических, бухгалтерских, арендных, кадровых.

Редакционная подготовка

(литературное и техническое редактирование), дизайн.

Рецензенты и оппоненты, доктора наук и профессора.

Издаем книги, монографии, авторефераты, учебные пособия и др. на высоком уровне, нужным тиражом!

В процесс выпуска книги входит:

- * допечатная доработка (по желанию автора);
- * редактирование;
- * корректура;
- * подготовка электронного макета;
- * присвоение ISBN;
- * присвоение кодов УДК, ББК и авторского знака;
- * разработка дизайна обложки;
- * печать тиража (различными способами: офсет, цифра);
- * передача 16 экземпляров в Книжную палату;
- * рассылка готового тиража по территории РФ.

Все изданные нами книги проходят рецензирование и квалифицированную предпечатную подготовку.

www.etnosocium.ru
тел: +7 (495) 772-19-99
e-mail: etnosocium@mail.ru